

ЭКОНОМИКА

УДК 331

*Владимир Никифорович Белкин,
Надежда Андреевна Белкина,
Ольга Анатольевна Антонова*

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН

КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ТРУДА

В статье рассматриваются теоретические проблемы оценки труда, предлагается критерий оценки коллективного и индивидуального труда. Излагается опыт оценки труда на основе предложенного критерия.

Ключевые слова: оценка труда, критерий оценки труда, тарифно-окладная система оплаты труда, фонд заработной платы, Система «РОСТ», зарплатоемкость реализованной продукции, оценка труда персонала организации.

Труд повременщиков и окладников измеряется на практике рабочим временем. Однако разные работники приносят в единицу времени весьма различающийся полезный эффект, так как неодинаковы количество и качество их труда. Но уловить эти различия весьма сложно, поэтому при оплате их труда господствует уравниловка, что понижает мотивацию труда работников.

Реально оценивается труд только у рабочих-сдельщиков. В современных условиях даже в производственных коллективах (заводах, фабриках, шахтах, стройках и т. д.) доля рабочих-сдельщиков невелика (обычно 25–30 %). В связи с этим труд двух третей работников производственных организаций, а в непромышленной сфере всех работников, не оценивается и зарплата распределяется в основном уравнилительно.

Провозглашенный социалистический принцип распределения – по количеству и качеству труда – для большинства работающего населения СССР так и остался декларацией. Этот принцип на практике был истолкован таким образом, что зарплату стали назначать в зависимости не от трудового вклада работника, результата его труда, а от его образования, уровня квалификации, должности, условий труда, народнохозяйственного значения отрасли и географического района труда. В этом перечне показателей полезный эффект труда затерялся.

Еще до начала труда работнику назначают основную зарплату, полагая, что чем выше квалификация и образование, тем больший трудовой вклад он внесет. Однако на практике далеко не всегда это происходит. Во-первых, потому, что неизвестно, как будет работник относиться к труду, захочет ли он полностью использовать свой трудовой потенциал. А во-вторых, потому, что труд и его продукт зависят не только от работника, но и от условий, в которые его ставит организация. В последние годы в России миллионы высококвалифицированных рабочих и руководителей резко понизили производительность труда, порой месяцами находятся в вынужденных отпусках и т. д. Так что прямой и жесткой связи между уровнем развития работников и эффективностью производства товаров и услуг может и не быть. В связи с этим обстоятельством назначенные априори тарифные ставки и оклады зачастую не подтверждаются продуктом труда.

Весьма важно определиться теоретически – что является критерием оценки труда работника. Для этой роли не подходят, как мы уже показали, уровень квалификации, обра-

зования, стаж работы и т. д. Организация вовсе не обязана оплачивать деловые качества работника. Она нанимает его исключительно для того полезного эффекта, который он может принести. Поэтому и оценивать его нужно по величине этого полезного эффекта. Иначе говоря, критерием оценки труда может быть только полезный эффект труда и ничего более. Причем неважно, в чем выражается полезный эффект – в виде некоторого количества деталей, изделий или услуг управленческой деятельности, услуг производственного и непроизводственного характера.

Трудовой кодекс РФ рекомендует оценивать труд по усилиям, затратам рабочего времени, квалификации, количеству и качеству труда и т. п. Все это находится на стороне работника. Это характеризует его трудовой потенциал, и он требует за него соответствующую оплату, а оплата – это и есть денежная оценка. Работник рассуждает так: я работаю от «звонка до звонка», никаких замечаний не имею, квалификация у меня высокая – плати как положено, т. е. хорошо плати.

Работодатель рассуждает иначе: я тебя нанял для того, чтобы ты выполнял свои трудовые обязанности, причем напряженно, инициативно и т. д. Ты должен окупить мои расходы на твою зарплату и принести организации еще прибыль. То есть работодатель оценивает труд с точки зрения достижения целей организации. А цель организации – не количество и качество труда, а количество и качество продукта труда. Поэтому и оценка труда должна исходить из целей хозяйственной деятельности. В условиях рынка критерием оценки труда является масса выручки, а вознаграждение за труд – часть этой выручки в виде фонда заработной платы.

До тех пор, пока труд не завершен, пока не получен результат труда, ничего определенного о труде сказать нельзя, невозможно его оценить. Как невозможно измерять вес весом, длину длиной, так нельзя оценивать труд трудом (1, 2). Оплачиваться должен лишь оцененный труд – и не по его количеству и качеству, а по продукту, полезному эффекту труда, т. е. по тому, во что реально вылились количество и качество труда. Это положение подтверждает современная российская экономика. Рынок оценивает не труд, а его продукт. Рынку все равно, какая квалификация и какое образование у работников организации, уровень организации труда и работы с персоналом, интенсивность и производительность труда и т. д.

Итак, в условиях рынка критерием оценки труда коллективов организаций является масса выручки от продажи товаров и услуг. Иначе говоря, критерий – не количество и качество труда коллектива, а количество и качество реализованных продуктов его труда. Это весьма важное обстоятельство. Из него следует, что критерием оценки труда работника внутри организации должен быть продукт труда в виде товара или услуг, трудовой вклад работника в общий конечный результат труда.

Какие функции на самом деле выполняет тарифно-окладная система (ТОС), можно показать на примере 18-разрядной тарифной системы, широко распространившейся в последние годы не только в бюджетных, но и в коммерческих организациях.

Главная функция – это распределение работ в организации по уровню сложности, ответственности и т. п. Всю совокупность работ распределяют по иерархической лестнице по 18 «полкам». Осуществляется дифференциация работ с помощью тарифных коэффициентов, возрастающих от 1 до 18-го разряда. При этом в той или иной конкретной организации иногда нет нужды распределять работы именно по 18 разрядам, достаточно, например, иметь 4–5 уровней сложности работ. В таких случаях организации приспосабливаются к указанной сетке, заполняя лишь отдельные «полки».

Другая важная функция ТОС – распределение работников по разрядам сетки. При этом за основу дифференциации работников берутся, как правило, принадлежность к той или иной социально-профессиональной группе организации и уровень профессиональной подготовки (компетентности). Рабочие занимают нижнюю часть сетки, специалисты и служа-

щие – среднюю, руководители – верхнюю. Внутри этих групп работников распределяют по разрядам в зависимости от уровня профессиональной компетентности (с учетом образования, стажа, личных заслуг) – то есть по уровню их трудового потенциала.

Следующей функцией ТОС является денежная оценка работ и трудового потенциала работников. Все виды работ получают оценку в виде тарифных ставок или окладов. Тем самым оценивается и трудовой потенциал работников, распределенных по разрядам работ.

Таким образом, ТОС служит для распределения работ по их сложности, распределения работников по работам в зависимости от их трудового потенциала, денежной оценки работ и трудового потенциала работников. Широко распространено мнение о том, что ТОС есть система оценки труда, на самом же деле она совершенно не ориентирована на оценку труда, так как не может учесть продукт труда – единственный критерий оценки труда.

Задача заключается в том, чтобы, во-первых, оценить трудовой потенциал работника; во-вторых, оценить его трудовой вклад. Оценка трудового потенциала работника осуществляется через тарифные и бестарифные системы. При этом должно быть четко оговорено, что это не заработная плата, а цена трудового потенциала. Вознаграждение работника в виде зарплаты должно соответствовать не трудовому потенциалу, а трудовому вкладу. Иначе говоря, зарплата – это цена труда, а не трудового потенциала.

Термин «оценка» происходит от глагола «оценивать», что означает устанавливать (определять) чему-либо цену. Именно из этого семантического содержания термина «оценка» мы и исходим в своей работе. Отсюда следует, что оценка труда – это определение цены труда. Цена труда, как правило, выражается в деньгах, однако она может быть выражена в натуральных продуктах (натуроплата).

Для рабочих-сдельщиков денежная оценка труда осуществляется путем умножения расценки на число изделий. Для рабочих-повременщиков, руководителей, специалистов и служащих нужны иные способы расчета цены их труда, косвенные методы, так как эти категории работников непосредственно продукт труда не производят. Тем не менее необходимо определять их трудовой вклад и оценивать его, в противном случае уравниловку в оплате преодолеть не удастся. В связи с изложенным встает сложная и весьма актуальная задача – научиться оценивать труд повременщиков и окладников.

Исходным положением в данном случае должно послужить очевидное обстоятельство – труд коллектива организации оценивает рынок. Именно с рынка приходят денежные средства, часть которых как раз и представляет собой цену труда коллектива организации – фонд заработной платы. Чем эффективнее труд коллектива, тем выше оценка его труда, и наоборот. Однако это лишь общее правило. В каждом конкретном случае на оценку труда коллектива организации влияет также распределение вырученных средств между наемным персоналом и собственниками. Тем не менее тенденция очевидна: чем эффективнее труд, тем больше объем реализованной продукции и возможности повышения оценки коллективного труда (ФЗП). Следовательно, дело только за тем, чтобы разработать механизм реализации этой тенденции. Для этого нужно связать показатели оценки труда коллектива организации с объемом товарной продукции и объемом продаж. Тогда рынок войдет внутрь организации и заставит ее приспособить внутренний хозяйственный механизм к требованиям рынка.

Однако проблема оценки труда этим не исчерпывается. Необходимо научиться оценивать труд коллективов структурных подразделений организации. Обычно он не оценивается, за исключением тех производственных организаций, в которых планируются и учитываются показатели производства основных цехов. Что же касается труда коллективов структурных подразделений вспомогательного производства и управления, то практически его нигде не оценивают.

По этой причине именно во вспомогательных, обслуживающих подразделениях и управлениях организаций господствует уравнительное распределение ФЗП. Чтобы пре-

одолеть «уровниловку», необходимо научиться оценивать коллективный труд, а для этого надо дать структурным подразделениям показатели оценки коллективного труда, учитывать их выполнение, определять трудовой вклад каждого коллектива и жестко связать ФЗП коллектива с результатами его работы.

В условиях рынка фонд зарплаты должен формироваться «по-рыночному», не так как в плановой экономике. В последней, как известно, ФЗП организации есть сумма индивидуальных зарплат. В сравнительно устойчивой экономике этот метод не приводил к каким-либо значительным негативным последствиям: за экономию ФЗП руководителей организации поощряли, за перерасход «журили», но дефицит зарплаты погашали за счет ресурсов вышестоящей организации. В условиях рынка этот механизм не годится, он уже привел к серьезнейшим негативным последствиям в виде задолженности по ФЗП. Организации по-прежнему формировали ФЗП как сумму индивидуальных зарплат, которые никак не были связаны с результатами труда ни работников, ни коллективов. Рынок оценивал труд коллективов все ниже и ниже, а организации продолжали начислять зарплату «по-социалистически». Однако неизбежно возникающий при этом дефицит ФЗП гасить было уже некому.

Произошел разрыв между механизмом действия рынка и внутренним хозяйственным механизмом организаций. Между оценкой труда на рынке и «плановой» оценкой труда внутри организации появилось острое противоречие. Его можно разрешить только приводя оценку труда внутри организации к рыночному принципу – т. е. по результату труда.

Таким образом, оценка труда начинается не внутри, а вне организации – на рынке. И только рынок может сказать, чего стоит труд коллектива, он же и отмерит ту величину ФЗП, которую можно распределять внутри организации.

Полученный ФЗП необходимо затем распределить сначала между структурными подразделениями организации, а затем уже между работниками. Как видим, ФЗП формируется при тарифно-окладной системе снизу вверх – от индивидуальной зарплаты к ФЗП организации. В условиях рынка ФЗП должен формироваться вверху (на рынке) и затем, распределяясь, направляться вниз, завершая свое движение в виде индивидуальной зарплаты. При таком подходе не будет ни задолженности по зарплате, ни ее экономии, так как распределяться будет тот ФЗП, который заработан, который имеется у организации, а не тот, который ей «положен».

В соответствии с изложенными теоретическими положениями нами была разработана система оценок индивидуального и коллективного труда. Во всех случаях в качестве критерия оценки труда мы принимаем результат труда, полезный эффект труда, оцененный по итогам за месяц.

Оценке труда в развитых странах традиционно придается большое значение. На протяжении многих десятилетий разрабатывались и проверялись на практике десятки (возможно, сотни!) систем оценки и оплаты труда. Прежде всего обращает на себя внимание сосредоточенность науки и практики на оценке индивидуального труда. Именно для оценки труда отдельного работника приспособлены японские, североамериканские и европейские методики. Таким образом, организация рассматривается не как совокупный работник, не как единый коллектив, а как сумма индивидуальных работников. В связи с этим в центре внимания оказываются индивидуальные экономические интересы, стимулирование индивидуального труда. Коллективные экономические интересы – интересы всего персонала организации и ее структурных подразделений – редко используются в процессе стимулирования труда, что бесспорно обедняет систему стимулирования, не позволяет задействовать мощные мотивационные резервы персонала. Здесь скрываются большие возможности роста эффективности труда и производства в развитых странах [3, 4].

Теория и практика использования Системы «РОСТ» на основе рыночного критерия оценки труда нашла отражение в книге В. Н. Белкина и Н. А. Белкиной «Оплата по результатам» [5].

Список литературы

1. Белкин, В. Н. Экономическая теория труда [Текст] / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина ; РАН, УрО, Ин-т экономики. – М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. – 352 с.
2. Белкин, В. Н. Повышение экономической и социальной эффективности труда : методологический аспект [Текст] / В. Н. Белкин. – М. : Экономика, 1980.
3. Волгин, Н. А. Японский опыт решения социально-экономических проблем [Текст] / Н. А. Волгин. – М. : ОАО «Изд-во «Экономика», 1998.
4. Голубович, А. Д. Управление банком: организационные структуры, персонал и внутрение коммуникации. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / А. Д. Голубович, А. В. Ситнин, Б. А. Хенкин, Н. В. Самоукина. – М. : АО «МЕНАТЕП-ИНФОРМ», 1995.
5. Белкин, В. Н. Оплата по результатам (Рыночная система мотивации и стимулирования труда «РОСТ») [Текст] / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина ; учебное пособие по курсам «Экономика труда», «Основы менеджмента», «Управление персоналом» для специальностей «Экономика труда» и «Менеджмент организации». – УрСЭИ АТиСО. – Челябинск, 2007. – 166 с.

УДК 331

Илья Владимирович Горбачев
Челябинский государственный университет

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ПЕРСОНАЛА НА ОСНОВЕ УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ

В статье рассматриваются аспекты нематериального стимулирования труда, обосновывается необходимость внедрения современных систем стимулирования труда персонала в России, рассматриваются системы стимулирования труда персонала на основе участия в управлении в США, Японии, Западной Европе.

Ключевые слова: стимулирование труда, партисипативное управление, участие в управлении, трудомотивирующий фактор, партнерские отношения, производственные кооперативы.

Среди всех факторов производства труд, пожалуй, самый специфический, так как связан напрямую с деятельностью человека. Это обстоятельство также делает труд и самым непредсказуемым фактором производства. Производительность капитала, к примеру, легко определяется технологическим уровнем развития производительных сил и сроком службы того или иного оборудования, а производительность труда может варьироваться в зависимости от массы факторов: природные условия труда, технологические условия труда, конъюнктура рынка, система стимулирования труда на предприятии, отношения в коллективе, управленческий подход и т. д. В труде заложен огромный потенциал развития экономики. Именно поэтому к труду как фактору производства сейчас приковано особенно пристальное внимание со стороны ученых различных научных направлений. В частности, исследование вопросов стимулирования труда на предприятии в настоящее время представляет огромную ценность для экономики как науки и экономики как сферы хозяйствования.

Для России актуально исследование опыта стимулирования труда таких стран, как США, Япония, стран Западной Европы. И это касается не только национальной эконо-

Список литературы

1. Белкин, В. Н. Экономическая теория труда [Текст] / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина ; РАН, УрО, Ин-т экономики. – М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. – 352 с.
2. Белкин, В. Н. Повышение экономической и социальной эффективности труда : методологический аспект [Текст] / В. Н. Белкин. – М. : Экономика, 1980.
3. Волгин, Н. А. Японский опыт решения социально-экономических проблем [Текст] / Н. А. Волгин. – М. : ОАО «Изд-во «Экономика», 1998.
4. Голубович, А. Д. Управление банком: организационные структуры, персонал и внутрение коммуникации. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / А. Д. Голубович, А. В. Ситнин, Б. А. Хенкин, Н. В. Самоукина. – М. : АО «МЕНАТЕП-ИНФОРМ», 1995.
5. Белкин, В. Н. Оплата по результатам (Рыночная система мотивации и стимулирования труда «РОСТ») [Текст] / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина ; учебное пособие по курсам «Экономика труда», «Основы менеджмента», «Управление персоналом» для специальностей «Экономика труда» и «Менеджмент организации». – УрСЭИ АТиСО. – Челябинск, 2007. – 166 с.

УДК 331

Илья Владимирович Горбачев
Челябинский государственный университет

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ПЕРСОНАЛА НА ОСНОВЕ УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ

В статье рассматриваются аспекты нематериального стимулирования труда, обосновывается необходимость внедрения современных систем стимулирования труда персонала в России, рассматриваются системы стимулирования труда персонала на основе участия в управлении в США, Японии, Западной Европе.

Ключевые слова: стимулирование труда, партисипативное управление, участие в управлении, трудомотивирующий фактор, партнерские отношения, производственные кооперативы.

Среди всех факторов производства труд, пожалуй, самый специфический, так как связан напрямую с деятельностью человека. Это обстоятельство также делает труд и самым непредсказуемым фактором производства. Производительность капитала, к примеру, легко определяется технологическим уровнем развития производительных сил и сроком службы того или иного оборудования, а производительность труда может варьироваться в зависимости от массы факторов: природные условия труда, технологические условия труда, конъюнктура рынка, система стимулирования труда на предприятии, отношения в коллективе, управленческий подход и т. д. В труде заложен огромный потенциал развития экономики. Именно поэтому к труду как фактору производства сейчас приковано особенно пристальное внимание со стороны ученых различных научных направлений. В частности, исследование вопросов стимулирования труда на предприятии в настоящее время представляет огромную ценность для экономики как науки и экономики как сферы хозяйствования.

Для России актуально исследование опыта стимулирования труда таких стран, как США, Япония, стран Западной Европы. И это касается не только национальной эконо-

мики в целом, но и отдельных отраслей, предприятий, всей экономической культуры. Россия до сих пор переживает отголоски коммунизма: на многих предприятиях используется односторонняя система стимулирования труда персонала (есть наказания, но отсутствуют вознаграждения), административные методы воздействия преобладают над экономическими, у управленцев недостаточно рычагов воздействия на подчиненных, высшее руководство проявляет низкую заинтересованность в организации работы предприятия. В свою очередь, в развитых странах уже несколько десятков лет используют современные системы стимулирования труда персонала, которые направлены на объединение интересов работников, управленцев и собственников, на сглаживание разногласий между трудом и капиталом, на выработку общих целей для всего предприятия. 25–30 лет назад в развитых странах была обнаружена тенденция снижения стимулирующего эффекта от заработной платы, в связи с этим были разработаны совершенно новые способы стимулирования труда персонала.

К таким способам относится партисипативное управление, которое включает в себя программы вознаграждения за труд, стремящиеся усилить внутреннюю мотивацию и заинтересованность работников в трудовом процессе путем расширения их полномочий в деятельности фирмы. Их также называют производственной демократией или экономической участью¹.

В отличие от большинства систем оплаты труда, построенных на признании индивидуального вклада работников фирмы, партисипативное управление базируется на признании взаимных интересов всех членов фирмы, что способствует интеграции этих интересов и увеличению заинтересованности работников в результатах труда.

Партисипативное управление существует в следующих формах:

- 1) участие работников в прибылях и собственности;
- 2) участие работников в доходах;
- 3) участие работников в управлении.

Участие в доходах – это программа мотивирования по сокращению расходов фирмы по установленным критериям: снижение издержек на оплату труда и затрат рабочего времени на единицу продукции, улучшение качества продукции и т. д. Это программа способствует усилению трудовой активности, ориентирует их на координацию деятельности и взаимодействие, преодолевает недостатки специализации. Эта форма участия наиболее эффективна в сравнительно небольших и стабильных фирмах, где хорошо видны существующие между подразделениями взаимосвязи и есть возможность контролировать затраты, разрабатывать стандарты деятельности. Иногда работники участвуют не только в доходах, но и в убытках фирмы.

Участие работников в прибылях и собственности представляет программу их мотивирования путем распределения некоторой части прибыли фирмы между ними, либо по итогам работы в форме обусловленных выплат (премий), либо по истечении определенного срока в соответствии с соглашениями о доверительном управлении принадлежащими работникам акциями.

Это система участия наиболее эффективна в быстрорастущих фирмах, получающих высокие прибыли, позволяющих устанавливать существенные поощрения для работников. Кроме этого, система признается эффективной, когда применяется для менеджеров и специалистов, которые своими решениями существенно влияют на деятельность фирмы. Для фирмы это форма дает дополнительный эффект, так как позволяет изменять размеры заработной платы в ходе приспособления к конъюнктуре рынка. Если прибыль фирмы снижается, то это позволяет ей обоснованно снижать выплаты работникам и наоборот.

Участие работников в управлении – это программа мотивирования их путем предоставления возможности участвовать в обсуждении и принятии решений по деятельности

фирмы. Схемы такого участия осуществляются на разных организационных уровнях. На уровне рабочих групп участие в управлении осуществляется посредством обсуждения и выработки решений членами этих групп в рамках представленных полномочий – например, кружки качества в Японии. На других организационных уровнях (производственных подразделениях и управления фирмы в целом) используется принцип представительства, в ряде стран закрепленный законодательно. В Германии работники включаются в наблюдательные советы и правления. Участие в профсоюзной деятельности позволяет определять социальную и кадровую политику предприятия².

Более подробно рассмотрим стимулирование труда персонала участием в управлении.

К преимуществам данного вида стимулирования труда персонала относятся:

- преодолевается отчужденность работников от результатов труда и укрепляется интеграция членов фирмы;
- повышается информированность работников о деятельности фирмы, что способствует ее эффективности и устранению конфликтных ситуаций;
- растет макроэкономическая и макросоциальная стабильность.

Однако данная система стимулирования труда имеет и ряд недостатков:

- передача наемным работникам прав принимать решения в политике фирмы способствует разрушению предпринимательских основ хозяйствования;
- работники склонны к принятию решений, в которых меньше риска, а при распределении дохода ориентируются на увеличение зарплаты, а не на инвестиции;
- работники избегают принятия инновационных решений;
- работникам трудно связать собственные трудовые усилия с результатами деятельности фирмы.

Но, тем не менее, как показывает практика использования такой системы стимулирования труда персонала за рубежом, результат она дает неплохой, участие работников в управлении повышает их заинтересованность в деятельности фирмы, повышает осведомленность о деятельности фирмы, делает их труд более интересным и разнообразным, заставляет их более ответственно подходить к собственному труду, позволяет работникам чувствовать себя не просто частью отлаженного механизма, а частью заводного устройства, которое приводит в действие весь механизм.

Например, в США стимулирование труда участием в управлении является одним из основных аспектов программ, способствующих повышению трудомотивирующего эффекта. В частности, большинство американских фирм и корпораций в качестве трудомотивирующего фактора широко использует делегирование («empowerment»), когда часть обязанностей, ответственности и полномочий по принятию решений передаются работникам, заслуживающим доверия³.

Вообще, стоит сказать о том, что в США, пожалуй, самая разветвленная система стимулирования труда персонала, в которую включаются все возможные программы по повышению мотивации труда на предприятиях. Результат, как говорится, на лицо, именно американская экономика доминирует в мире в настоящее время. Отсюда можно сделать вывод о значимости работы с персоналом на предприятиях. Как уже говорилось в начале статьи, отдача от капитала предсказуема, а от труда – нет, именно труд может стать для любого предприятия практически неиссякаемым источником увеличения добавленной стоимости, созданной на этом предприятии.

В Японии стимулирование труда участием в управлении представляет собой активное вовлечение работников в различные производственные движения (за повышение производительности труда, за работу без брака, движение контроля над качеством продукции и др.) и в групповую работу («кружки качества»). Однако стоит отметить, что стимулирование труда участием в управлении в Японии развито достаточно слабо, это связано

с тем, что в Японии используются несколько другие рычаги воздействия на персонал предприятий, да и проблем с низкой мотивацией труда на предприятиях Японии практически нет в силу менталитета этой нации: японцев с детства приучают к почтению и уважению старших, к жесткой дисциплине. Поэтому для японских предприятий не стоит цели усиливать мотивацию труда персонала, их цель – удерживать высокий уровень мотивации труда.

Что же касается западноевропейских систем мотивации труда, то стоит сказать, что эти системы имеют много общего с американскими принципами управления, однако не тождественны им. Для стран Западной Европы характерно еще большее участие персонала предприятий в управлении.

Одной из основных особенностей мотивации персонала в западноевропейских странах, например, в Великобритании, является более широкое, чем в США, распространение партнерских отношений между предпринимателями и рабочими. Это проявляется в еще более активном (по сравнению с американскими компаниями) участии персонала в собственности, прибылях и принятии решений, что обусловлено спецификой характера собственности. Так, в странах Западной Европы более широко развиты производственные кооперативы, которые можно рассматривать как самоуправляющиеся структуры, а также государственные предприятия, где работники участвуют в оперативном управлении производством⁴.

Примером формирования партнерских отношений в Великобритании является функционирование на предприятиях Консультационных комитетов рабочих и Консультативных объединений по разработке социальных планов.

В Австрии, Дании, Голландии, Люксембурге, Швеции принято соответствующее законодательство об обязательном участии рабочих в Советах директоров компаний с правом голоса. Работники компаний Франции также имеют своих представителей в советах директоров, но без права голоса в принятии решений. Во многих странах Западной Европы (Австрии, Франции, Швеции и др.) сотрудники имеют право участвовать также в решении социальных вопросов.

Специальными законами регулируется вовлечение работников в управление в Германии, в соответствии с которыми там созданы производственные советы (Советы предприятий)⁵.

Право участия производственного совета в управлении предприятием распространяется на следующие вопросы:

- принятие и изменение устава предприятия, организации производства и профессионального взаимодействия работающих;
- вопросы рабочего времени (определение начала и конца рабочего дня, перерывов в работе и т. п.);
- временные сокращения или продление рабочего времени на предприятии;
- время, место и форма оплаты труда;
- определение общих принципов и графика отпусков, а также решение вопросов об отпусках для отдельных работников в случае возникновения разногласий между работниками и работодателем;
- разработка и принятие инструкций по предотвращению на производстве несчастных случаев и профессиональных заболеваний;
- внедрение и применение технических средств контроля за поведением и производительностью работников;
- вопросы социального обеспечения;
- вопросы формирования политики в области заработной платы и применения новых форм оплаты труда;
- вопросы персонального отбора, назначений, перемещений и др.

В Германии на предприятиях с числом занятых более 100 человек предусмотрено образование так называемых экономических комиссий, состоящих из членов производственного совета и представителей работодателя, которые занимаются решением только экономических вопросов.

Если количество работников превышает 500 человек, то на немецких предприятиях могут создаваться наблюдательные советы, право выдвижения кандидатур в которые имеют производственные советы и высшие производственные организации данной отрасли. Кроме того, участие трудящихся в управлении может осуществляться и через назначаемого наблюдательным советом Директора по труду, в ведении которого находятся кадровые вопросы, вопросы социальной сферы и заработной платы.

Практика управления немецкими предприятиями показывает, что подобная политика привлечения трудящихся к управлению способствует развитию их трудовой активности, мотивации и, в конечном итоге, улучшению конечных результатов производства.

Таким образом, стимулирование на основе участия в управлении в настоящее время достаточно широко распространено в мире и применяется на многих крупных предприятиях. В некоторых странах (например, в Австрии, Дании, Голландии, Швеции) необходимость участия персонала в управлении законодательно закреплена. Для России опыт развитых стран в области стимулирования труда является ценным, так как проблема низкой мотивации труда на наших предприятиях существует, и предпринимаемые попытки внедрения современных разработок зачастую оказываются неэффективными. В этой связи положительный опыт воздействия на персонал, осуществляемый стимулированием труда на основе участия в управлении в развитых странах, может являться отличным примером для российских предприятий.

Примечания

¹ Шапиро С. А. Мотивация и стимулирование персонала. М., 2005. С. 134.

² Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М. : Вильямс, 2005. С. 59.

³ Булыгин М. М. Стимулирование труда в США // Человек и труд. 2005. № 5. С. 32.

⁴ Солдатов А. В. Зарубежный опыт стимулирования труда // Человек и труд. 2006. № 4. С. 28.

⁵ Грачев М. В. Суперкадры. Управление персоналом в международной корпорации. М., 2003. С. 85–87.

УДК 070

Д. Э. Коноплев

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Уникальность каждого авторского журналистского материала предполагает, что он публикуется, опираясь исключительно на совокупность имеющихся у автора фактов и мнений, высказываемых экспертами или непосредственно самим автором в отношении этих фактов. В данной статье мы пытаемся выяснить насколько различаются опубликованные независимо друг от друга в разных изданиях в периоды начальной фазы кризисов 1998 и 2008 годов материалы, посвященные экономической тематике.

Ключевые слова: экономическое мышление, кризис, персонифицированные публикации, «обнадеживающие» публикации, информационные заметки.

В Германии на предприятиях с числом занятых более 100 человек предусмотрено образование так называемых экономических комиссий, состоящих из членов производственного совета и представителей работодателя, которые занимаются решением только экономических вопросов.

Если количество работников превышает 500 человек, то на немецких предприятиях могут создаваться наблюдательные советы, право выдвижения кандидатур в которые имеют производственные советы и высшие производственные организации данной отрасли. Кроме того, участие трудящихся в управлении может осуществляться и через назначаемого наблюдательным советом Директора по труду, в ведении которого находятся кадровые вопросы, вопросы социальной сферы и заработной платы.

Практика управления немецкими предприятиями показывает, что подобная политика привлечения трудящихся к управлению способствует развитию их трудовой активности, мотивации и, в конечном итоге, улучшению конечных результатов производства.

Таким образом, стимулирование на основе участия в управлении в настоящее время достаточно широко распространено в мире и применяется на многих крупных предприятиях. В некоторых странах (например, в Австрии, Дании, Голландии, Швеции) необходимость участия персонала в управлении законодательно закреплена. Для России опыт развитых стран в области стимулирования труда является ценным, так как проблема низкой мотивации труда на наших предприятиях существует, и предпринимаемые попытки внедрения современных разработок зачастую оказываются неэффективными. В этой связи положительный опыт воздействия на персонал, осуществляемый стимулированием труда на основе участия в управлении в развитых странах, может являться отличным примером для российских предприятий.

Примечания

¹ Шапиро С. А. Мотивация и стимулирование персонала. М., 2005. С. 134.

² Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М. : Вильямс, 2005. С. 59.

³ Булыгин М. М. Стимулирование труда в США // Человек и труд. 2005. № 5. С. 32.

⁴ Солдатов А. В. Зарубежный опыт стимулирования труда // Человек и труд. 2006. № 4. С. 28.

⁵ Грачев М. В. Суперкадры. Управление персоналом в международной корпорации. М., 2003. С. 85–87.

УДК 070

Д. Э. Коноплев

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Уникальность каждого авторского журналистского материала предполагает, что он публикуется, опираясь исключительно на совокупность имеющихся у автора фактов и мнений, высказываемых экспертами или непосредственно самим автором в отношении этих фактов. В данной статье мы пытаемся выяснить насколько различаются опубликованные независимо друг от друга в разных изданиях в периоды начальной фазы кризисов 1998 и 2008 годов материалы, посвященные экономической тематике.

Ключевые слова: экономическое мышление, кризис, персонифицированные публикации, «обнадеживающие» публикации, информационные заметки.

Для сравнения мы выбрали публикации в газете «Коммерсантъ» «Российской газете», «Комсомольской правде» и журнале «Профиль» пришедшиеся на начальную фазу (в том числе в информационном аспекте) финансовых кризисов 1998 и 2008 годов соответственно. Для 1998 года – это период с 17 августа по 31 декабря, для 2008 года – с 15 сентября (дата обращения инвестиционного банка Lehman Brothers в суд с заявлением о банкротстве и просьбой о защите от кредиторов) по 31 декабря. Все материалы, посвященные кризисной тематике за рассмотренный период можно условно разделить на три несоразмерные группы. Рассмотрим каждую из этих групп более подробно.

Публикации, посвященные персонам, связанным с кризисом. Самая многочисленная группа публикаций, представляющих собой как непосредственно интервью с различными экспертами, политиками и экономистами, так и обзорные статьи с соответствующими ссылками на авторизованные мнения. Важно отметить, что во всех рассматриваемых материалах, относящихся к данной группе, мнение цитируемых источников (особенно если мы говорим об интервью) отождествляется с мнением автора. В качестве примера подобной публикации можно привести интервью с главным специалистом банка Credit Suisse First Boston по стратегии на российском рынке в газете «Коммерсантъ» от 22 октября 1998 года. В начале материала, озаглавленного: «С таким государством опасно работать», журналист спрашивает эксперта, собирается ли банк, который представляет последний расширять свое присутствие на российском рынке.

Представитель Credit Suisse отвечает: «Предложение поменять долговые обязательства на участие в капитале российских банков не представляет интереса. Для нас вопрос стоит так: прибыльно это или нет. Сейчас в России кризис, и трудно предсказать, когда он закончится <...> нереально обсуждать большие инвестиции, особенно в страну, по вине которой мы потеряли много денег. Да и не совсем понятно, что российские банки сейчас собой представляют». Далее интервьюер интересуется какие условия работы в России устроили бы эксперта. Эксперт замечает, что главное «...это политическая стабильность и условия для инвестиций. Еще четкий банковский надзор, который пока в России очень слаб, особенно за форвардными сделками. ЦБ должен более строго регулировать эти вещи <...>

надо сначала договориться о реструктуризации долгов по ГКО. Потом мы должны понять, будет ли Россия платить по внешним долгам и продолжать обслуживать еврооблигации. Третий вопрос более общий: какого экономического курса будет придерживаться Россия?».

В итоге представитель банка склоняется к оптимистичному сценарию развития событий: «Кризис показал, что есть надежные банки и есть ненадежные. Надежные возвращали кредиты, мы будем развивать бизнес с ними». С осторожным оптимизмом пишет о кризисе и Геннадий Сысоев в «Коммерсанте» от 25 августа 1998 года: «Сразу после назначения Виктора Черномырдина исполняющим обязанности премьера заместитель директора-распорядителя МВФ Стэнли Фишер заявил, что «большая семерка» может предоставить России дополнительную помощь <...> совет Белого дома Кремлю схож с немецкими пожеланиями: восстановить доверие инвесторов. Представитель американской администрации счел нужным подчеркнуть, что в США хорошо знают Черномырдина и конструктивно сотрудничали с ним в прошлом. Это сотрудничество было возобновлено уже вчера. И. о. премьера РФ поговорил по телефону со своим старым партнером по российско-американской комиссии вице-президентом США Альбертом Гором. И остался доволен беседой». Необходимо отметить, что число материалов подобного рода за данный период в 1998 и 2008 году примерно одинаково (50 % и 40 % соответственно по отношению к общему числу публикаций во всех трех группах). Наиболее существенные различия между числом публикаций в 1998 и 2008 году отмечается во второй группе, которую можно условно назвать «Обнадеживающие публикации».

«Обнадеживающие» публикации представляют собой журналистские материалы, в которых излагаемые факты подаются с определенной долей оптимизма, а основной объем текста, содержащий выкладки по текущей ситуации находится в подчиненном положении по отношению к небольшим фрагментам текста, в которых автор материала или соответствующий цитируемый источник высказывает свое, «обнадеживающее» читателя мнение. Так, например, в газете «Комсомольская правда» от 11 декабря 2008 года в материале Михаила Горшкова «Молодые ученые получили по миллиону» читаем: «В Москве 9–10 декабря прошел I Российский молодежный инновационный конвент, организованный Федеральным агентством по делам молодежи. Более тысячи молодых россиян, живущих и работающих в разных регионах страны и даже за границей, представили на форуме свои работы. Авторы лучших проектов награждены премиями по 1 миллиону рублей каждая. На конвенте ждали президента Дмитрия Медведева. И он приехал в заключительный день форума. Выступил перед молодыми учеными. Заверил их: государство будет тратить на инновационное развитие России миллиарды рублей <...> как сказал Дмитрий Медведев, создание инновационной системы – одна из главных задач власти и бизнеса <...> это должна быть большая государственно-частная программа, – отметил глава государства, – Она должна быть ориентирована в будущее – на годы вперед». Примечательно, что в том же самом месяце, когда президент говорил об инновационном развитии, в России начались массовые сокращения на производствах. Другим примером обнадеживающей публикации может служить материал под названием «Ответственность власти и солидарность общества» в «Российской газете» от 12 декабря 2008 года, где цитируются слова Юрия Лужкова: «Мэр Москвы Юрий Лужков уверен, что нынешняя сложная ситуация в мировой экономике дает России шанс сделать шаг вперед и выйти из трудностей окрепшей. «Нынешний кризис означает для нас конец сугубо экспортно ориентированной экономики. Рост последних лет был восстановительным, и его возможности в основном исчерпаны. Мы объективно перешагнули рубеж, когда система производительных сил еще советского периода или устарела, или работает на производство неконкурентоспособной продукции».

Примечательно, что обнадеживающих материалов подобного рода в период острой фазы кризиса 2008 года было порядка 40 % относительно совокупного объема публикаций по данной тематике. Показатель по 1998 году варьируется в районе 25 %. Тем не менее, обнадеживающих публикаций в период финансового кризиса 1998 года также предостаточно. Характерным примером таких публикаций может служить материал Светланы Рагимовой «Внештатники наступают» в журнале «Профиль» от 17 ноября 2008 года, в целом повторяющий логику рассмотренной выше публикации с цитатой Лужкова: «Вопреки прогнозам, IT-компании подверглись не менее серьезному влиянию кризиса, чем представители других видов бизнеса. Многие потеряли крупные заказы, кто-то и вовсе свернул целые направления деятельности, абсолютно все страдают от задержек с оплатой счетов даже за выполненные проекты. Но не все так плохо: заказчики начинают более тщательно изучать преимущества, которые могут дать бизнесу информационные технологии. И если раньше, допустим, ERP внедряли, чтобы компания хорошо выглядела в глазах инвесторов, то теперь руководители внимательно изучают, каким образом то или иное решение способно сократить издержки, дать дополнительный импульс развитию бизнеса и обеспечить превосходство в конкурентной борьбе». Еще один пример обнадеживающей публикации мы находим в статье Юлии Шмаровой «Друг в беде не просит», опубликованной также в журнале «Профиль» (14 сентября 1998 года). Вначале автор отмечает: «Хорошая новость, господа: банковские ГКО разморозили. Вы удивлены? Многие коммерческие банки тоже удивились, когда 8 сентября получили телеграмму ЦБ России, в которой говорилось о прекращении ломбардного кредитования коммерческих банков под залог ГКО <...> Самое страшное – неизвестность. В этом

смысле клиентам СБС-АГРО хорошо. С ними все ясно. Частным вкладчикам нужно либо переводить деньги в Сбербанк, либо идти в суд, а юристам ничего не остается, кроме как ждать лучших времен. Например, в надежде, что глава СБС Александр Смоленский договорится с новым председателем ЦБ о предоставлении банку помощи. Можно уповать на национализацию банка и опять-таки оказание ему государственной поддержки». Однако далее по тексту оптимизм уравнивается официальной статистикой: «С 31 августа ЦБ не провел ни одного платежа СБС-АГРО, заблокировав даже те деньги, которые продолжали поступать в адрес его клиентов». Затем журналист снова возвращается к своему умеренно-оптимистичному сценарию: «Нет худа без добра – на кризисе заработают некоторые заемщики проблемных банков. Теперь, вместо того чтобы отдавать кредиты по полной программе, они могут погасить их, скажем, наполовину. Клиенты, которым задолжал банк (как правило, это «замороженные» остатки средств на расчетных счетах либо депозиты), готовы получить с лопнувшего партнера хоть что-то. Вот с ними-то и следует заключить договор по переуступке прав требования. Фактически вы отдадите им часть денег, которые должны были вернуть банку». В следующем абзаце автор вновь возвращает читателя в суровую реальность: «Клиентам и вкладчикам Инкомбанка все эти события не предвещают ничего хорошего. В случае поглощения банка неминуемо произойдет сортировка клиентуры на «хорошую» и «плохую». В этой ситуации мелкие и средние фирмы могут остаться ни с чем. Частным вкладчикам же имеет смысл воспользоваться предложением Сергея Дубинина и перевести свои деньги в Сбербанк. Ну и еще одна дорога – традиционная. В суд».

В публикациях о последнем на сегодняшний день финансовом кризисе данных уравнивающих авторский оптимизм становится значительно меньше, в кратких статьях такие сведения фактически исчезают, как, например, в материале Анны Горбашовой «Merry Crizis!» (журнал «Профиль» от 17 ноября 2008 года): «С середины декабря для участников рынка event-услуг начинается горячая пора. Популярные артисты в течение месяца успевают выступить на 30–50 корпоративных и клубных вечеринках за гонорары, в полтора-два раза превышающие обычные. Организаторы праздников и владельцы площадок, где они проводятся, за это время зарабатывают суммы, составляющие до половины их годового бюджета. Точнее, зарабатывали в докризисные годы – в настоящее время многие российские компании вынуждены значительно сокращать расходы <...> участники event-рынка осознают, что в этом году ожидать особой щедрости от корпоративного Деда Мороза не стоит, но при этом не унывают и даже пытаются превратить кризис в повод для праздничных шуток».

Краткие «пугающие» информационные заметки представляют третью группу кризисных публикаций, носящих, главным образом, информационный характер и не имеющих оценочного сегмента. Иногда достаточно одного заголовка, чтобы весь текст сообщения стал ясен: «Вслед за Visa Int. карты ряда российских банков заблокировала American Express» (газета «Коммерсантъ» за 22 октября 1998 года). Количество подобных материалов в представленных изданиях за рассмотренный нами период начала кризисов как в 1998, так и в 2008 году практически одинаково (немногим больше 20 %). По концепции содержания эти материалы также следует признать идентичными.

Заметка «Сбербанк валюту в долг больше не дает» в газете «Комсомольская правда» от 25 декабря 2008 года: «Крупнейшая финансовая организация России отказалась от кредитов в долларах и евро. «Мы еще в ноябре рекомендовали своим клиентам не брать кредиты в иностранной валюте, а сейчас временно приостановили их выдачу до следующего распоряжения руководства», – объяснила директор управления общественных связей Сбербанка России Ирина Кибина. В банке говорят, что так пытаются минимизировать риски, связанные с возможным ростом «просрочки» по валютным кредитам. Дело в том, что дальнейшее поведение курса валют никто предсказать не может».

Материал в газете «Коммерсантъ» от 15 декабря 2008 года: «Суверенные рейтинги защитили от роста»: «Moody`s считает валютный курс ЦБ стабильно неадекватным. Рейтинговое агентство Moody`s пересмотрело прогнозы суверенного рейтинга РФ (уровень Baa1) и рейтингов восьми госбанков с «позитивных» на «стабильные». Это означает «существенное снижение вероятности повышения рейтинга» – Moody`s оставляет РФ рейтинг не выше Baa1 не менее чем на «ближайшие 12–18 месяцев». По мнению агентства, власти РФ тратят слишком много резервов на поддержку рубля, что в Moody`s считают «неадекватной политикой <...> В пятницу замглавы Минэкономки РФ Андрей Клепач заявил, что «рецессия началась», и пообещал как минимум два квартала падения ВВП. По его словам, «большой спад» будет в ноябре-декабре 2008 года. По итогам года рост промпроизводства сократится до 1,9 %, а ВВП вырастет меньше ожидавшихся 6,8 %. Насколько Минэкономки снизит прогноз роста на 2008 год, Андрей Клепач не сказал, объяснив это тем, что прогноз согласовывается».

Публикация «Страна не закрывается. Но ориентироваться надо на свое производство, считает Дмитрий Медведев» в «Российской газете» от 12 декабря 2008 года: «Дмитрий Медведев в ходе визита в Курган заявил, что Россия готова снизить объемы нефтедобычи для поддержания цен на «черное золото» на мировом рынке. «Мы должны защищаться. Это наша доходная база - и по нефти, и по газу», – сказал глава государства. По его словам, наша страна также может принять участие в работе действующих организаций производителей сырья. На совещании с губернаторами Уральского федерального округа Медведев признал: «Мы в целом неэффективны. Экономика развивается совершенно не по правильному сценарию». Президент считает необходимым «оптимизировать процессы, происходящие на рынке труда», то есть обойтись без сокращения кадров при спасении предприятий и компаний».

Как мы видим из вышеобозначенных примеров, краткие «пугающие» информационные заметки строятся по схожей схеме: яркий заголовок, заявление официального лица и при необходимости соответствующая статистика. Кроме того, краткие информационные материалы можно признать единственным видом публикаций на начальной стадии финансового кризиса, в которых не прослеживается контекстной маркированности. Последняя, как определенный содержательный акцент, навязываемый автором читателю с наибольшей очевидностью обнаруживается в так называемых «обнадеживающих» материалах. И здесь ключевую роль играет не столько непосредственно изложение журналистом каких-либо фактов, сколько умолчание о других фактах, более значимых и очевидных для посвященных. Так в уже цитированном материале «Друг в беде не просит», автор говорит о вкладчиках банка СБС-АГРО: «клиентам СБС-АГРО хорошо. С ними все ясно. Частным вкладчикам нужно либо переводить деньги в Сбербанк, либо идти в суд...».

Вместе с тем журналист умалчивает о том, что банк на момент написания статьи находился в процессе подготовки к банкротству, а руководство СБС-АГРО покинуло Россию, что особого оптимизма у вкладчиков не вызывало. То же самое относится и к цитате из материала «Ответственность власти и солидарность общества»: «Нынешняя сложная ситуация в мировой экономике дает России шанс сделать шаг вперед и выйти из трудностей окрепшей. Нынешний кризис означает для нас конец сугубо экспортно ориентированной экономики. Рост последних лет был восстановительным, и его возможности в основном исчерпаны».

Очевидно, что заявления о «восстановительном росте» и экономике, которая выйдет из трудностей «окрепшей» являются ни чем иным как попыткой сформировать у читателя не обоснованный оптимизм касательно преодоления кризиса. Хотя несбывшийся прогноз, данный цитируемым источником всегда можно списать на изменившуюся рыночную конъюнктуру, мы должны ясно представлять, что как автор материала, так и цитируемый источник прекрасно понимают всю условность подобных заявлений. Их

экономическое мышление а priori ориентировано на немотивированный оптимизм. Как отмечает академик Л. И. Абалкин в «Логике экономического роста»: «В массовом экономическом мышлении, которое исповедуют представители власти и связанных с ними финансовых структур, часто говорят о том, что у нас много денег, – в том числе накопленных «под матрасом». Называют разные цифры <...> однако при этом авторы даже не задумываются, что эти деньги не являются капиталом и – в строгом смысле слова – деньгами, поскольку не выполняют присущих им функций. Это – еще один пример низкой методологической культуры массового сознания и принимаемых на его основе решений государственной властью».

Герберт Шиллер в «Информации и экономике кризиса» делает предположение, что обнадеживающая информация воспринимается ее авторами не как введение аудитории в заблуждение, а исключительно с точки зрения ее потенциальной полезности для преодоления кризисных явлений.

Вместе с тем в отдельных случаях сам журналист указывает в тексте на парадоксальность слов цитируемого лица. Так, в статье «Пермские крайние меры» (газета «Коммерсантъ» от 15 декабря 2008 года) читаем: «Заемщики не платят по ипотеке в регионах, лидирующих по числу безработных: агентство по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК) зафиксировало трехкратный рост просроченной задолженности по ипотечным кредитам в Пермском крае в октябре. Это стало следствием резкого роста безработицы в регионе, который лидирует по этому показателю в РФ. В других регионах операторы АИЖК начинают получать первые заявления от заемщиков, которые не в состоянии платить по кредиту.

В АИЖК заявили, что не знают, из-за чего в Пермском крае так резко выросла просрочка, и изучают ситуацию. В КАМА-банке, крупнейшем в крае партнере АИЖК, не смогли оценить причины роста просрочки. «В октябре мы не наблюдали ухудшения ситуации с погашением, – сообщила газете «Коммерсантъ» председатель правления КАМА-банка Наталья Мельник. – Однако сейчас уже получаем заявления от граждан, потерявших работу и просящих реструктурировать их задолженность»». Получается, что автор текста сознательно приводит слова представителя АИЖК, который искренне не понимает, почему потерявшие работу жители Пермского края не оплачивают ипотеку. Стоит отметить, что эта единственная публикация подобного рода за весь период начальной фазы кризиса 2008 года.

Принципиально важным следует также считать тот факт, что в целом материалы обнадеживающего характера имеют положительную динамику на начальном этапе кризисов, если сравнивать данные за 1998 и 2008 год, что, безусловно, требует отдельного изучения. В целом соотношение между публикациями, посвященными конкретным персонам, обнадеживающими материалами и «пугающими» информационными заметками для начального этапа кризиса 2008 года (2:2:1) по отношению к начальному этапу кризиса 1998 года (2:1:1) со всей очевидностью сместилось в сторону преобладания «обнадеживающих» публикаций. Между тем на сегодня нет определенного ответа на вопрос с чем это связано: с изменением экономических условий в стране, с подвижками в экономическом мышлении или же с информационными задачами стоящими перед современными журналистами, что предусматривают определенный ракурс подачи проблем и встраивание их в определенный политический контекст.

Список литературы

1. Абалкин, Л. Логика экономического роста [Текст] / Л. Абалкин. – РАН : Институт экономики, 2002. – 228 с.
2. Schiller, H. Information and the Crisis Economy: (Communication and Information Science) [Text] / H. Schiller. – Ablex Publishing, 1984. – 152 p.

УДК 336.22

*Наталья Юрьевна Коротина,
Елена Леонидовна Корниенко*

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы

ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проанализированы бюджетные и налоговые инструменты стимулирования инновационных процессов, обозначены проблемы их использования в Российской Федерации.

Ключевые слова: инновационные процессы, государственная поддержка инновационного развития, стимулирование инновационных процессов.

Глобальной целью развития Российской Федерации является обеспечение высокого уровня благосостояния населения, закрепление роли страны как одного из глобальных лидеров, определяющих мировые политические позиции и приоритеты. Способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития [6].

Инновационная сфера прямо определяет темпы социально-экономического развития страны и региона, модернизацию и эффективность производств, а также конкурентоспособность на мировых и региональных рынках. Перед органами государственного и муниципального управления России встает главная задача – формирования экономики лидерства и инноваций. Количественные показатели такой экономики к 2020 году – занятие существенной доли (5–10 %) на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг, повышение в два раза доли высокотехнологичного сектора в ВВП (с 10,9 % до 17–20 %), увеличение в пять-шесть раз доли инновационной продукции в выпуске промышленности, в четыре-пять раз – доли инновационно активных предприятий (с 9,4 % до 40–50 %) [6].

Согласно Глобальному рейтингу конкурентоспособности 2010–2011 [14], в пятерку лидеров входят страны, чьи внутренние затраты на исследования и разработки превышают 2,5 % к ВВП [11]: Швейцария (3,01 %), Швеция (3,75 %), Сингапур (2,68 %), США (2,77 %), Германия (2,64 %). Россия в данном рейтинге занимает 63 место, с объемом затрат на исследования и разработки 0,53 % к валовому внутреннему продукту в 2010 г. [10. С. 390].

Таким образом, чем большая часть производимого сегодня ВВП инвестируется в инновации, тем более конкурентоспособно окажется общество завтра.

В России расходы федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения в 2012 году составят 331,52 миллиарда рублей, в 2013-м – 365,38 миллиарда, в 2014-м – 339,59 миллиарда рублей.

Расходы федерального бюджета на фундаментальные и прикладные исследования гражданского назначения представлены в таблице 1 [12].

Доля указанных расходов в ВВП будет сокращаться: в 2012 году – 0,55 %, в 2013-м – 0,51 % и в 2014-м – 0,39 %. Такая динамика идет в разрез не только с ориентиром Концепции долгосрочного развития Российской Федерации, в которой эти расходы оцениваются на уровне 0,7 % ВВП, но и с целевым показателем одобренной правительством Стратегии инновационного развития, в соответствии с которой предполагается довести расходы на НИР до 2,5–3 % ВВП к 2020 году [13].

Таблица 1

Расходы федерального бюджета на фундаментальные
и прикладные исследования гражданского назначения (млрд. рублей)

	2012 год	2012 год	2014 год
Фундаментальные исследования в области общегосударственных вопросов	85,68	90,40	94,10
Прикладные исследования в области общегосударственных вопросов	13,52	8,22	8,45
Прикладные научные исследования в области национальной экономики	232,32	266,76	237,04

Расходы федерального бюджета на поддержку инновационного развития заложены в 2012 году предусмотрены в размере более 50 млрд руб. Так, инновационная инфраструктура образовательных учреждений обойдётся государству в 2012 году в сумму около 3 миллиардов рублей. Заказы реального сектора экономики на НИОКР будут софинансироваться государством через Фонд «Сколково», Российский фонд технологического развития, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, другие институты развития. На функционирование инновационного центра «Сколково», основной целью деятельности которого является коммерциализация научно-исследовательских разработок, в 2012 году выделят 22,0 миллиарда рублей, в 2013-м – 17,1 миллиарда, в 2014-м – 17,1 миллиарда рублей. Поддержка технопарков в сфере высоких технологий будет в форме межбюджетных субсидий 7 субъектам Российской Федерации в размере 1,5 миллиарда рублей ежегодно (с 2012 по 2014 год). На развитие ОЭЗ в трёхлетнем бюджете предусмотрено 24 миллиарда рублей. Каждый год по 6 миллиардов рублей государство будет вносить в уставный капитал ОАО «Особые экономические зоны» для создания объектов инфраструктуры и иных объектов на территории 7 субъектов РФ. Правда, по мнению Счётной палаты, социально-экономический эффект от деятельности некоторых из них – технико-внедренческих ОЭЗ Санкт-Петербурга и Томска – весьма низкий.

Финансирование nanoиндустрии пойдёт по двум линиям. Фонд инфраструктурных и образовательных программ получит субсидии в размере 10,6 миллиарда рублей в 2012 году, 2,9 миллиарда – в 2013-м и 2,3 миллиарда рублей – в 2014 году. Взнос Российской Федерации в уставный капитал ОАО «Роснано» в порядке оплаты размещаемых дополнительных акций составит в 2012 году 22,2 миллиарда рублей.

На реализацию 38 проектов по пяти приоритетным направлениям, утверждённым президентской комиссией по модернизации, планируется выделить в 2012 году 10 миллиардов рублей, в 2013-м – 6,3 миллиарда, в 2014-м – 3,6 миллиарда рублей (сокращение финансирования связано с завершением десяти проектов в 2013 году) [9].

Стратегия инновационного развития предполагает, что бизнес-сектор должен взять на себя расходы в научно-инновационной сфере, в том числе в условиях применения механизма государственно-частного партнерства.

Результаты анализа использования бюджетных средств и льгот на исследования и разработки в условиях применения механизма государственно-частного партнерства в научно-инновационной сфере показали, что большая часть исследований и объемов финансирования НИОКР приходится на государственный сектор науки, являющийся практически единственным исполнителем инновационно-ориентированных фундаментальных и прикладных исследований. Таким образом, бизнес-структуры демонстрируют неготовность осуществления вложений в инновационные сферы, а также адекватного целям освоения бюджетных средств.

Согласно отчету Счетной палаты РФ [5], рост бюджетного финансирования научно-инновационных разработок в 2010 году по сравнению с 2002 годом в шесть раз практически не обеспечил прироста ВВП. Отмечается низкая востребованность результатов науки

реальным сектором экономики «из-за отсутствия четкого объектового ориентирования исследований и действенных индикаторов их результативности, а также разбалансированности национальной инновационной системы». Одной из причин низкой эффективности использования бюджетных средств на исследования и разработки является несовершенство механизма реализации государственной поддержки, что на региональном уровне зачастую препятствует открытому взаимодействию государства и бизнеса.

В большинстве стран, добившихся высоких показателей в развитии конкурентоспособной экономики, одним из самых действенных направлений активизации инвестиций в инновационную деятельность со стороны государства стала модернизация налогового регулирования, направленная на расширение использования ускоренной амортизации и целевых налоговых льгот [7].

В 2009 г. по инициативе Президента США Б. Обамы принят закон «Американский акт восстановления и реинвестиций 2009», под который Конгрессом выделено 787 млрд долл., в том числе 40 % на целевые налоговые льготы [1].

По словам Д. А. Медведева: «Инновационный бизнес не может существовать только за счет государственной поддержки, которая должна привести к созданию свободно функционирующей независимо от государства системы... Безусловно, должны быть государственные фонды, они должны вкладываться, но это не может длиться бесконечно, потому что в результате этих вложений должны возникать абсолютно частные, свободно функционирующие независимые от государства системы» [8].

В последние годы Правительство Российской Федерации в целях стимулирования инвестиционной и инновационной активности проводило активную политику, направленную на снижение налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты: сокращение налога на прибыль до 20 % и сокращение налога на добавленную стоимость до 18 %.

Однако, как показывает официальная статистика, данные меры не привели к существенному росту инвестиций в инновационную деятельность предприятий. В отличие от большинства промышленно развитых стран, в России отдается предпочтение бюджетным ресурсам, а не собственным средствам предприятий.

В том числе, за данный период времени, сохраняется устойчивая тенденция в структуре внутренних затрат на научные исследования и разработки по источникам финансирования [10. С. 391]:

- за счет средств бюджетов всех уровней – от 53 % до 69 %;
- за счет собственных средств – от 21 % до 30 %;
- за счет прочих средств – от 1 % до 26 %.

В регионах Российской Федерации – лидерах по количеству инновационных предприятий, таких, как г. Москва, г. Санкт-Петербург, Новосибирская, Московская, Нижегородская, Ростовская и Свердловская области, – активно применяется льготное налогообложение для предприятий, осуществляющих инвестиционную деятельность, наряду с действующими областными целевыми программами по развитию инновационных предприятий. Льготное налогообложение применяется для налогов, зачисляемых в региональные и местные бюджеты. В том числе, соблюдается требование федерального законодательства о понижении ставки по налогу на прибыль, подлежащей зачислению в бюджеты субъектов РФ не ниже 13,5 %.

В некоторых регионах, например Курганской области, применяются пониженные налоговые ставки по налогу на прибыль в зависимости от категорий налогоплательщиков, осуществляющих капитальные вложения, в зависимости от доли капитальных вложений, но не ниже 13,5 %, а также для организаций, реализующих инвестиционные проекты на инвестиционных площадках (13,5 % – ставка фиксирована) [2].

В Оренбургской области применяется снижение налоговой ставки по налогу на прибыль на 4 процентных пункта, для организаций, заключивших договор о реализации ин-

вестиционного проекта или инвестиционной программы с Правительством Оренбургской области [3].

В настоящее время, в Челябинской области действует закон о снижении ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков, в частности: для аккредитованных инновационных технопарков, для организаций, осуществляющих капитальные вложения производственного назначения или реализующие приоритетные инвестиционные проекты на территории Челябинской области [4].

Таким образом, региональное законодательство предусматривает преимущественно стимулирование инвестиционной, но не инновационной активности.

Список литературы

1. Абрамов М. Д. Кризис наступает, но не все резервы еще задействованы // Журнал новой экономической ассоциации. 2009. № 3–4. С. 239.
2. Закон Курганской области № 822 от 24.11.2004 г. «О налоговых ставках налога на прибыль организаций, подлежащих зачислению в бюджет Курганской области» (в действующей редакции от 31.03.2009 г.)
3. Закон Оренбургской области №393/74-V-ОЗ от 31.08.2011 “О ставке налога на прибыль организаций отдельным категориям налогоплательщиков на 2012 год”.
4. Закон Челябинской области № 154-ЗО от 23.06.11 года “О снижении ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков”.
5. Затраты с низким КПД [Электронный ресурс]. – URL : <http://expert.ru/2012/02/8/zatratyi-s-nizkim-kpd/>.
6. Концепция долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года.
7. Корниенко Е. Л. Возможности стимулирования инновационных процессов через использование налогового регулирования в Российской Федерации // Aktualne problemy nowoczesnych nauk – 2012. Materiały viii międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji [Электронный ресурс]/ – URL : http://www.ukrnauka.ru/APNN/13-06-2012-A4_tom-2.pdf.
8. Медведев Д. А. Финансировать инновации в будущем должен бизнес. Комиссия по модернизации, 14.12.2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://innovator-nw.ru/>.
9. Наука в трёхлетнем бюджете [Электронный ресурс]. – URL : http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=42858.
10. Россия в цифрах. Статистический ежегодник, 2012 г.
11. Россия и страны мира, 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
12. Ставка на бизнес. Бюджет сократит вложения в науку // Российская газета : федеральный выпуск №5622 (246), 02.11. 2011.
13. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // Распоряжение Правительства от 8 декабря 2011 г. №2227-р.
14. The Global Competitiveness Report 2010-2011 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.weforum.org/reports>.

УДК 338.2

*Наталья Юрьевна Коротина
Ирина Андреевна Рыженкова*

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы

**МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ
КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕШЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Издается в рамках межрегионального внутрикорпоративного конкурса грантов
на проведение инициативных научных исследований студентов
Курганского, Магнитогорского и Челябинского филиалов
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы»

В статье рассмотрена практика использования материнского капитала для решения демографических проблем России, стимулирования рождения второго ребенка.

Ключевые слова: материнский капитал, демографические проблемы

Демографическая проблема оказывает влияние не только на положение отдельных стран мира, но и влияет на развитие мировой экономики и международных отношений, требует к себе серьезного внимания как ученых, так и правительств различных государств.

Демографическая ситуация в России является сегодня одной из самых острых социально-экономических проблем, затрагивающих интересы национальной безопасности, поэтому стимулирование рождаемости должно включать целый комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи.

Демографический кризис в ряде развитых стран уже привёл к нарушению воспроизводства населения, его старению и сокращению его численности. Влияние демографического фактора на экономику значительно. В России численность населения постоянно уменьшается, что, по оценкам экспертов, влияние это в обозримом будущем окажется сугубо отрицательным. А именно: ведет к сокращению численности трудовых ресурсов страны, увеличению пенсионной нагрузки на занятых в экономике, увеличению расходов социальной защиты и системы здравоохранения на поддержание уровня жизнедеятельности стареющего населения страны.

В XX веке Россия пережила несколько демографических кризисов, образование которых связывают со следующими событиями:

1. Первая мировая война (1914–1918), Гражданская война (1917–1922);
2. Голод (1932–1933), коллективизация и массовые репрессии (1930–1953);
3. Вторая мировая война, депортации народов, послевоенный голод.

По мнению демографа Анатолия Вишневого, общие прямые и косвенные демографические потери России за XX век в результате войн, голода, репрессий, экономических и социальных потрясений оцениваются в 140–150 млн человек.

С 1925 по 2000 год суммарный коэффициент рождаемости в России снизился на 5,59 ребёнка в расчёте на одну женщину. Из них 3,97 ребёнка, или 71 % общего снижения приходится на 1925–1955 годы, но, несмотря на этот спад и потери в результате войны, население РСФСР за 1925–1955 годы выросло на 25 млн. человек.

В СССР стимулировалась рождаемость различными наградами. В 1944 году указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены ордена «Мать-героиня», «Ма-

теринская слава» и медаль «Медаль материнства». Многодетной считалась семья, в которой воспитывалось пятеро детей. В период с 1944 по 1991 год многодетным матерям вручались награды: Медаль «Медаль материнства» II и I степеней – вручался матерям, воспитавшим 5 и 6 детей; Орден «Материнская слава» III, II, I степеней – вручался матерям, воспитавшим 7, 8 и 9 детей соответственно, Орден «Мать-героиня» вручался матерям, воспитавшим 10 и более детей. По состоянию на 1 января 1995 года орденом «Мать-героиня» награждено приблизительно 431 тыс. женщин.

Резкий спад коэффициента рождаемости произошёл на рубеже 1980-х и 1990-х; в это же время смертность в России превысила рождаемость.

Демографическая ситуация в России является сегодня одной из самых острых социально-экономических проблем, затрагивающих интересы национальной безопасности. Ежегодно население России сокращается на 700–800 тысяч человек. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года только 15 % из 41 миллионов российских семей воспитывают двух несовершеннолетних детей, трех и более несовершеннолетних детей воспитывают менее 3 % семей и почти у половины семей в России в составе семьи несовершеннолетних детей нет. С каждым годом растет число неполных семей.

С 1 января 2007 года вступили в силу Федеральный закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Правила подачи заявления о выдаче государственного сертификата на материнский капитал и выдачи государственного сертификата, утверждённые Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2006 года № 873. Принятие данного закона преследовало цель решения демографических проблем России остро необходимо стимулировать рождение второго ребенка

Эти нормативные акты устанавливают право на получение материнского капитала для семей, в которых с 1 января 2007 года появился второй ребенок (либо третий ребенок или последующие дети, если при рождении второго ребёнка право на получение этих средств не оформлялось).

Достойная поддержка государства молодым семьям должна способствовать повышению рождаемости, и, следовательно, решению демографических проблем. Поддержка женщин, имеющих детей, фактически объявлена приоритетной национальной задачей на десятилетие. Главной темой ежегодного президентского послания Федеральному Собранию еще в 2006 году стала проблема демографии. Для решения выявленных проблем государством приняты меры для стимуляции рождаемости одно из таких мер является введение с 2005 года сертификатов на материнские капитал, где женщины, родившие второго ребенка, должны получить так называемый базовый материнский капитал. В 2006 году была установлена сумма – 250000 рублей.

Ежегодно размер материнского капитала пересматривается с учетом темпов роста инфляции и устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и на плановый период.

Размер материнского капитала в 2012 году составляет 387 тысячи 640 рублей 30 копеек. Для владельцев сертификата, которые уже распорядились частью средств, размер оставшейся части суммы будет увеличен с учетом темпов роста инфляции.

Выдается лицу, являющемуся законным представителем ребенка, в случае, если ребенок несовершеннолетний. Сертификат на материнский капитал выдается лично ребенку, если он достиг совершеннолетнего возраста.

Если ребенок, на которого был оформлен материнский капитал, достигает возраста совершеннолетия и признается дееспособным, то законные представители не имеют право удерживать у себя сертификат, а должны отдать его ребенку.

В подтверждение права на получение средств материнского капитала выдается сертификат государственного образца.

Средства, полагающиеся по сертификату на материнский капитал, не выдаются в виде наличных денег. По закону, получив сертификат на материнский капитал, правообладатель может воспользоваться им по истечении трех лет. Эта мера была введена для обеспечения безопасности детей. Однако в связи с кризисной ситуацией в экономике, в 2009 году стало возможно использовать материнский капитал сразу после получения сертификата на погашение ипотечного кредита.

Рассмотрим основные направления использования материнского капитала:

1. Улучшение Жилищных Условий. То есть материнский капитал может быть направлен на приобретение или строительство жилья.

2. Получение образования одного или всех детей.

3. В качестве увеличения накопительной части пенсии для мам.

Стимулирование рождаемости должно включать целый комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи. Следовательно, изначально в концепцию материнского капитала заложена идея поддержки не ребенка, не семьи, а именно женщины, делающей выбор в пользу рождения ребенка, а не в пользу продолжения эффективной карьеры.

Порядка 800 тысяч российских семей с 2007 года уже воспользовались средствами материнского капитала. На эти цели из федерального бюджета было истрачено 257,7 млрд рублей.

Всего с 2007 года (когда был введен материнский капитал) в России родилось 3,7 млн вторых и последующих детей.

При этом было выдано 3,1 млн государственных сертификатов, дающих право на получение материнского капитала. Наиболее популярным направлением использования материнского капитала стало улучшение жилищных условий. На эти цели материнский капитал направили 785,8 тыс. российских семей.

По количеству выданных сертификатов в 2011 году лидирует Приволжский федеральный округ – здесь 70 702 семьи документально подтвердили свое право на 250 тыс. руб. государственной поддержки, что свидетельствует об определенной положительной динамике развития округа.

На втором месте Южный федеральный округ – 58 231 сертификат, на третьем – Центральный федеральный округ – 54 946 сертификатов. Далее – Сибирский (44 449), Уральский (29 317), Северо-Западный (21 015) и Дальневосточный (13 641) федеральные округа.

Более четырех тысяч от общего числа владельцев сертификатов уже решили использовать средства материнского капитала досрочно – на погашение основного долга и уплату процентов по кредитам или займам на приобретение (строительство) жилого помещения. Положительные решения вынесены по 3 495 заявлениям на общую сумму более 985 миллионов рублей.

По данным на первое октября 2007 года в Челябинской области уже выдано семь тысяч 7743 сертификата на получение материнского капитала и с каждым годом количество выданных в сертификатов в Челябинской области увеличивается.

По данным пенсионного фонда по Челябинской области, наибольшее число сертификатов, получили в городах Челябинске и Магнитогорске. Там выдано одна тысяча 752 и 977 сертификатов соответственно. В числе лидеров также Златоуст (474), Миасс (331), Троицкий район (293) и Копейск (288), Чебаркульский район (244) и Ашинский район (208). Занесем данные в таблицу для более детального сравнения.

За три года в Челябинской области выдано более 71 тыс. материнских сертификатов, из них свыше 20 тыс. – в 2010 году.

В этом году управления Пенсионного фонда по Челябинской области продолжают принимать заявления от владельцев сертификатов, которые решили направить капитал на строительство (реконструкцию) жилого дома.

Что касается других направлений использования материнского капитала, то в 2011 году 1583 семьи, Челябинской области направили 508,3 млн рублей на строительство или покупку жилья. На образование старших детей 88 владельца сертификата перечислили 3,1 млн рублей. А на накопительную часть трудовой пенсии матери принято 29 заявлений на сумму 1,9 млн рублей. С 2010 года владельцам государственного сертификата представлялась возможность получить единовременную выплату из средств капитала. Ее получили почти 32 тыс. человек на сумму свыше 378,4 млн рублей.

Сложность решения проблем народонаселения в современном мире состоит в том, что из-за инерции демографических процессов, чем дольше откладывается решение этих проблем, тем больший масштаб они приобретают, что и подтверждает актуальность разработки методов совершенствования получения материнского капитала.

Ограниченные направления в расходование денежных средств (части средств) материнского капитала не позволяют семье решать текущие финансовые проблемы.

Дополнительные меры государственной поддержки семей имеющих детей предлагается распространить не только однократно в жизни семьи, но и на всех детей: третьего, четвертого и последующих, тогда это и будет стимулом в финансовой поддержки семьи со стороны государства.

Предлагается расширить перечень направлений средств материнского (семейного) капитала, предусмотрев возможность их использования на следующие цели:

- лечение детей в возрасте до 3 лет в случае экстренной необходимости при наличии угрозы жизни ребенка;
- капитальный ремонт объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемый гражданами без привлечения организации, осуществляющей строительство (реконструкцию) объекта индивидуального жилищного строительства, в том числе по договору строительного подряда, путем перечисления указанных средств на банковский счет лица, получившего сертификат;
- оплату образовательных услуг, оказываемых «семейными детскими садами», реализующими основную образовательную программу дошкольного образования;
- оплату задолженности по коммунальным услугам (для малообеспеченных групп населения);
- оплату газификации жилых помещений;
- приобретение земельного участка под строительство жилья;
- оплату дорогостоящего лечения всех членов семьи при наличии угрозы жизни, в том числе на получение высокотехнологичной медицинской помощи.

Внесение предложенных мероприятий позволит в дальнейшем улучшить демографическую ситуацию страны.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Леонид Юрьевич Большухин

Нижегородский государственный университет им. Н.А. Лобачевского

**ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ГЛАВЫ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»:
АНТИЧНЫЙ КОНТЕКСТ**

В статье рассматривается эволюция пушкинской концепции судьбы Евгения Онегина на материале первой и второй глав романа. Изменение авторской позиции осмысливается в контексте всего пушкинского творчества начала 20-х годов. В первой главе концепция судьбы предстает в античном контексте, а во второй главе герой покидает мир, наделенный свойствами изначальной гармонии, и обретает иной бытийный статус.

Ключевые слова: Пушкин, «Евгений Онегин», мировосприятие, герой, античность, судьба, сюжет.

Для обоснования поставленной нами проблемы напомним, что существуют две основные точки зрения на творческую историю пушкинского романа. И. М. Дьяконов, например, полагает, что Пушкин уже в начале работы над романом имел четкий план, согласно его неизменному творческому принципу [3. С. 78]. Напротив, С. А. Фомичев подчеркивает: это тот редкий в творческой практике Пушкина случай, когда роман создавался как произведение, не имеющее четких, заранее определенных границ (сюжетных, жанровых), складываясь в процессе жизни автора [5. С. 31–35]. Аргументы С. А. Фомичева представляются безукоризненно точными. Если роман изначально не имеет «плана», развязки, складывается под влиянием разнообразных как литературных, так и биографических обстоятельств, особое значение имеет смена контекстов.

Здесь мы выходим к вопросу о главном герое «свободного романа». В постановке этой проблемы также выделяются два подхода. Традиционно считается, что Евгений Онегин на протяжении повествования эволюционирует, предполагаются сложные социальные и психологические мотивы его движения от одного типа сознания к другому. Иную концепцию впервые обосновал В. А. Грехнев: он показывает, что эволюция Онегина – «филологический миф»; характер Онегина сразу задан в определенных параметрах, и от главы к главе меняется не характер, а угол зрения на героя [2. С. 95–103]. Подобное понимание Онегина высказывал и Ю. М. Лотман. Мы остаемся именно на этой позиции, рассматривая образ главного героя не в процессе эволюции, но в смене контекстов.

Исходным оказывается контекст античный, заявленный в сильной позиции начала: «Всевышней волею Зевеса // Наследник всех своих родных» [4. С. 5]. Важно, что первое представление героя – это авторская номинация, которая в целом доминирует на начальном этапе. Позднее (с III главы) возникает взаимодополняющая активность, определяющая Онегина как в зоне голоса автора, так и в пространстве голосов и позиций других персонажей (поместное дворянство, Татьяна высший свет). В I главе «чужие» оценки еще присутствуют имплицитно, например, в строфе XXXVIII: «Как *Child-Harold*, угрюмый, томный // В гостиных появлялся он» [4. С. 21]. «Гарольдовская» характеристика, очевидно, соответствует не авторскому взгляду на героя, но завсегдаемым модным гостиных, поскольку сказанное логически опровергает предшествующий «перевод» *английского сплина*: «Короче: *русская хандра* // Им овладела понемногу» [4. С. 21]. Возникает

некий скрытый конфликт определений Онегина, который будет развиваться на протяжении всего романа: с одной стороны, позиция автора, с другой, позиция отдельных персонажей и, шире, «общественное мнение», будут взаимно уточнять характеристики героя.

Слово собственно-авторское, вводящее античный «элемент», нельзя рассматривать лишь как фигуру речи, с точки зрения его стилиевой (украшающей) функции. Признак концептуального характера античных номинаций у Пушкина – устойчивость определенных образов в определенных контекстах. И в пушкинской лирике, и в романе античность – пространство положительное, светлое, глубоко оптимистичное, где царит гармония высших сил и человека. Появление главы пантеона античных богов в эпизоде представления героя – принципиальный знак, отсылающий к важнейшей для Пушкина проблеме судьбы. Характерные для античного мировосприятия отношения божественного и человеческого в сознании Пушкина связаны отнюдь не с понятием рока, обрекающего человека гневом богов независимо от его личной вины, и не с «завистью богов». Напротив, античные боги склонны хранить героя: «Судьба Евгения хранила...» [4. С. 6]. Сам поэт в «минуты злые» обращается к жанру антологии, где доминирует вечность, где снимаются противоречия исторические и личностные (см. об этом подробно: [1 С. 82–117, 279–297]).

В связи с этим тема судьбы в пушкинском романе, крайне сложная, многократно исследованная, может быть увидена по-новому. Соотношение античного и современного типов сознания определяет вектор судьбы Онегина. В I главе он выступает как любимец богов, наделенный к тому же даром «предвидения». Та конфликтная ситуация, которая вызвана родственным дележом наследства, жадностью заимодавцев, для беспечного Онегина разрешается счастливым образом: «Евгений, тяжбы ненавидя, // Довольный жребием своим, // Наследство предоставил им, // Большой потери в том не видя // Иль предузнав издалика // Кончину дяди-старика» [4. С. 26]. Ситуация «вглядывания в будущее», разумеется, предстает здесь локальной – и комической, светлой. Затем она будет дана совсем в иной тональности: это и трагическое прозрение Татьяны, и предвидение самого Онегина («Предвижу всё: вас оскорбит...» [4. С. 180]). Но точкой отсчета является «античное» доверие судьбе. В других пушкинских произведениях мотив счастливой судьбы (а также счастливой случайности в судьбе) не маркирован как «античный»; в «Евгении Онегине» это содержательное наполнение еще сохраняется. Забегая вперед, скажем, что судьба продолжает «хранить» Онегина даже в ситуации дуэли: он ее проспал, получив тем самым возможность без борьбы с собой, без рефлексии избежать трагедии. Только чужая воля заставляет друзей стать к барьеру.

Онегин I главы сам готов выступить в комической (маскарадной) роли «представителя» античного мира: «Он три часа по крайней мере // Пред зеркалами проводил // И из уборной выходил // Подобный ветреной Венере, // Когда, надев мужской наряд, // Богиня едет в маскарад» [4. С. 15]. При всей ироничности авторского слова очевидно стремление ввести героя в определенный круг ценностей, присвоить ему некий статус в античном мире. Более высокий уровень в этом контексте представляет соотношение Онегина и Овидия: если для автора изгнание Овидия – параллель к собственной участи, то Онегин – своеобразный двойник Овидия, реализующий на практике великую науку любви. Две строфы, описывающие дар Онегина привлекать к себе женское внимание и соблазнять («И после ей наедине // Давать уроки в тишине!» [4. С. 10]), представляют собой «конспект» Овидиева трактата. Именно в античном контексте I главы «гарольдовская» характеристика героя оказывается неистинной; положению светского денди, «разочарованного» противостоит то, что не зависит от конкретных условий жизни героя, что дано ему «свыше» благожелательной судьбой.

Во II главе ситуация меняется. Хотя в системе эпиграфов звучит слово Горация, активность античного начала заметно убывает. В пушкинских черновиках античный пласт выражен куда более определенно; в итоге от него остались два образа: первый характеризует чуждое Онегину пространство, где он «сучал» («И сени расширял густые // Огром-

ный, запущенный сад, // Приют задумчивых дриад» [4. С. 31]), второй – идиллический мир Ленского («Своим пенатам возвращенный...» [4. С. 48]). А вот Онегин помещается в особый смысловой контекст, где ключевым словом оказывается «пустынник», «пустыня». Можно увидеть здесь лишь ироническое противопоставление Онегина помещиному дворянству. Однако в перспективе движения романа мотив «пустыни» начинает коррелировать с иной системой смыслов – уже не античной.

Логика этого переключения станет более очевидной, если принять во внимание следующее. Для пушкинского сознания важен выход из первоначального блаженного состояния в новую духовную сферу, что чревато трагическими коллизиями, но также и возможностью приобщения к высшему знанию – «иному» знанию. В пушкинской лирике периода работы над I и II главами романа года есть три текста, передающие это движение: «Демон» («В те дни, когда мне были новы...», 1823), «Я помню чудное мгновенье» (1825) и «Пророк» (1826). Общая для них проблема – приобщение к высшей истине; в первом случае истина разрушительна, во втором – благодатна, в третьем – обязывает к деянию, осененному свыше. В свете этой большой проблемы, которую Пушкин решает на протяжении всего своего творчества, появление во II главе мотива «пустыни» («пустынника») формирует вокруг Онегина особый смысловой ореол. Он не является христианским в собственном смысле, однако его интенцию можно определить как христианскую.

Отсюда – возможность по-новому взглянуть на сущность онегинского разочарования. Привычное заключение, что Онегин утратил вкус к жизни, является слишком общим по отношению к тому, что происходит с героем. Ведь уже в финале I главы герой получает характеристику, которая нарушает представление об абсолютной усталости от жизни (и это оценка авторская): «Мечтам невольная преданность» [4. С. 23]. А далее, во II главе, написанной на фоне «демонического цикла», *пустынник* Онегин оказывается анти-демоническим героем. Выслушивая «исповедь сердца» Ленского, он «охлаждающее слово // В устах старался удержать» [4. С. 37–38]. Позднее он уклоняется от демонической роли по отношению к Татьяне. Черновые варианты речи Онегина к Татьяне («Душа лишь только разгоралась, // Тогда мне женщина являлась / Каким-то чистым божеством...» [4. С. 333]) намечают ситуацию, соотносимую с «чудным мгновеньем». Таким образом, Онегин приближается к некому высшему знанию, условно говоря, «христианскому» представлению о мире. Эти новые смыслы, крайне зыбкие, отчасти проясняются творческой историей ключевых образов: формула «В своей глуши мудрец пустынный» имела черновой вариант «Свободы сеятель пустынный».

В последующих главах Пушкин отказывается от развития этого мотива, однако роль его во II главе принципиальна: опустошенность человеческой души, движение ее к некоему пределу разочарования означает не тупик, но перспективу духовного возрождения; эта возможность лежит уже в плоскости религиозной, а не сугубо духовной. Здесь эта интенция лишь брезжит; она получает развитие в лирике, которая образует с романом единое смысловое целое.

Список литературы

1. Грехнев, В. А. Мир пушкинской лирики [Текст] / В. А. Грехнев. – Н. Новгород : Изд-во «Нишний Новгород» ; «Нишполиграф», 1994. – 464 с.
2. Грехнев, В. А. Эволюция Онегина как филологический миф [Текст] / В. А. Грехнев // Болдинские чтения. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1994. С. 95–103.
3. Дьяконов, И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» [Текст] / И. М. Дьяконов // Пушкин. Исследования и материалы. – Т. 10. – Л. : Наука, 1982. – С. 70–106.
4. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 17 томах. Т. 6. [Текст] / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1995. – 700 с.
5. Фомичев, С. А. «Евгений Онегин» : движение замысла [Текст] / С. А. Фомичев. – М. : Русский путь, 2005. – 176 с.

УДК 070

Дмитрий Михайлович Бочко
Челябинский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА УНИВЕРСАЛЬНОГО ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА

В данной статье рассматриваются основные подходы к изучению истории возникновения феномена универсального тележурналиста. Это позволяет проследить не только этапы становления универсализма в тележурналистской деятельности, но и выявить основные тенденции его дальнейшего развития в условиях бурного развития информационных и телекоммуникационных средств и высокой скорости технологических изменений.

Ключевые слова: универсализм, универсальная тележурналистика, телевидение, конвергенция, постиндустриальное общество.

Универсальный телевизионный журналист рассматривается как журналист, совмещающий в себе все профессии, необходимые для создания качественного полноценного телевизионного материала. В таком случае универсальный тележурналист – это журналист, телевизионный оператор, режиссер, режиссер видеомонтажа, сценарист, звукорежиссер. Данный список можно продолжать, так как в создании телевизионного материала могут также участвовать осветитель, дизайнер, мастер 3-D графики и другие работники. В случае если журналист не является штатным сотрудником какой-либо телекомпании, он совмещает в себе еще и профессию менеджера, т. е. сам договаривается о производстве материала, получает заказ, составляет какую-либо документацию, продает уже готовый видеосюжет. Таких универсальных журналистов часто называют «человеком-оркестром».

Изучение истории возникновения феномена универсального тележурналиста осуществляется, на наш взгляд, в рамках двух основных подходов: творческого и технологического. В первом случае журналист при подготовке материала руководствуется следующими основными принципами:

1. Сохранение изначальной идеи. Автор, желая пронести замысел от сценария до готового сюжета, берет на себя все технические функции. Это происходит из-за того, что зачастую каждый творческий работник команды хочет внести собственную мысль при подготовке материала, что может нарушать позицию автора.

2. Увеличение времени работы. Универсальный журналист всегда имеет более гибкий график занятости в отличие от целого набора специалистов. Также он может потратить больше времени на определенном этапе съемок или монтажа. Это объясняется еще и тем, что финансово содержать одного работника выгоднее, тем более в долгосрочном проекте.

3. Удобство работы с героями. При съемке интервью, длительном наблюдении важен психологический контакт. «Человеку-оркестру» наладить его гораздо проще, чем целой команде работников.

Если обратиться к опыту кинодокументалистов середины XX века, то можно отметить, что при существовании четкого разделения кино- и телепрофессий уже здесь можно найти примеры универсализации.

Ричард Ликок, легендарный документалист, один из основателей течения «прямого кино». Творческую судьбу Ликок начинает с профессии кинооператора. Далее он учится и работает режиссером монтажа. Такой набор специализаций ему был необходим для понимания режиссуры. «Я совершенно уверен, что научиться снимать по-настоящему

УДК 070

Дмитрий Михайлович Бочко
Челябинский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА УНИВЕРСАЛЬНОГО ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА

В данной статье рассматриваются основные подходы к изучению истории возникновения феномена универсального тележурналиста. Это позволяет проследить не только этапы становления универсализма в тележурналистской деятельности, но и выявить основные тенденции его дальнейшего развития в условиях бурного развития информационных и телекоммуникационных средств и высокой скорости технологических изменений.

Ключевые слова: универсализм, универсальная тележурналистика, телевидение, конвергенция, постиндустриальное общество.

Универсальный телевизионный журналист рассматривается как журналист, совмещающий в себе все профессии, необходимые для создания качественного полноценного телевизионного материала. В таком случае универсальный тележурналист – это журналист, телевизионный оператор, режиссер, режиссер видеомонтажа, сценарист, звукорежиссер. Данный список можно продолжать, так как в создании телевизионного материала могут также участвовать осветитель, дизайнер, мастер 3-D графики и другие работники. В случае если журналист не является штатным сотрудником какой-либо телекомпании, он совмещает в себе еще и профессию менеджера, т. е. сам договаривается о производстве материала, получает заказ, составляет какую-либо документацию, продает уже готовый видеосюжет. Таких универсальных журналистов часто называют «человеком-оркестром».

Изучение истории возникновения феномена универсального тележурналиста осуществляется, на наш взгляд, в рамках двух основных подходов: творческого и технологического. В первом случае журналист при подготовке материала руководствуется следующими основными принципами:

1. Сохранение изначальной идеи. Автор, желая пронести замысел от сценария до готового сюжета, берет на себя все технические функции. Это происходит из-за того, что зачастую каждый творческий работник команды хочет внести собственную мысль при подготовке материала, что может нарушать позицию автора.

2. Увеличение времени работы. Универсальный журналист всегда имеет более гибкий график занятости в отличие от целого набора специалистов. Также он может потратить больше времени на определенном этапе съемок или монтажа. Это объясняется еще и тем, что финансово содержать одного работника выгоднее, тем более в долгосрочном проекте.

3. Удобство работы с героями. При съемке интервью, длительном наблюдении важен психологический контакт. «Человеку-оркестру» наладить его гораздо проще, чем целой команде работников.

Если обратиться к опыту кинодокументалистов середины XX века, то можно отметить, что при существовании четкого разделения кино- и телепрофессий уже здесь можно найти примеры универсализации.

Ричард Ликок, легендарный документалист, один из основателей течения «прямого кино». Творческую судьбу Ликок начинает с профессии кинооператора. Далее он учится и работает режиссером монтажа. Такой набор специализаций ему был необходим для понимания режиссуры. «Я совершенно уверен, что научиться снимать по-настоящему

можно, но только научившись монтировать. Свой материал я всегда монтирую сам. Можно каждую из кинопрофессий отделить от другой, но я предпочитаю совмещать их в одном лице. Это и проще, и целесообразнее. И к тому же – это “фан”!»¹

В 1960 году Ликок снимает документальный фильм «Primary» («Первичные выборы»), в котором рассказывает об избирательной кампании Джона Кеннеди. В этой ленте режиссер выступал еще и в роли продюсера, лично договаривался о съемках с Кеннеди, обсуждал их необходимость, в результате чего многие события фильма были запечатлены только Ликоком и стали своего рода эксклюзивом. Среди кинооператоров тех лет легендарной была сцена выхода кандидата в президенты из машины, проход его по узкому коридору, через ликующую толпу, подход к трибуне и начало речи. Все это Ликок снял одним кадром на 16-миллиметровую кинокамеру. Мы видим, что для Ликока объединение профессий является не технической необходимостью, а творческой установкой.

Также стоит обратиться к опыту работы советского писателя, литературоведа Ираклия Андроникова. В 1959 году впервые был показан его документальный телефильм «Загадка Н. Ф. И.», в котором был использован достаточно новый для того времени прием. Монолог автора на экране сопровождается воспроизведением документальных кадров, снятых самим Андрониковым во время его экспедиции по Кавказу. Тем самым, автор делает процесс съемки продолжением сбора информации, что является подтверждением принципа сохранения изначальной идеи.

Второй подход к изучению истории возникновения феномена универсального тележурналиста, а именно технологический, заключается в рассмотрении данного феномена как результата развития технических средств, используемых тележурналистом, и процесса цифровизации (дигитализации) в целом.

80-е гг. XX века ознаменовали переход работы телевизионных работников с кинона телекамеры. С этого момента происходит упрощение съемочной техники, снижение затрат на производство, повышение мобильности съемочной группы. Монтажное оборудование также становится более простым и доступным для небольших телекомпаний, студий, индивидуальных работников.

В такой ситуации широкое распространение получает специализация стрингера. **Stringer («вольный стрелок»)** – журналист, как правило, не являющийся работником какого-либо средства массовой информации, заключающий договор на создание одного или нескольких материалов о военных действиях, природных катаклизмах, социальных волнениях и так далее.

В России особую популярность стрингеры получили в 80–90-е годы XX века. Время военных конфликтов, политических изменений. Они часто работали с информационными агентствами, в том числе и зарубежными, реже становились специальными корреспондентами определенных СМИ. Для агентств главным преимуществом такой работы оказалось финансовая сторона. Разница между оплатой командировки одного специалиста и команды колоссальная. Также существовала практика покупки готового материала, без издержек на содержание журналиста.

Для стрингера финансовый вопрос также был очень важен. За эксклюзивную съемку можно было получить много больше стандартного оклада журналиста. Но принцип универсализации деятельности стрингеров объясняется еще и характером работы. Горячие точки, военные конфликты предполагают особое поведение корреспондента. Налаживание контактов с военными, местными жителями, зачастую незаметность. Передвижение вместе с армейскими отрядами, поиск эксклюзивного материала. Все это подразумевает работу «в одиночку».

Стрингеры, как правило, не монтируют свои сюжеты, а передают материал в исходном виде заказчику. Это можно объяснить и спецификой «полевой работы», и желани-

ем повышения оперативности опубликования материала. Тем самым они отличаются от полноценных универсальных тележурналистов. Но все-таки некоторые стрингеры выполняют и этот этап работы.

Интересен опыт работы универсальных тележурналистов на канале Би-Би-Си. При появлении упрощенных цифровых видеокамер (DV) руководство канала начало проводить обучающие семинары для своих журналистов. После чего большинство ведущих корреспондентов получили такие камеры в свое пользование. Но профессиональные телевизионные операторы также остались работать на канале. В первое время журналисты использовали собственные камеры только в экстренных случаях, когда необходимо запечатлеть событие здесь и сейчас, либо если нет свободного оператора. Но спустя некоторое время корреспонденты полностью подготавливали видео для своего материала. Обратимся к некоторым примерам.

Ник Копус работает журналистом и продюсером на Би-Би-Си. Он часто сам снимает свои телефильмы. Объясняется это тем, что он работает в молодежной редакции, а программы такой тематики практически не финансируются. Также Ник отмечает, что самому очень удобно снимать, когда делаешь большие репортажи или телефильмы. Ник Копус рассказывает: «В начале этого года я снял фильм, он называется “Последний вышибала”. Он про английских швейцаров. Мы практически два месяца ездили по Англии и снимали ночные клубы, швейцаров, и кроме интервью со швейцарами искали такие моменты, которые бы показали, о чем они нам рассказывали: драки, пьяных клиентов и так далее. Я снимал, как Дэвид Атенбер, который сидел в джунглях и ждал, чтобы его гориллы что-то сделали – нельзя же заставить гориллу что-то сделать. Но рано или поздно что-то происходит, и в этот момент камера должна уже у вас снимать»². Так, по мнению Ника, главное преимущество универсального журналиста – большое количество времени для съемки, что позволяет «сидеть в джунглях» столь долго, сколько этого требуется.

Клер Бэрджекс, журналист и продюсер компании «Смарт Продакшнс»: «Это серия репортажей под названием “Тюремный еженедельник”, полностью снятая на DV. Съемки шли в 30 тюрьмах здесь и за границей, такое можно было сделать только на DV. Например, вот в эту тюрьму (это тюрьма строгого режима) меня пустили только потому, что у меня была совсем маленькая камера. Съемки в таком отделении британской тюрьмы разрешили впервые. Когда снимаешь на DV, нужно смириться, что ты работаешь один»³. Клер показывает еще одно преимущество работы «человека-оркестра» – возможность попасть в такие места, куда обычную съемочную бригаду не пустят. В этом мы видим некую схожесть профессии универсального журналиста со стрингером – получение эксклюзивной информации.

Рассмотрение феномена универсального тележурналиста как результата процесса цифровизации (дигитализации) требует следующего уточнения. Понятие «цифровизации» («дигитализации») означает «полный перевод творческой деятельности журналистов, медиапредприятий, медиаотрасли на “цифру” как в сфере создания, так и в сфере распространения и хранения содержания СМИ, самого их существования»⁴. В этом случае, как правило, происходит объединение различных СМИ в одну корпорацию. Так, например, в Дании существует медиа-холдинг, включающий в себя 2 телевизионного канала, 4 канала радио и самый популярный сайт в этой стране. Одна из главных модернизаций состояла в создании единой сети между всеми СМИ. Это позволило коренным образом изменить систему монтажа на телевизионных каналах. Отснятое видео помещается в сеть, после чего каждый журналист самостоятельно монтирует свой материал. Перед выходом в эфир эти сюжеты просматривают несколько профессиональных режиссеров монтажа, при необходимости что-либо корректируют. Таким образом, было сокращено количество монтажеров в несколько раз. Тем самым создана площадка для работы универсального тележурналиста – личные цифровые видеокамеры, станции не-

линейного монтажа. Стоит отметить, что такая политика компаний сегодня достаточно распространена. В Челябинске на многих телекомпаниях журналисты также монтируют самостоятельно.

Конвергентная редакция возникает при объединении разнопрофильных СМИ (печатных, аудиовизуальных), в том числе на базе Интернет-портала. В этой ситуации можно выделить два варианта работы. Так, корреспонденты различных профилей готовят собственные материалы для одного Интернет-издания. В другом случае, универсальный журналист создает мультимедийный текст, в котором могут содержаться аудиовизуальные материалы. Тогда такой специалист должен обладать навыками подготовки материала и для сайта, и для печатного издания, и для телеканала. В подобных конвергентных редакциях универсальный тележурналист может стать незаменимым работником. Ведь навыки съемки и монтажа он уже имеет, а журналистская специализация является его основной.

Изучение истории возникновения феномена универсального тележурналиста позволяет, на наш взгляд, не только проследить этапы становления универсализма в тележурналистской деятельности, но и выявить основные тенденции его дальнейшего развития. Бурное развитие информационных и телекоммуникационных средств и высокая скорость технологических изменений, с одной стороны, и динамизм и высокая степень неопределенности, присущие современному миру, – с другой, требуют дальнейших исследований процесса развития тележурналистской деятельности.

Примечания

¹ Кузнецов Г. В., Цвик В. Л., Юровский А. Я. Телевизионная журналистика : учеб. для вузов. – М. : Высш. шк., 2002. С. 275.

² Электрификация всей страны или новые технологии. Как делать телевидение : учеб. проект. Би-Би-Си, 2000.

³ Там же.

⁴ Варганова Е. Л. Междисциплинарные исследования СМИ в России: новый этап // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 4. С. 6.

УДК 398 (82)

Игорь Анатольевич Голованов

Челябинский государственный педагогический университет

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В САТИРИЧЕСКОЙ ДРАМЕ

А. ПЛАТОНОВА «ДУРАКИ НА ПЕРИФЕРИИ»

В статье проясняется фольклорный контекст одного из ранних драматургических произведений А. Платонова. Выявляются мотивы и образы пьесы, восходящие к песенным, драматическим и прозаическим жанрам русского народного творчества.

Ключевые слова: А. Платонов, фольклорный мотив, образ, сатирическая драма, русский фольклор.

В центре внимания настоящей статьи находится феномен использования поэтики фольклора в драматургическом творчестве Андрея Платонова на примере одной из первых его пьес – «Дураки на периферии» (1928). Эта сатирическая драма не была опубликована при

линейного монтажа. Стоит отметить, что такая политика компаний сегодня достаточно распространена. В Челябинске на многих телекомпаниях журналисты также монтируют самостоятельно.

Конвергентная редакция возникает при объединении разнопрофильных СМИ (печатных, аудиовизуальных), в том числе на базе Интернет-портала. В этой ситуации можно выделить два варианта работы. Так, корреспонденты различных профилей готовят собственные материалы для одного Интернет-издания. В другом случае, универсальный журналист создает мультимедийный текст, в котором могут содержаться аудиовизуальные материалы. Тогда такой специалист должен обладать навыками подготовки материала и для сайта, и для печатного издания, и для телеканала. В подобных конвергентных редакциях универсальный тележурналист может стать незаменимым работником. Ведь навыки съемки и монтажа он уже имеет, а журналистская специализация является его основной.

Изучение истории возникновения феномена универсального тележурналиста позволяет, на наш взгляд, не только проследить этапы становления универсализма в тележурналистской деятельности, но и выявить основные тенденции его дальнейшего развития. Бурное развитие информационных и телекоммуникационных средств и высокая скорость технологических изменений, с одной стороны, и динамизм и высокая степень неопределенности, присущие современному миру, – с другой, требуют дальнейших исследований процесса развития тележурналистской деятельности.

Примечания

¹ Кузнецов Г. В., Цвик В. Л., Юровский А. Я. Телевизионная журналистика : учеб. для вузов. – М. : Высш. шк., 2002. С. 275.

² Электрификация всей страны или новые технологии. Как делать телевидение : учеб. проект. Би-Би-Си, 2000.

³ Там же.

⁴ Варганова Е. Л. Междисциплинарные исследования СМИ в России: новый этап // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 4. С. 6.

УДК 398 (82)

Игорь Анатольевич Голованов

Челябинский государственный педагогический университет

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В САТИРИЧЕСКОЙ ДРАМЕ

А. ПЛАТОНОВА «ДУРАКИ НА ПЕРИФЕРИИ»

В статье проясняется фольклорный контекст одного из ранних драматургических произведений А. Платонова. Выявляются мотивы и образы пьесы, восходящие к песенным, драматическим и прозаическим жанрам русского народного творчества.

Ключевые слова: А. Платонов, фольклорный мотив, образ, сатирическая драма, русский фольклор.

В центре внимания настоящей статьи находится феномен использования поэтики фольклора в драматургическом творчестве Андрея Платонова на примере одной из первых его пьес – «Дураки на периферии» (1928). Эта сатирическая драма не была опубликована при

жизни писателя. Она стала частью литературного процесса и театра лишь в XXI веке, после напечатания в сборнике «Ноев ковчег» (М., 2006). И хотя произведения сатирического плана часто теряют свою остроту и актуальность вместе со сменой исторических эпох, в данном случае мы наблюдаем своевременное возвращение литературного текста, поскольку проблемы, которые поднимает автор, во многом созвучны сегодняшним.

Сложность избранной автором эстетической формы, по-видимому, была предопределена сложностью предмета художественного осмысления – реальности 20-х гг. XX века. Благодаря осмыслению проблем времени в контексте фольклорного сознания [1] платоновские образы обретают емкий, всеобщий, универсальный смысл, им присуща художественная соотнесенность с рядом аналогичных жизненных явлений.

В своих литературно-критических статьях, рецензиях на пьесы А. Платонов неоднократно указывал, что драматические произведения, и особенно сатиру, нужно писать, обладая достаточным жизненным и художественным опытом: «Главное в сатирическом произведении – это глубокая, могучая мысль, проникающая общественное явление до дна, до истины, и подчиняющая себе все остальное – и прелесть слова, и движение сюжета, и характеры героев» [б. С. 167]. Не случайно у каждой платоновской пьесы – огромная, большой жизненной правды предыстория, в которой слиты социально-философские идеи и гуманистические мысли писателя: «Сатира должна остаться великим искусством ума и гневного сердца, любовью к истинному человеку и защитой его» [б. С. 168].

Писателя явно привлекала мысль, что театр – это концентрированная вселенная, где посредством игры происходит осуществление «новой реальности» (П. А. Флоренский). Этому соответствовало мировосприятие раннего А. Платонова, его вера в возможность «пересоздания» Вселенной с использованием энергии земли и людей. Человек, его разум стали осознаваться в ту эпоху как огромная сила, но вопрос заключался в том, куда она должна быть направлена. Театр, понимаемый как «внутренний синтез эпохи» (В. Мейерхольд), и должен был дать ответ на этот вопрос.

Название пьесы отвечает «теоретическим положениям» автора о поиске истины именно на периферии. В 1926 году в статье «Фабрика литературы» Андрей Платонов, задумавшийся о коренном улучшении способов литературного творчества, пишет: «Искренние литераторы отправляются в провинцию, на Урал, в Донбасс <...>, наконец, просто становятся активистами жилтовариществ (для вникания [подчеркнуто нами. – И. А.] в быт, в ремонт примусов, в антисанитарию квартир и характеров, в склочничество и т. д.). Нам же нужна в литературе диалектика социальных событий, звучащая как противоречие живой души автора» [б. С. 46].

Место действия пьесы – уездный городок Переучётск, с названием которого в сознание читателя/зрителя входит тема бюрократизма и чиновничьего отношения к своему делу. Понимание связи Платонова с устной народной традицией помогает прояснить смысл названия произведения. Герои – те самые дураки (или «дурни», как в народной социально-бытовой сказке), которые «лоб расшибут» и доведут дело до абсурда, до полной нелепости. Их поступки рождают смех – сатирический, обличительный, обнажающий истинное положение дел в уездном городе.

«Афиша» и описание места действия в начале первого акта явно отсылают нас к гоголевской комедии «Ревизор», что, по замыслу автора, получает свое конкретное подтверждение в финале пьесы, в четвертом акте, когда на сцене появляется «старший рационализатор». Но это не единственная реминисценция в платоновском тексте.

Завязка действия определена нежеланием счетовода Ивана Павловича Башмакова нести расходы в связи с возможным рождением ребенка его женой, Марьей Ивановной: «Чего я желаю? – Я желаю – не родить. Я уже родил свою норму. А без комиссии нельзя сделать аборта, на основании обязательного постановления» [4. С. 14]. Итак, первоначально перед нами разворачивается реальная жизненная коллизия: «дети всегда не во-

время», социальные условия не позволяют их «завести» (такова «мудрость» обыденного, мещанского сознания).

Образ Ивана Павловича – многоплановый: очевидна его связь с Акакием Акакиевичем Башмачкиным («рифмовка» фамилий не случайна), и с «маленьким человеком», и с Иваном-дураком, героем социально-бытовой сказки (не путать с Иванушкой-дурачком из сказки волшебной). Иван Павлович, как и сказочный дурень, не вписывается в социальные условия новой эпохи. Всё, что он мог совершить как мужчина и отец, он сделал в «дореволюционный период»: «От первой жены в дореволюционный период у меня есть трое детей». Он, как и все мещане, живет в прошлом и настоящем. Платонов в присущей ему манере – через языковую игру, широко используемую в народной драме и райке – подчеркивает несоответствие Ивана Павловича новым задачам эпохи: «Мы живем в настоящие времена, а не в будущие» [4. С. 14]; «В своё время [подчеркнуто нами. – И. Г.], а именно до революции, я родил троих детей» [4. 16].

Комиссия охматмлада («охрана матерей и ихних младенцев») в «узком» составе приходит в дом Башмаковых для «обследования материяльного положения» и вынесения решения на месте. Асбурдность ситуации становится очевидной не сразу, а через отдельные ремарки автора и реплики персонажей: «Члены держат в квартире себя, как татары в Древней Руси» [4. С. 18]; ЕВТЮШКИН. Говори чохом и без утайки. А то предадим суду за бюрократизм. [4. С. 20]. ИВАН ПАВЛОВИЧ. Товарищ председатель, убедительно прошу, не заставляйте родить. Лучше я куда-нибудь пожертвую. Родить я никак не могу. Я не хочу увеличивать основные кадры беспризорников. Я свою активность потеряю. У меня бюджет лопнет. Непосредственно умоляю вас [4. С. 21].

На сцене перед зрителями постепенно предстает комическая ситуация (разворачивающаяся вполне в традициях народного театра) «скрупулезного» обследования и допроса комиссией свидетелей и «прочих заинтересованных лиц». В итоге «охматмлад» приходит к выводу: «Комиссия постановляет... Пиши... Комиссия, состоящая... перечисли нас... постановляет... Гражданке Башмаковой, М. И. – родить! Точка. Ввиду необнаружения к данному делу препятствия» [4. С. 23]. ИВАН ПАВЛОВИЧ. <...> (*Громко – комиссии.*) Не губите жизнь, не родите детей! <...> [4. С. 24].

Ситуация усугубляется тем, что отцом ребенка считает себя присутствующий при разбирательстве Глеб Иванович Рудин, письмоводитель милиции. Марья Ивановна, долгое время равнодушно вззирающая на всё, после принятия комиссией решения останавливает секретаря Ащеулова Василия Степановича словами: «Васька, голубчик, мой милый, ребеночек-то ведь твой!» [4. С. 24].

Кажется, что пьеса приобретает анекдотический характер, чего стремился избежать Платонов-драматург. Любовь коварство, измена – не более чем банальность, у автора же другая цель, другая сверхзадача. В 1937 году, в статье «Общие размышления о сатире – по поводу, однако, частного случая» писатель замечает: «Забавность, смехотворность, потеха сами по себе не могут являться смыслом сатирического произведения, нужна еще исторически истинная мысль и, скажем прямо, просвечивание идеала или намерения сатирика сквозь кажущуюся суету анекдотических пустяков» [6. С. 165]. «Просвечивание идеала» невозможно для А. Платонова без «мысли народной», которая обнаруживается в фольклорных аллюзиях и реминисценциях, но не только. «Истинная мысль» писателя-драматурга раскрывается в пьесе через мотивы и образы народной драмы («Лодка», «Шайка разбойников» и др.) и разбойничьей удалой песни («Из-за острова на стрежень...»).

В целом развитие сюжета рассматриваемого произведения тесно связано с темой разбойников. Эта тема в творчестве А. Платонова постепенно обретала свои очертания. Так, в нескольких стихах из сборника «Голубая глубина», датированных 1921 годом, обнаруживаем своеобразные поиски героя эпохи. В стихотворении «Небо вверху голубое...» лирический герой соотносит свое внутреннее мироощущение и переживания с двуединым

«царем и разбойником» [5. С. 473], а в стихотворении «Сказка» строки: *Мальчик вырос в атамана, / Сжег деревню, мать-отца / И ушел на лодках рано / У земли искать конца* [5. С. 475] предлагают вариант обретения героем своего предназначения («восстановление утраченной справедливости»).

Именно с «разбойничьей темой» в пьесу входит фольклор на уровне цитации. В конце 20-х годов тема разбойников, точнее – народных заступников, в творчестве А. Платонова приобретает новые оттенки смысла. Теперь это уже не художественное решение темы социальной справедливости, где «благородные» разбойники (пьеса Ф. Шиллера активно ставилась на театральных подмостках России начала 1920-х годов) грабят богатых и раздают «злато» бедным. В пьесе А. Платонова мы чувствуем гоголевские мотивы мертвенности мира, который существует по нормам и правилам чиновников и бюрократов, и мотивы «духоты» (по Ф. М. Достоевскому), «внутренней несвободы» и экзистенциального одиночества и тупика.

Общая картина неблагополучия жизни подчеркнута судьбой Марьи Ивановны: «Уйду я от вас, чертей, в разбойники, в леса, в атаманы, в батьки и матки» [4. С. 17]. Слова об уходе в разбойники станут лейтмотивом пьесы, ритмически организующим действие, только ритм этот не приводит к возникновению марша жизни, а сродни похоронному маршу: хоронят мечты, надежды людей, которые погрязли в «болоте» быта, а в конце концов похоронят и будущее – родившегося ребенка.

Социальное и частное, общественное и личное у Платонова сливаются в соответствии с традициями русской гражданской драмы (Фонвизин, Грибоедов, Гоголь). Персонажи-мужчины оказываются способными как-то найти себе место в этом мире, где правда поменялась местом с неправдой, где семья перестала быть ценностью, а рождение ребенка – человеческой радостью и высшим проявлением счастья. Ребенок выступает лишь одним из показателей отчетности.

Именно в этой пьесе А. Платонова наиболее заметно влияние традиций народной драмы о разбойниках. В соответствии с сюжетом народной драмы, но в «снятом», завуалированном виде перед нами предстают атаман – Евтюшкин (председатель комиссии Охматмлада), его неперемный спутник и помощник Ащеулов (секретарь комиссии, фамилия которого созвучна популярному персонажу казачьего фольклора), воспроизводятся черты и функции других действующих лиц.

Марья Ивановна – это первопричина событий и ее реплики-вздохи – фон для разворачивающихся действий. Образ Марьи Ивановны – сложный, понять его возможно лишь в многоаспектном комплексе мифологических универсалий, литературных архетипов и фольклорных констант, во взаимодействии смыслов языческой, христианской и авторской мифологии: Марья Ивановна одновременно выступает и как архетип Хаоса, как языческий образ матери-сырой земли и как христианский образ богородицы. В этой драме, как и в других произведениях Андрея Платонова, герои наделены неслучайными, значимыми именами. Зачастую имя у писателя – это сам человек в его сущности. Мария – христианское имя, в книжной и фольклорной традиции – в частности, в духовных стихах и легендах – оно ассоциируется с Богородицей.

Кажется, что в пьесе сатирически «обыгрывается» христианский миф о непорочном зачатии, но упреки в неверности отсутствуют, соитие Марии с многими, по Платонову, не блуд, а поиск гармонии в разъятом, разрушенном мире. «Старая», прежняя семейная мораль разрушилась, а «новая» (по А. Коллонтай) не прижилась, так как противоречит изначальной сути русской женщины, ее предназначение не просто быть женой – матерью. В русском фольклорном сознании сформировалось два типа женских персонажей: в текстах волшебных сказок они реализованы в облике Василисы премудрой и Елены Прекрасной. Но в данном произведении А. Платонову не важна ни абсолютная мудрость Василисы, ни идеальная красота Елены:

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Васька, давай уйдем в разбойники...

АЩЕУЛОВ. Это для какой причины?

МАРЬЯ ИВАНОВНА. Для вольной жизни. Будем всех грабить, песни петь. Учётного пса к стенке поставим и шлепнем его на заре! [4. С. 25].

Писатель вводит в текст пьесы строки из известной народной лирической песни: «Э-эх, ва субботу, да в день ненастный, нельзя в поле работать...» [4. С. 44], что позволяет ему выразить «мнение народное» о ситуации в городе, а через нее и в стране. В традиционном тексте песни есть значимый фрагмент:

*Не про нас ли, друг мой милый,
Люди бают, эх,
Люди бают, говорят?*

*Тебя, молодца, ругают,
Меня, девицу, эх,
Меня, девицу, бранят?..*

Картина «ненастного дня» является символическим выражением эмоционального состояния героев. В сюжете лирической песни после картины «нехорошей» погоды говорится, что возлюбленные пойдут гулять «в зеленый сад», где им будет петь соловей – в фольклоре не только певец любви, но и вестник разлуки. Отметим, что и «зеленый сад» в народной лирике – тоже амбивалентный образ, это не только символ радости и счастья, но и печали, будущего расставанья (ср. *сад – досада*).

Общеизвестно, что в основе большинства способов выражения лирического начала лежит принцип аналогии между миром природы и внутренним миром человека. При этом важный аспект поэтики фольклорного текста – «выражение определенного отношения к этим фактам и явлениям, в показе богатства народных мыслей, чувств, переживаний (разрядка наша. – И. Г.)» [3. С. 106].

От частного случая автор – через песню – поднимается до обобщения: неустроенность жизни героев связана с нерешенностью проблемы семьи и брака в советском обществе 20-х годов в целом. Мы понимаем, что Платонов явно поддерживает прежнюю, так называемую «крестьянскую мораль» и традиционное представление о семье, и противопоставляет свою художественную позицию новой морали, идеологами которой были А.М. Коллонтай и М. Горький (см. комментарии к пьесе [4. С. 687-688]).

Финал пьесы трагичен: пока все «судили-рядили», кому забрать ребенка, с кем будет жить Марья Ивановна, оказалось, что «мальчик мертв».

Все комиссии-суды, разговоры-споры бессмысленны и никчемны, если погиб ребенок. Тема смерти в творчестве А. Платонова предстает и как философская (онтологическая), и как аксиологическая проблема. Факт смерти героя, персонажа часто ставит точку в размышлениях автора и читателя о сути происходящего, «по плодам» мы постигаем истинный смысл существования человека. Нельзя не обратить внимание на количество смертей в произведениях Андрея Платонова, что уже отрефлексировано и выражено исследователями: «За редкими исключениями, смерть человека не является в мире Платонова событием. Но есть существо, гибель которого всегда стоит в центре трагически напряженной жизни и событием которой выносятся последняя оценка делам человеческим. Это существо – ребенок» [2. С. 555].

Таким образом, именно фольклорные образы – дурней из социальной сказки, неудачливых влюбленных из лирической песни и др. – и мотивы – разбойничьей удали, предводительства и др. из прозаического и лирического фольклора – становятся тем ключом, с помощью которого приоткрывается многомерная концептуальная организация произве-

дения, выявляется сложное переплетение в нем эстетических принципов и художественных приемов фольклора и литературы.

Список литературы

1. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) [Текст] / И. А. Голованов. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 251 с.
2. Исупов, К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века [Текст] / К. Г. Исупов. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. – 592 с.
3. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для вузов [Текст] / С. Г. Лазутин. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.
4. Платонов, А. Дураки на периферии: Пьесы. Сценарии [Текст] / А. Платонов; сост., подготовка текста, комментарии Н.В. Корниенко. – М.: Время, 2011. – 720 с.
5. Платонов, А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения [Текст] / А. Платонов; вступ. ст. А. Битова. – М.: Время, 2009. – 656 с.
6. Платонов, А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика [Текст] / А. Платонов; / сост., комментарии Н.В. Корниенко. Подготовка текста Н.В. Корниенко и Е.В. Антоновой. – М.: Время, 2011. – 720 с.

УДК 81

Елена Иосифовна Голованова
Челябинский государственный университет

СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО И ИГРОВОГО НАЧАЛ В ДИСКУРСЕ ЛИНГВИСТА

В статье анализируются особенности соединения рационально-логического и игрового начал в современном научном дискурсе. В качестве объекта изучения избрано творчество выдающегося русского языковеда Михаила Викторовича Панова.

Ключевые слова: научный дискурс, М. В. Панов, игровое начало, метафорическое моделирование.

Дискурс современного лингвиста немислим без обращения к метафоре и символическому моделированию языковых фактов, что наряду со строгими рационально-логическими построениями определяет глубину, эвристичность и научную ценность нового знания (подробнее см. [1]). **Весьма показательно в этом отношении творчество выдающегося русского языковеда, представителя Московской лингвистической школы Михаила Викторовича Панова (1920–2001).**

В работах М. В. Панова рационально-логическое и игровое начала находятся в тесном взаимодействии, переплетении. Обладая развитым воображением и поэтическим даром, ученый излагает свою точку зрения на языковые факты наглядно, образно и емко. Блестящий пример подобного соединения научной пронизательности ученого, его строгих рационально-логических построений и фантазийно-игрового начала – статья «Об аналитических прилагательных» [4. С. 137–151].

Текст статьи предваряется эпиграфом: «Из мелкой сволочи вербую рать. А. Пушкин». Выбор столь нетривиальной цитаты из наследия классика в сочетании с использованием

дения, выявляется сложное переплетение в нем эстетических принципов и художественных приемов фольклора и литературы.

Список литературы

1. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) [Текст] / И. А. Голованов. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 251 с.
2. Исупов, К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века [Текст] / К. Г. Исупов. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. – 592 с.
3. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для вузов [Текст] / С. Г. Лазутин. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.
4. Платонов, А. Дураки на периферии: Пьесы. Сценарии [Текст] / А. Платонов; сост., подготовка текста, комментарии Н.В. Корниенко. – М.: Время, 2011. – 720 с.
5. Платонов, А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения [Текст] / А. Платонов; вступ. ст. А. Битова. – М.: Время, 2009. – 656 с.
6. Платонов, А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика [Текст] / А. Платонов; / сост., комментарии Н.В. Корниенко. Подготовка текста Н.В. Корниенко и Е.В. Антоновой. – М.: Время, 2011. – 720 с.

УДК 81

Елена Иосифовна Голованова
Челябинский государственный университет

СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО И ИГРОВОГО НАЧАЛ В ДИСКУРСЕ ЛИНГВИСТА

В статье анализируются особенности соединения рационально-логического и игрового начал в современном научном дискурсе. В качестве объекта изучения избрано творчество выдающегося русского языковеда Михаила Викторовича Панова.

Ключевые слова: научный дискурс, М. В. Панов, игровое начало, метафорическое моделирование.

Дискурс современного лингвиста немислим без обращения к метафоре и символическому моделированию языковых фактов, что наряду со строгими рационально-логическими построениями определяет глубину, эвристичность и научную ценность нового знания (подробнее см. [1]). **Весьма показательно в этом отношении творчество выдающегося русского языковеда, представителя Московской лингвистической школы Михаила Викторовича Панова (1920–2001).**

В работах М. В. Панова рационально-логическое и игровое начала находятся в тесном взаимодействии, переплетении. Обладая развитым воображением и поэтическим даром, ученый излагает свою точку зрения на языковые факты наглядно, образно и емко. Блестящий пример подобного соединения научной пронизательности ученого, его строгих рационально-логических построений и фантазийно-игрового начала – статья «Об аналитических прилагательных» [4. С. 137–151].

Текст статьи предваряется эпиграфом: «Из мелкой сволочи вербую рать. А. Пушкин». Выбор столь нетривиальной цитаты из наследия классика в сочетании с использованием

в ней личной конструкции и травестийным совмещением «низкого» (*сволочь*) и «высокого» (*рать*) подспудно настраивает читателя на нестандартный характер последующего изложения.

Показательно начало статьи (псевдонарратив): «Когда в языке формируется новый грамматический класс, в него стекаются самые разные по происхождению единицы, иногда – с темным, причудливым прошлым. Однако в новой грамматической общности, в новой семье их не попрекают происхождением: неважно, откуда они. Важно – где». Антропоморфные образы в терминологическом окружении и обыденные сентенции служат здесь необычной формой для трансляции вполне научных фактов. После такой прелюдии – уже в следующем абзаце – автор переходит к нейтральному стилю изложения: «За последние полвека в русском литературном языке сложилась особая часть речи: аналитические прилагательные». Впрочем, полной объективности автор избегает: «Лингвисты не торопятся признать *de jure* этот новый лингвистический класс. Мешает в первую очередь диахроническая пелена на глазах: помнят, откуда пришли эти слова, и не видят их новых и прочных связей». Образ «*пелены*» не только придает высказыванию экспрессивность, но и ясно выражает авторскую оценку событий.

С этого момента диалог автора с читателем приобретает подчеркнуто игровой характер: «Что же, проверим происхождение этой грамматической «сволочи» (сволакивается она в группу аналит-прилагательных), выясним, существенно ли сегодня это прошлое. Или они уже прошли грамматическую “перековку”?» Здесь обращает на себя внимание метафора «*перековки*» как емкий, выразительный, точный прием указания на изменение статуса, качественной определенности того или иного объекта. К этому тексту дается сноска следующего содержания: «Далее намечены группы аналит-прилагательных по их происхождению. Современность классифицируется с диахронической точки зрения. Конечно, такая классификация не может претендовать на полную последовательность и стройность...» До этого момента текст сноски оформлен в соответствии с канонами собственно научного стиля, но далее эта каноничность разрушается: «...сквозь *диахронические очки* современность видится мутно и расплывчато» (курсив наш. – *Е. Г.*). Вновь Панов бросает камень в огород диахронистов и негативно оценивает их способность признавать новые факты. И это, как оказалось, не в последний раз: «Извращенное сознание ультра-диахрониста может видеть в таких прилагательных приставки. Как были, так-де и остались. Эта квази-осторожность не идет на пользу дела. Действительно, по происхождению это приставки-интернационализмы. Но сейчас-то они уже псевдо-префиксы, обрели все признаки слова, а став словами, они неизбежно попадают в класс аналитических прилагательных. Какие признаки? Свободная, нефразеологическая сочетаемость с существительными (приставки-то фразеологичны! это в их природе). Сочетаемость с частицами. Фонетическая примета слова: особое персональное ударение». Если не принимать во внимание ярко выраженную диалогичность авторских построений, перед нами абсолютно логически выверенное обоснование существования аналитических прилагательных, восходящих к приставкам.

Рациональная логика и последовательность убедительно представлены и в следующем фрагменте: «Но так как единицы *лже-*, *лесо-*, *хлебо-* обладают свободной, не фразеологической сочетаемостью, то *хлебоуборку*, *лесозаготовки* и следует признать лжесловами: в современном языке это уже словосочетания, словосоположения, слово-, так сказать, -кортежи, последовательности». На фоне нейтрального стиля весьма неожиданно употребление окказионализмов (*словосоположения*, *словокортежи*) и – в дальнейшем тексте – образных комментариев: «Полумертвая группа» (о словах, начинающихся с *зауряд-*: *зауряд-поручик*, *зауряд-офицер* и под.). И в этом же контексте: «Были устойчивые сочетания: *баба-жох*, *парень-хват* <...>. Произошло – хотя бы и в речи – освобождение этих закрепленных привесков от фразеологических цепей» («*освобождение от цепей*» – явная аллюзия к текстам революционной эпохи).

Интересен комментарий ученого к 17-й группе прилагательных (*тоже-лингвисты, тоже-политики*): «Редкий (единичный?) случай, когда частица (вообще: служебное слово) становится аналитическим прилагательным. Пожалуй, это уже факт языка. Не вроде-прилагательное, а настоящее. Конечно, аналитическое». Автору не откажешь в логике, с одной стороны, и в словотворчестве, словесной игре (*вроде-прилагательное*) – с другой.

«Морфемы (приставки, части сложных слов) ведут себя как части фразеологизма: значение их варьируется в разных словах так, что предсказать тот семантический **кунштюк, который выкинет слово** в данном контексте – в данном слове, в сочетании с такими-то морфемными *соседями*, – как правило, невозможно. Лишь только часть слова становится семантически стабильна в сочетании с любой единицей данного типа, она перестает быть частью слова. Она **дорастает** до отдельного слова. Так и появляются многие аналит-прилагательные (выделено нами. – *Е. Г.*)». На фоне общеязыковых метафор (*ведут себя* – о морфемах) в данном фрагменте появляется малопонятное «кунштюк», которое «выкинет слово», «соседи» – все это разрушает автоматизм восприятия научного текста и придает ему особый, условно-игровой характер.

Неожиданными оказываются и ответы автора на «виртуальные» реплики оппонентов: «Для многих аналитические прилагательные – это «фи!»-слова, неполноценные однодневки. Но день-то оказался долог – и, видимо, будет длиться и длиться».

Замечателен конец статьи, где излагается, по сути, кредо Панова: «Даже и сейчас эти преграды мешают лингвисту аналитические прилагательные признать аналитическими прилагательными. Как же трудно было в первый раз установить их особый грамматический статус! Отделить их от похожего, но качественно иного! Здесь нужна раскованность и широта теоретической мысли, нужны пронизательность и умение, отойдя от «кажимости», понять суть сложного и движущегося новшества в языке, нужна смелость в преодолении ложных лингвистических традиций и еще большая смелость в создании новых. Строгое испытание для лингвиста – эти аналитические прилагательные.

А ведь, казалось бы, простая вещь».

В приведенном фрагменте автор, начав с парадоксального высказывания, переходит к эмоционально-напряженному монологу, с высокой патетикой, ритмизованным синтаксисом, повторами, и далее неожиданно «переключает» стилевой код, ослабляя напряжение, «снижая» пафос контекста до почти обыденного комментария. Как видим, перед нами не просто научная статья, перед нами научно-художественный текст, где гармонично переплелись черты науки и искусства.

Судя по всему, «раскованность и широта теоретической мысли» как раз и свойственны тем лингвистам, которые обладают не только развитым рационально-логическим мышлением, но и неординарным интуитивно-творческим, фантазийным началом. В большей или меньшей степени последнее проявляется во всех научных работах М. В. Панова.

Факты и закономерности языка предстают под пером лингвиста в человеческом обличье: они испытывают чувства, эмоции, вступают в разнообразные отношения между собой. Ср.: «Дальнейшее исследование ее [диэремы] *причуд и капризов* не может не быть важно и плодотворно для общей фонологической теории» [4. С. 319]; «почти у каждого звонкого *есть приятель* – глухой согласный» [2. С. 54]; «...перед мягким зубным другой зубной непременно смягчается. Другими словами, первый звук находится в зависимости от обстановки, окружения, *на него бросает тень сосед*» [Там же, с. 56]; «один звук *приноравливается* к другому», «Фонема [γ] (*г* фрикативное), когда-то *чувствовавшая себя вполне уверенно, сходит на нет*» [3. С. 28]; «Гласный, попав в неблагоприятную для него позицию, *не всегда умеет за себя постоять*» [Там же, с. 29]; «Такова первая особенность литературной нормы: эта норма-“однолюб”» [4. С. 91]; «У литературной речи есть удивительная, нежданная черта: способность *усыновлять* нелитературные отрезки текста» [4. С. 99].

Метафорическое моделирование применяется М. В. Пановым как для репрезентации уже отрефлексированного опыта, так и для концептуализации нового научного знания. При оформлении нового знания фантазийно-игровое начало способствует активизации мыслительной деятельности читателя, служит ярким средством убеждения, инструментом точной характеристики и интерпретации.

В целом, эвристическое переживание языка, эмоции, стихия эксперимента и игры – характерные черты дискурса М. В. Панова, отражающие особенности его личности. Однако эти особенности постепенно становятся общими в лингвистическом (и шире – филологическом) дискурсе начала XXI века.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Анализ взаимодействия когнитивных и языковых структур при изучении профессиональной языковой личности [Текст] / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 472-482.
2. Панов, М. В. И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии [Текст] / М. В. Панов. – М.: Наука, 1964.
3. Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. [Текст] / М. В. Панов. – М. : Наука, 1990.
4. Панов, М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку [Текст]: в 2 т. / М. В. Панов; под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – Т. 1. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

УДК 36 (81)

Ирина Владимировна Гостева
Челябинский государственный университет

КОНЦЕПТЫ ДУХОВНОСТИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В основе концептов русской духовности лежат христианские понятия, которые осмыслены в трудах философов русского «духовного ренессанса» и содержатся в классической отечественной литературе (например, в произведениях А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского). Духовные традиции русской цивилизации воплощаются в концептах лингвокультурного поля «Духовность» русской языковой картины мира.

Ключевые слова: духовность, концепт, языковая картина мира, лингвокультурное поле, традиции.

Концепты русской духовности сформировались под влиянием тысячелетней православной традиции, являющейся духовным основанием русской ментальности, «краеугольным камнем нашей цивилизации, Русской идеи» [9. С. 127]. В последнее время увеличивается роль религии в мировоззрении россиян, переосмысливаются нравственные понятия.

Экклесиологическая (собственно религиозная) и нравственная православная лексика возвращается в конце XX века в русский язык, выступая индикатором восстановления в

Метафорическое моделирование применяется М. В. Пановым как для репрезентации уже отрефлексированного опыта, так и для концептуализации нового научного знания. При оформлении нового знания фантазийно-игровое начало способствует активизации мыслительной деятельности читателя, служит ярким средством убеждения, инструментом точной характеристики и интерпретации.

В целом, эвристическое переживание языка, эмоции, стихия эксперимента и игры – характерные черты дискурса М. В. Панова, отражающие особенности его личности. Однако эти особенности постепенно становятся общими в лингвистическом (и шире – филологическом) дискурсе начала XXI века.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Анализ взаимодействия когнитивных и языковых структур при изучении профессиональной языковой личности [Текст] / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 472-482.
2. Панов, М. В. И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии [Текст] / М. В. Панов. – М.: Наука, 1964.
3. Панов, М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. [Текст] / М. В. Панов. – М. : Наука, 1990.
4. Панов, М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку [Текст]: в 2 т. / М. В. Панов; под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – Т. 1. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

УДК 36 (81)

Ирина Владимировна Гостева
Челябинский государственный университет

КОНЦЕПТЫ ДУХОВНОСТИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В основе концептов русской духовности лежат христианские понятия, которые осмыслены в трудах философов русского «духовного ренессанса» и содержатся в классической отечественной литературе (например, в произведениях А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского). Духовные традиции русской цивилизации воплощаются в концептах лингвокультурного поля «Духовность» русской языковой картины мира.

Ключевые слова: духовность, концепт, языковая картина мира, лингвокультурное поле, традиции.

Концепты русской духовности сформировались под влиянием тысячелетней православной традиции, являющейся духовным основанием русской ментальности, «краеугольным камнем нашей цивилизации, Русской идеи» [9. С. 127]. В последнее время увеличивается роль религии в мировоззрении россиян, переосмысливаются нравственные понятия.

Экклесиологическая (собственно религиозная) и нравственная православная лексика возвращается в конце XX века в русский язык, выступая индикатором восстановления в

национальной картине мира ментальных единиц лингвокультурного поля «Духовность». Слова с духовно-нравственным содержанием являются частью высокой лексики русского языка, которая в трудах М. В. Ломоносова включена в «высокий штиль» и в дальнейшем изучалась и отражалась в отечественной русистике (О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, Н. М. Шанский, Н. М. Шведова и др.) Традиционные духовно-нравственные концепты усваиваются сознанием, передаются следующим поколениям, что способствует сохранению отечественной духовной культуры.

Духовно-нравственная лексика несет этическую нагрузку в русском языке, в ней в большей мере воплощается ценностный мир отечественной духовной культуры. В своем рассуждении «О пользе книг церковных в Российском языке» М. В. Ломоносов ведет речь о внесении в русский язык отвлеченных духовно-нравственных понятий и богословско-философских терминов. Богатый от природы, книжный язык еще более обогатился, в процессе переводов, «греческим изобилием» и в этом отношении стал восприимчивым и передатчиком мировой христианской культуры (Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, В. И. Топоров, О. Н. Трубачев).

Формирование христианских основ лингвокультурного поля «Духовность» происходило в русской языковой картине мира в дореволюционное время. Христианская вера на протяжении многих столетий играла, безусловно, важную роль в жизни русского общества, в становлении и развитии духовной культуры России. В основе концептов духовности лежат богословские понятия, в них отражена христианская аксиология. Эти понятия филигранно осмыслены в трудах богословов-философов русского «духовного ренессанса» и имеют, на наш взгляд, особенно важное значение в концептуализации поля «Духовность». Они обогатили содержание соответствующих культурных концептов. Данные понятия достаточно четко выделяются в сочинениях богословов-философов XIX столетия: Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Н. И. Лосского, В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, А. С. Хомякова и др.

Классическая отечественная литература, в которой, образно выражаясь, воплощен «дух народа», несомненно, содержит базовые национальные концепты. Об этом свидетельствует творчество классиков русской литературы, в частности, А. С. Пушкина, великого поэта, преобразователя литературного языка, и Ф. М. Достоевского, в чьих произведениях отражены духовные искания и стремления русского человека.

Русский философ Н. А. Бердяев писал о христианских основах русской классической литературы: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры» [1].

Цитаты из произведений А. С. Пушкина взяты из «Словаря крылатых выражений А. С. Пушкина», авт. В. М. Мокиенко, Н. П. Сидоренко (1999) и «Большого словаря крылатых слов русского языка», авт. В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержкова (2005), что обуславливает их частотную воспроизводимость в русском языке. Кроме того, В. П. Берков указывает на особенности крылатых слов в языке: «готовые» формулировки человеческого опыта, жизненной мудрости, золотой фонд мировой культуры». Фонд этих выражений, по мнению ученого, носит национальный отпечаток, отражает национальный характер, культуру и историю народа [2. С. 4].

В концепте «Благодать» у Пушкина доминируют светские ценности: *Нет ни в чем вам благодати* (*Нет ни в чем вам благодати, 1820–1826*), содержание концепта сводится к квинтэссенции хорошего, прекрасного (цитируемую строку можно осмыслить как: «Вы

всем на свете недовольны, для вас нет ничего хорошего, доброго, прекрасного», – лаконичный язык поэта емко выразил это в *отсутствии благодати*).

Концепт «Блаженный» у Пушкина (равно как и у Грибоедова: «Блажен, кто верует...») соотносится с заповедями *блаженств* в Нагорной проповеди Иисуса Христа («Блаженны плачущие, яко тии утешатся... Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут...») и т. д.): *Блажен, кто крепко словом правит (Домик в Коломне, 1830); Блажен, кто смолodu был молод (Евгений Онегин, 8, X)*. Этот смысл традиционен для православной лингвокультуры (ср. «блажен – благополучен, счастлив, обилен благами и вещественными, и духовными» [10. С. 19] – в «Церковно-славянском словаре для толкового чтения...» протоиерея А. Свирелина). Но у поэта концепт секуляризован, используется для изображения светских реалий, сами фразы звучат каламбурно (грибоедовское выражение наполнено едкой иронией). Такая репрезентация концепта не соответствует православному миропониманию (чтение *заповедей блаженств* в ходе службы в храме – один из наиболее чтимых моментов Богослужения, вызывающих душевный трепет у верующих).

Концепт «Вера», например, репрезентируется в выражении *Полон верой и любовью, верен набожной мечте (Жил на свете рыцарь бедный, 1829)* в смысле «вера в Бога» (*набожной мечте*), при этом в стихотворении главный герой – христианин. Веру поэт не отождествляет с верностью (*верен мечте*); концепт вербализуется в традиционном православном аспекте, без светских наслоений.

Концепт «Дух» репрезентируется в крылатых выражениях *Дух отрицанья, дух сомненья (Ангел, 1827); Русский дух (Руслан и Людмила; Вступление, 1824-25)* во-первых, в религиозно-мифологическом аспекте (бесплотное мифологическое существо: *ангел, бес*), во-вторых, как выражение национальной русской идеи, менталитета, «принадлежности к русскому народу» [8. С. 526] (в этом аспекте *русский дух* Пушкина зафиксирован в современной речи авторами вышеназванного словаря). Каноничные православные компоненты концепта (Святой Дух; дух как составная часть человеческой личности) не фиксируются, уступая место русской мифологической и народно-языческой стихии.

Адъектив, производный от слова – вербализатора концепта «Духовность» – *духовный: Ему орудием духовным / Проклятье, меч, и крест, и кнут (На Фотия, 1822-24); Духовной жаждою томим (Пророк, 1826)*, – понимается именно в религиозном аспекте как нечто, связанное с духом – частью человеческой личности, устремленной в мир горний. Но этот концепт соотносится полярно с материальным, вещным бытием; возникает антиномия *духовное – материальное* («орудие духовное» – орудие как вещь: палка, жезл, меч и т. п.; «духовная жажда» – жажда телесная), т. е. появляется тенденция к секуляризации концепта.

Концепт «Душа» очень актуален для лирики Пушкина: *Роптанье вечное души (Евгений Онегин, 4, IX); Отчизне посвятим / Души прекрасные порывы (К Чаадаеву, 1818); Чую смущенной душой (На перевод Илиады, 1830); Душа в заветной лире (Я памятник себе воздвиг нерукотворный, 1836); Млад и жив душой незлобной (Цыганы, 1824)*. Этот концепт репрезентируется у поэта в традиционном православном аспекте – как бессмертная нетелесная часть человеческой личности, но соотносит Пушкин концепт «Душа» со светскими реалиями, хотя и окружает его вербализаторы «высокими», эмоционально насыщенные словами, церковнославянизмами, описывая возвышенные чувства: *Отчизна, посвятить, прекрасные порывы, заветная лира, млад, незлобная*.

Концепт «Закон» в крылатом выражении *И сам, покорный общему закону (Вновь я посетил, 1835)* на наш взгляд, репрезентируется как закон природы – общий, непреложный для всех, неизменный, т. е. секуляризованно, материалистически.

Двоякая репрезентация концепта «Истина» в поэзии Пушкина наглядна в этих примерах: каноничная христианская (как и концепта «Закон») – *Учуся в Истине блаженство находить, / Свободною душой Закон боготворить (Деревня, 1919)*, – где Истина – учение православной веры, основа духовности и нравственности; светская – *Истина страстей*,

правдоподобие чувствований (О народной драме и драме «Марфа-посадница», 1830), – где Истина – правда.

Особенно, на наш взгляд, актуален для поэта концепт «Любовь», всеобъемлющий и многоликий. Концепт репрезентирован в основном в трех ипостасях (или сферах): «человек – Божественное» в православном понимании (*Да ниспошет Господь любовь и мир его душе, страдающей и бурной* (Борис Годунов, 1825); «человек – общество» в патристическом ключе, о преемственности духовного наследия (*Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам* (Два чувства равно близки нам, 1830)); «человек – человек» в светском аспекте как сильное эмоциональное чувство мужчины и женщины, «наука страсти нежной» (*Любви все возрасты покорны* ((Евгений Онегин, 8, XXIX); *И жизнь, и слезы, и любовь* (Я помню чудное мгновенье); *Я Вас любил: любовь еще, быть может* (Я Вас любил: любовь еще, быть может.); *Любви, надежды, тихой славы* (К Чаадаеву, 1818).

Концепт «Честь» имеет у Пушкина различные грани содержания. Один смысл соответствует основному определению чести, данному в словаре В. И. Даля (человека из близкого окружения поэта): «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» [4. С. 1328], – *Пока сердца для чести живы* (К Чаадаеву, 1818). Само стихотворение, откуда взята крылатая строка, было написано Пушкиным во второй период его творчества (по периодизации Ю. М. Лотмана). В это время стихотворец сближается с декабристами, его политическая поэзия, по мнению Лотмана, становится выразительницей идей «Союза благоденствия». Необходимо заметить, что понятие чести было одним из ключевых в мировоззрении декабристов. Чувство собственного достоинства декабриста, отмечает Ю. М. Лотман, «базировалось на исключительно развитом чувстве чести и на вере каждого из участников в то, что он великий человек». Концепт «Честь» репрезентируется в этом случае в аспекте традиции социально-психологического типа дворянина-декабриста [7. С. 204–205].

Смысл «условное, светское, нередко ложное благородство» в крылатых строках Пушкина не отражен, хотя в творчестве поэта он, несомненно, присутствует (приведем примеры дуэлей в пушкинских произведениях – Онегин и Ленский, Гринев и Швабрин и т. д.). Еще один смысл «Честь» соответствует следующему толкованию словаря Даля: «внешнее доказательство отличия, почет, почесть, почтение, чествование, изъявление уважения, признание чьего-либо превосходства» [4. С. 1328]. *«Какая честь для нас, для всей Руси!»* (Борис Годунов, 1825), – в этом крылатом выражении концепт репрезентируется именно таким образом. Эти компоненты концепта не отражают религиозный аспект (благочестие) и другой светский аспект – честность. Концепт «Честь» в творчестве Пушкина актуален в традиционных светских смыслах его эпохи – XIX столетия.

Концепт «Совесть» раскрывается у Пушкина с определенной смысловой полифонией. Это, в основном, необходимое личностное качество (от него зависит вся индивидуальность человека): *Да, жалок тот, в ком совесть нечиста* (Борис Годунов, 1825); *Торгуя совестью пред бледной ницетою* (Подражание Корану, 1824, VII). Совесть отождествляется с «внутренним голосом», неусыпным стражем мыслей и поступков личности: *Докучной совести мученья* (Братья-разбойники, 1821–1822); *И совесть отогнали прочь* (Братья-разбойники, 1821–1822). Эти смыслы являются традиционными для русской ментальности, равно существуя и в религиозной, и в светской картинах мира.

Концепт «Страсть» имеет у поэта секуляризованное содержание (страсть как сильная, несдержанная, непомерная любовь): *И всюду страсти роковые* (Цыганы, 1824). Соотнесенность с атрибутивом *роковой* говорит о пагубности подобного чувства, неприемлемого для духовного мира православного человека.

Как видно из рассмотренного материала, для многих произведений А. С. Пушкина на светские темы актуальны христианские компоненты концептов. Можно предположить, что это явление – следствие социокультурных изменений пушкинского времени. По мне-

нию Ю. М. Лотмана, конец эпохи Наполеона и начало буржуазного периода воспринималось обществом как завершение глобального исторического цикла, вызывавшее в памяти картины раннего христианства и обусловившее мессианские настроения современников поэта (например, Сен-Симон, Чаадаев и др.) [7. С. 290–291]. Ю. М. Лотман пишет о синтезе в творчестве Пушкина идей Просвещения и христианства. Он считает, что в целом для поэта характерно восприятие Просвещения как явления, противостоящего «ненависти, порождаемой историческими конфликтами. А христианство – основа и сущность европейского просвещения» [7. С. 305]. В отношении языка произведений А. С. Пушкина находим мысль о синтезе языковых элементов (церковно-славянских, европейских, элементов живой русской речи) у В. В. Виноградова. Он пишет о том, что поэт видел слияние книжных славянских элементов с простонародными основным принципом творчества русской литературы. Церковнокнижную литературу Пушкин считал более близкой к «коренным» основам русского языка, демократичной, национальной [3. С. 258–259].

В целом можно сказать следующее о специфике содержания и функционирования подвергнутых рассмотрению духовно-нравственных концептов, репрезентируемых в крылатых выражениях из произведений А. С. Пушкина. Исходя из наших наблюдений, предполагаем, что поэт вводит православные лики концептов в светскую лингвокультуру, обозначает и описывает с помощью слов-вербализаторов концептов духовности секулярные реалии, дополняя светскую картину мира недостающими фрагментами из религиозной картины мира православного человека, коим и был сам Александр Сергеевич (по нашему мнению, в этом проявляется дуализм лингвокультурного пространства в творчестве поэта – православного и светского). Поэт соединяет страты в лексике: «высокую» и «среднюю» в рассмотренных примерах. Благодаря этим дополнениям совершенствуется художественное полотно его произведений (крылатые выражения в основном взяты из лирических и лиро-эпических источников), образы и вся поэтика Пушкина приобретают возвышенность (духовно-нравственные концепты, как было указано выше, вербализуются единицами «высокой» лексики), эмоциональность, одухотворенность, аксиологичность. С помощью слов – вербализаторов духовно-нравственных концептов утончается и углубляется, детализируется и психологизируется рисунок внутреннего мира лирического героя Пушкина и русского народа в целом, так как эти концепты раскрывают в произведениях поэта душу русского человека с его глубоко нравственной ментальностью.

Для эстетики и поэтики Ф. М. Достоевского в числе ключевых понятий, экзистенциальных категорий литературоведы выделяют такие духовно-нравственные концепты: **вера, духовность (духовный), любовь, нравственность, спасение** (души – в христианском понимании), **юродивый (юродское, юродство)** и др. Материал для анализа взят из словаря-справочника «Достоевский: Эстетика и поэтика» (Серия «Достоевский и русская культура» / Сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев).

В следующих примерах можно видеть, что слово *духовный* в творчестве Достоевского осмысливается учеными в аспекте православной культуры, канонично в соответствии с христианским вероучением: *Судьба человеческая, как испытание и искушение, выдержав которые, человек поднимается на предназначенную ему духовную высоту – вот православная трактовка трагического в жизни. И Достоевский всегда проводил героев своих произведений через подобное испытание (с. 104);* и с особенностями конфессионального мировоззрения: *По мнению исследователя В. М. Лурье, «помимо христианской нравственности самой по себе, Достоевский начинает видеть ее духовный источник, который во всей красоте являют собой святые» (с. 105).* «Спасение» в смысле спасения бессмертной души (что является основной целью жизни христианина) – необходимая часть концептосферы писателя, значительное пространство которой, несомненно, занято единицами, относимыми к зоне православной религии: *В романе «Братья Карамазовы» заложена сокровенная мысль писателя о невозможности спасения в отъединении от*

мира, о нравственной ответственности человека за происходящее в мире, где каждый за всех и перед всеми виноват (с. 105).

«Без богослужения нельзя (...) в самом широком смысле. (...) Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности». Т.о., Достоевский в своем творчестве культуру христианской нравственности противопоставлял атеистической псевдокультуре (с. 121), – проблема нравственности, как видно из приведенного высказывания, является одной из главных в творчестве писателя, концепт «Нравственность» имеет традиционное православное содержание, неразрывно связан с христианской религией. «Вера» в произведениях Достоевского (по свидетельству литературоведов) вмещает в себя несколько глобальных, онтологических смыслов: вера во всеобъемлющий порядок всего сущего, вера в Бога, вера в христианские нравственные категории; что дает верующему герою Достоевского уверенность в жизни, стойкость и целомудрие (в православном смысле): *К стадиям «патриархальности» относятся все простодушно верующие, живущие по христианским заповедям (...) Это люди цельные, не путающие зло с добром, но цельностью они обязаны не разуму или выстраданной интуиции, а не разрушенному в них инстинкту добра, безусловной вере в целесообразность мироустройства, в спасительный Божий промысел и всепобеждающую силу христианской любви (с. 235).* Концепт «Любовь» актуален в произведениях Достоевского именно в аспекте христианской нравственности, как любовь к Богу и по Божиим заповедям: *С образом юродивого героя у Достоевского связывается идея мгновенного нравственного преображения и нового мироустройства на началах любви и согласия (с. 131).*

Ключевым является для художественного пространства Достоевского концепт «Юродивый», несомненно, в традициях русской православной культуры. Категория юродское и явление юродства подробно изучаются исследователями творчества Достоевского: *Исторически эта категория (юродское. – И. Г.) восходит к категории юродивых, как бы восстанавливающих своим образом жизни и поведения первоначальный смысл распятия: «святость через позор» (Г. С. Померанц) (...) В результате юродское становится выражением святости героев в миру (с. 131). (...) До тех пор, пока большинство людей живет во тьме эгоизма и индивидуализма (в уединении от всех), считая это нормой, жизнь в миру по заповедям Христовым будет казаться юродством (с. 132). (...) Демонстрируя своим читателям, что юродское обусловлено не внутренней слабостью христиан, а наоборот, их силой, их способностью противостоять жестокости и козности земного бытия, писатель готовил современников к воцерковлению, попутно становясь одним из самых решительных реформаторов мировой эстетики (с. 132).* Юродство, являясь изначально проявлением христианской аскезы, проникло и в светский образ жизни, вообще в русский менталитет, концепт «Юродивый» реализуется и в православной, и в секулярной лингвокультурах: *Феномен юродства является изначально русским, не имеющим прямых аналогов в культурах иного типа. В своей истории русское юродство не исчерпано биографиями знаменитых юродивых, оно получает множество секулярных форм выражения, как на уровне бытового поведения, так и в литературных образах и в философской личности. Юродство стало глубоко национальной чертой отечественного поведения и образа жизни... (с. 132).* Можно предположить, что милосердие и жалость, составляющие русской ментальности, обуславливают такую значимость юродивых для народного сознания и русской истории: *«Все форменные установки лучшего человека – пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой. Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный)» – Ф. М. Достоевский (с. 133).*

Для эстетики и поэтики Ф. М. Достоевского, судя по материалам анализируемого словаря, характерно наличие в концептосфере писателя значительной части духовно-нравственных концептов в аспекте православной аксиологии. Смыслы эти каноничны и традиционны, секулярные «наслоения» неактуальны, встречаются редко. Христиан-

ские идеи нашли отражение в творчестве Достоевского, рассматриваемые концепты отечественных писателей-классиков соотносятся с такими единицами в ментальном строе русских философов-богословов XIX века и составляют неотъемлемую часть православной картины мира, репрезентируемой в русском языке. На формирование отечественной духовной культуры и языка как ее неотъемлемой части, без сомнения, доминирующее влияние оказала христианская аксиология. Духовно-нравственные традиции русской цивилизации воплощаются в концептах лингвокультурного поля «Духовность».

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – URL : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/_Har-RusRel.php.
2. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4000 единиц [Текст] / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : АСТ : Астрель: Русские словари, 2005. – 623 с.
3. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.: Учеб. для филол. фак. ун-тов [Текст] / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 1982. – 529 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И.Даль / под ред. проф. И.А.Бодуэна де Куртенэ. – М. : Цитадель, 1998. – Т. 4. – 832 с.
5. Достоевский : Эстетика и поэтика : Словарь-справочник [Текст] / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев / науч. ред. Г. К. Щенников / ЧелГУ. – Челябинск : Металл, 1997. – 272 с.
6. Ломоносов, М. В. Избранные произведения в 2 т. [Текст] / М. В. Ломоносов. – М. : Наука, 1986. – Т.2. – 496 с.
7. Лотман, Ю. М. Пушкин [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1999. – 847 с.
8. Мокиенко, В. М., Сидоренко, Н. П. Словарь крылатых выражений Пушкина [Текст] / В. М. Мокиенко, Н. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
9. Троицкий, Е. С. Русский народ в поисках правды и организованности (1988 – 1996) [Текст] / Е. С. Троицкий. – М., 1996. – 462 с.
10. Церковно-славянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха и других богослужебных книг протоиерея А. Свирелина. [Текст] – изд. 7. – Воронеж : Град Китеж, 1991. – 200 с.

УДК 82

Наталья Львовна Зыховская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ОЛЬФАКТОРНОЙ ТЕМЫ ОТ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДО 1830-Х ГОДОВ

Статья посвящена произведениям отечественной словесности, в которых мы можем обнаружить включения с описанием запаха женщины (в том числе запаха как метафоры женской красоты). Автор показывает путь этого ольфакторного сюжета от зарождения отечественной словесности до периода ее становления.

Ключевые слова: ольфакторий, запах женщины, русская литература.

ские идеи нашли отражение в творчестве Достоевского, рассматриваемые концепты отечественных писателей-классиков соотносятся с такими единицами в ментальном строе русских философов-богословов XIX века и составляют неотъемлемую часть православной картины мира, репрезентируемой в русском языке. На формирование отечественной духовной культуры и языка как ее неотъемлемой части, без сомнения, доминирующее влияние оказала христианская аксиология. Духовно-нравственные традиции русской цивилизации воплощаются в концептах лингвокультурного поля «Духовность».

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – URL : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/_Har-RusRel.php.
2. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4000 единиц [Текст] / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : АСТ : Астрель: Русские словари, 2005. – 623 с.
3. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.: Учеб. для филол. фак. ун-тов [Текст] / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 1982. – 529 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И.Даль / под ред. проф. И.А.Бодуэна де Куртенэ. – М. : Цитадель, 1998. – Т. 4. – 832 с.
5. Достоевский : Эстетика и поэтика : Словарь-справочник [Текст] / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев / науч. ред. Г. К. Щенников / ЧелГУ. – Челябинск : Металл, 1997. – 272 с.
6. Ломоносов, М. В. Избранные произведения в 2 т. [Текст] / М. В. Ломоносов. – М. : Наука, 1986. – Т.2. – 496 с.
7. Лотман, Ю. М. Пушкин [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1999. – 847 с.
8. Мокиенко, В. М., Сидоренко, Н. П. Словарь крылатых выражений Пушкина [Текст] / В. М. Мокиенко, Н. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
9. Троицкий, Е. С. Русский народ в поисках правды и организованности (1988 – 1996) [Текст] / Е. С. Троицкий. – М., 1996. – 462 с.
10. Церковно-славянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха и других богослужебных книг протоиерея А. Свирелина. [Текст] – изд. 7. – Воронеж : Град Китеж, 1991. – 200 с.

УДК 82

Наталья Львовна Зыховская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ОЛЬФАКТОРНОЙ ТЕМЫ ОТ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДО 1830-Х ГОДОВ

Статья посвящена произведениям отечественной словесности, в которых мы можем обнаружить включения с описанием запаха женщины (в том числе запаха как метафоры женской красоты). Автор показывает путь этого ольфакторного сюжета от зарождения отечественной словесности до периода ее становления.

Ключевые слова: ольфакторий, запах женщины, русская литература.

Ольфакторная поэтика изучает вербализацию обонятельных ощущений, функции фрагментов, описывающих запахи, в художественных текстах. Среди наиболее известных исследователей русской литературы в ольфакторном аспекте мы могли бы назвать Ханса Риндисбахера¹. Вслед за его работами появились и другие исследования, самым значительным из которых следует признать двухтомник «Ароматы и запахи в культуре»² (это сборник отдельных статей по теме) и монографию Н. А. Рогачевой³. Кроме того, можно назвать множество работ, исследующих ольфакторий с лингвистической, культурологической, психологической, физиологической и художественной стороны. Эти частные наблюдения нуждаются в фундаментальном осмыслении, которое кажется нам возможным только в случае по возможности полного анализа ольфактория отечественной словесности с момента первых «обонятельных» фрагментов до времени расцвета литературы⁴.

В данной статье мы будем двигаться от первых ольфакторных фрагментов в древнерусской литературе до 1830-х годов. При этом прозу 1830-х годов мы рассматриваем как романтический и постромантический периоды литературы эстетического креативизма: «Отныне, как это было сформулировано Кантом, “искусство” перестает отождествляться с “наукой” или “ремеслом” и начинает рассматриваться в качестве творчества. Произведение искусства более не сводится к объективной данности текста, оно мыслится субъективной “новой реальностью” фикции, фантазма, творческого воображения»⁵. Именно в этот период мы можем говорить о сознательной работе автора с отдельными элементами поэтики на фоне и в русле предшествующей традиции, в том числе, это касается и ольфактория.

В литературном наследии этого большого периода мы будем выделять фрагменты, где упоминается «запах женщины». Здесь наша цель не только и не столько обнаружить разные варианты описаний, сколько выявить тенденцию, сложившуюся исторически.

Уже в XII веке в «Слове блаженного Зоровавеля» мы находим резкое высказывание о «духах» – благовониях, которыми женщины умащают себя отнюдь не с целью сподобиться божественного просветления: «Если не верите моим словам, то скажите мне, для кого вы трудитесь, не для женщин ли? Ведь им вы покупаете всякие вещи, и изделия золотые и серебряные, и благовония. И вино, и масло кому покупаете, не женщинам ли? Иные грабят, иные крадут и убивают, – не женщинам ли приносят?» («Слово блаженного Зоровавеля»)⁶.

В контексте этого произведения задается недовольство стремлением женщин придать себе большую привлекательность за счет профанирования сакрального. Здесь было бы уместно напомнить о самом первом ольфакторном включении в отечественной словесности («Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона», датируется между 1037 и 1050 годами: «Как уверовал? Как воспламенился ты любовью ко Христу? Как вселилось и в тебя разумение превыше земной мудрости, чтобы возлюбить невидимого и устремиться к небесному? Как взыскал Христа, как предался ему? Поведай нам, рабам твоим, поведай же, учитель наш! Откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа? Откуда <возымел> испить от сладостной чаши памятования о будущей жизни? Откуда <восприял> вкусить и видеть, “как благ Господь”?»⁷. Это первый отечественный ольфакторный образ, и его суть – метафора веры, той самой благодати, о которой повествует автор. В оригинале ключевая ольфакторная фраза звучит так: «Откуда ти припахну воня Святааго Духа?»⁸ Так задается важнейшая для дальнейшего становления древнерусского ольфактория идея – Дух Святой получает «человеческое» измерение в виде дуновения, благоуханного веяния, которое имеет неявный, невидимый источник, а человек, вдыхающий этот запах, оказывается «сподоблен» этому счастью. Он пассивен в этом событии. Позитивная сторона ольфактория напрямую связана с благодатью, божественным началом. С другой стороны, сам выбор метафорического решения (вера

как снизошедшее на человека невесть откуда благоухание) для нас принципиально значим: запах рассматривается как лучшее объяснение неясности и всеохватности Святого Духа, его присутствия, разлитости в воздухе, которым дышит человек, приобщающийся к этому благу. Обратим внимание и на соседство густаторной метафоры («сладостная чаша») в этом эмоциональном пассаже. Автор не ограничился метафорой вкушения как приобщения к Святому Духу (евхаристические мотивы), ему показалось значимым обратиться и к ольфакторной метафоре.

Тогда становится вполне объяснимо негодование Зоровавеля, недовольного стремлением женщин искусственно «подменить» этот высший источник счастья (веру) сниженным, плотским началом. Если мы проследим развитие этого мотива далее, то обнаружим поддержку этой линии в творчестве Радищева. Отметим, что его текстам вообще не свойствен позитивный ольфакторий, он обращается исключительно к негативным описаниям запаха, а в словесном оформлении лидирует здесь слово «смад». Некоторая архаичность самого этого слова адекватна учительному пафосу прозаических текстов Радищева и соответствует принципу слов-сигналов (о котором говорил Ю. В. Манн применительно к лирике декабристов⁹, но который вполне применим и для просветительских текстов Радищева). Именно ольфакторное определение «смадная болезнь» означает у Радищева венерическое заболевание, которое рассматривает он как связь между физическим и нравственным состоянием человека. Публичные женщины также получают эпитет «смадные», смадным названо и тело, принявшее эту болезнь («Я бы удалился от смадных наемниц любострастия...»¹⁰

Однако неуклонно усиливается тенденция к приятию светского понимания «запаха женщины». В «Российском Жилблазе» В. Т. Нарезного, например, предлагается описание картин, которые рассматривает герой: «На стенах висели прекрасные картины в великолепных рамах. На одной изображен был Адам в объятиях Евы, когда они были еще в счастливом состоянии невинности. На другой – восхищенный мудрец, взирающий пламенными глазами на прелести юной красавицы, моющей в ручье. На третьей – Соломон в кругу множества девиц красоты неописанной. Одна окуривала его одежды, другая опрыскивала благоуханием востока, третья переплетала волосы золотом и жемчугом»¹¹. Здесь для нас чрезвычайно интересно «нарушение правдоподобия»: нам дан ольфакторный фрагмент, «воспринятый» посредством рассматривания живописного полотна. Если можно представить живописное изображение окуривания одежд, то опрыскивание «благоуханием востока» – прямое допущение, вольная ольфакторная интерпретация героя. Но в то же время само описание красавиц задает возможность переноса «благоухания» (= «благого духа») на них самих.

В том же произведении обнаруживаем другой фрагмент, где духи играют зловещую роль: «– Сколько я ни старалась уговорить матушку, чтобы она не посылала меня к молодому князю просить помощи по смерти моего отца, – тщетно! Она сама меня набелила, нарумянила, опрыскала духами и, словом, нарядила так, что я, вместо осиротевшей дочери, походила на предстоящую к брачному олтарю невесту»¹².

Здесь благовония (духи), использованные для придания большей красоты и привлекательности девушке, предвещают несчастье. Тем не менее в последующие периоды мы обнаруживаем упрочение соотношения темы женской красоты с благоуханием.

В литературе 1820–1830-х годов метафорический ольфакторий тесно связан со всевозможными «красотами слога», которые мы наблюдаем в литературе этого периода. Здесь можно констатировать одновременный расцвет метафорики и ее предельность, граничащую с «литературным китчем». Отголоски рокайльного стиля (галантных комплиментов, в частности) проявляются, например, в группе метафор, связанных с красотой женщины. Как уже отмечалась, тема благоухания женщины как подтверждение ее неотразимой красоты и желанности прошла в литературе определенную эво-

люцию (от резкой критики в древнерусских текстах к восхищенным метафорам в литературе 20-х годов). В 30-е годы эта тема развивается и, на наш взгляд, эстетически исчерпывается.

Так, в «Страшном гаданье» А. Бестужева-Марлинского читаем: «Не умею описать, что со мною случилось, когда, обвиняя тонкий стан ее рукою, трепетною от наслаждения, я пожимал другой ее прелестную ручку; казалось, кожа перчаток приняла жизнь, передавая биение каждой фибры... казалось, весь состав Полины прыщет искрами! Когда помчались мы в бешеном вальсе, ее летающие, душистые локоны касались иногда губ моих; я вдыхал ароматный пламень ее дыхания; мои блуждающие взгляды проникали сквозь дымку, – я видел, как бурно вздымались и опадали белоснежные полушары, волнуемые моими вздохами, видел, как пылали щеки...»¹³. Здесь сплетается осязание, визуальность, обоняние, передавая напряжение чувств. Аромат и огонь соединены в этом фрагменте, представляя собой аллюзию к пушкинскому «в крови горит огонь желанья». Так вербализуется атмосфера влюбленности. Однако приемы эти нередки и встречаются в разных рассказах этого автора: «И зачем я так часто бывал, так долго беседовал с Лилиею? Зачем вниманием крепил на себя чары ее слов, упивался огнем ее глаз – огнем, затепленным прямо на солнце? И сколько раз с орлиною дерзостью хотел я взглянуть в них, – хотел и не мог! А между тем у ней очень кроткие взоры: они не пронзают, а только ласкают сердце, и, как ароматная слеза, капают в глубь его. Индейцы верят, будто жемчуг рождается от капель дождя, запавших в морские раковины; и почему ж нет? Я сам, как ревнивое море, берегу и лелею в тайнике души драгоценные для меня взоры Лилии» («Он был убит»)¹⁴; «О, дайте мне черных, бездонных глаз, которые поглощают сердце в звездистой влаге своей, дайте уст, которых ароматное дыхание упоет пламенем, дайте вздохов, освежающих лучше ветерка в зной лета, дайте слез восторга, сладких, как роса медвочная, и отрадных, как спасение друга, дайте поцелуев, которые расплавляют кровь в нектар, улечивают тело в душу, уносят душу в небо!» (там же).

Некоторая «усталость» стиля, основанного на поисках изощренных метафор, описывающих женскую красоту, проявляется в произведениях разных авторов в стремлении снизить подобные высказывания, в приближении их к пародии, иронизации. Например, в «Клятве при гробе Господнем» Н. Полевого находим такой фрагмент: «Марья Ярославовна была внучка Владимира Андреевича, дочь сына его Ярослава и сестра добродушного князя Боровского, Василия Ярославовича. Как лебедь белая, с бровями соболиными, с павлиньей походкою, она цвела, будто маковый цвет: и точно маковый – яркий, но без запаха»¹⁵. Здесь «запах макового цвета» как раз означает «изюминку» женской красоты. Именно ольфакторное указание помогает понять, чего не хватает героине. Грустная ирония в данном случае помогает оценить и метафоры Бестужева-Марлинского – именно обоняние ароматов женской красоты (вполне метафорических) и создает чувство очарования и восторга. Приведем еще один пример сниженной метафоры женской красоты (повесть Бестужева-Марлинского «Лейтенант Белозор»): «Для нее не нужно переводчица, чтобы понять, о чем говорится, и, водя вас за нос и приклеивая вам нос, она дарит приятнейшими часами; а девушки умеют только прелестно краснеть, притом же они так пахнут бутербродом (toasts)!»¹⁶

Таким образом, наблюдается движение литературной традиции от неприятия и критики «запаха женщины» как соблазна до полного принятия и эксплуатации этой темы вплоть до ее исчерпания и замены иронично-сниженными ольфакторными включениями.

Примечания

¹ The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1992.

² Ароматы и запахи в культуре : в 2 т. М. : Нов. лит. обозрение, 2003. Переизд.: 2010.

- ³ Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX–XX вв. : проблемы поэтики. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2010. 403 с.
- ⁴ См. подробнее: Зыховская Н. Л. Ольфакторная поэтика : запахи в художественных текстах. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 5–11.
- ⁵ Тюпа В. И. Парадигмы художественности // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. С. 156.
- ⁶ Библиотека литературы Древней Руси. / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. 3. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4918>.
- ⁷ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. I. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868>.
- ⁸ Там же.
- ⁹ История всемирной литературы. Т. 6
- ¹⁰ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1980. URL: http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0010.shtml.
- ¹¹ Нарезный В. Т. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. Петрозаводск : Карелия, 1983. Цит. по: http://az.lib.ru/n/nareznyj_w/text_0010.shtml.
- ¹² Там же.
- ¹³ Бестужев-Марлинский А. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1981. Т. 1. Повести; Рассказы / сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В. И. Кулешова. URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhewmarlins_a_a/text_0110.shtml.
- ¹⁴ Там же. Т. 2. URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhewmarlins_a_a/text_0220.shtml.
- ¹⁵ Полевой Н. А. Избранная историческая проза / сост., вступ. ст. и комм. А. С. Курилова. М. : Правда, 1990. http://az.lib.ru/p/polewoj_n_a/text_0190.shtml.
- ¹⁶ Бестужев-Марлинский А. Сочинения : в 2 т. Т. 1. С. 358.

УДК 82-995 (089.5)

Антон Александрович Первухин
Челябинский государственный университет

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «МЕДИАМИСТИФИКАЦИЯ»

Статья посвящена особенностям понятия «медиамистификация». Автор показывает возможность совершенствования возникшего понятия, уточнения его смысла применительно к журналистской практике.

Ключевые слова: мистификация, медиамистификация, этический кодекс журналиста.

Существует ряд подходов к определению понятия «мистификация», в частности, отраженных в словарях и энциклопедиях, где суть понятия сводится к «обману». Но с точки зрения объяснения самого феномена мистифицирования эти понятия недостаточны. Так, М. А. Хольнева в своем исследовании мистификаций у Дж. Фаулза указывает на пунктирность теоретических изысканий вокруг этого термина как в России, так и за рубежом: «Трудность при рассмотрении понятия мистификации объясняется тем, что в современной российской науке это явление не изучалось и в настоящее время отсутствует

- ³ Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX–XX вв. : проблемы поэтики. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2010. 403 с.
- ⁴ См. подробнее: Зыховская Н. Л. Ольфакторная поэтика : запахи в художественных текстах. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 5–11.
- ⁵ Тюпа В. И. Парадигмы художественности // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. С. 156.
- ⁶ Библиотека литературы Древней Руси. / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. 3. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4918>.
- ⁷ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. I. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868>.
- ⁸ Там же.
- ⁹ История всемирной литературы. Т. 6
- ¹⁰ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1980. URL: http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0010.shtml.
- ¹¹ Нарезный В. Т. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. Петрозаводск : Карелия, 1983. Цит. по: http://az.lib.ru/n/nareznyj_w/text_0010.shtml.
- ¹² Там же.
- ¹³ Бестужев-Марлинский А. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1981. Т. 1. Повести; Рассказы / сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент. В. И. Кулешова. URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhewmarlins_a_a/text_0110.shtml.
- ¹⁴ Там же. Т. 2. URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhewmarlins_a_a/text_0220.shtml.
- ¹⁵ Полевой Н. А. Избранная историческая проза / сост., вступ. ст. и комм. А. С. Курилова. М. : Правда, 1990. http://az.lib.ru/p/polewoj_n_a/text_0190.shtml.
- ¹⁶ Бестужев-Марлинский А. Сочинения : в 2 т. Т. 1. С. 358.

УДК 82-995 (089.5)

Антон Александрович Первухин
Челябинский государственный университет

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «МЕДИАМИСТИФИКАЦИЯ»

Статья посвящена особенностям понятия «медиамистификация». Автор показывает возможность совершенствования возникшего понятия, уточнения его смысла применительно к журналистской практике.

Ключевые слова: мистификация, медиамистификация, этический кодекс журналиста.

Существует ряд подходов к определению понятия «мистификация», в частности, отраженных в словарях и энциклопедиях, где суть понятия сводится к «обману». Но с точки зрения объяснения самого феномена мистифицирования эти понятия недостаточны. Так, М. А. Хольнева в своем исследовании мистификаций у Дж. Фаулза указывает на пунктирность теоретических изысканий вокруг этого термина как в России, так и за рубежом: «Трудность при рассмотрении понятия мистификации объясняется тем, что в современной российской науке это явление не изучалось и в настоящее время отсутствует

анализ феномена мистификации в системе художественного текста, хотя стоит отметить внимание отечественных исследователей к таким понятиям как фикция и симуляция. В зарубежном литературоведении феномен мистификации исследовался фрагментарно, в традиционном ключе, без внимания к универсальной культурологической наполненности и глубине этого явления»¹.

Как бы то ни было, закрепившееся в языке представление о мистификации как об обмане оказывается чрезвычайно актуальным при образовании производных понятий. Таково и понятие «медиамистификация». Используя такой термин, мы оказываемся в ситуации двойственности смысла: с одной стороны, приставка *медиа-* может означать отношение второй части к СМИ (например, медиaprостранство означает пространство, охваченное, пронизанное средствами массовой информации). В то же время, например, термин *медиаобразование* оказывается одновременно направлен на описание процесса образования в сфере медиа (журналистского образования), но также и образования, направленного не на профессиональное сообщество, а на *пользователей* СМИ с целью обучения их грамотной навигации в мире средств массовой информации; наконец термин может быть рассмотрен как любое образование *с помощью* СМИ (например, изучение иностранного языка с помощью радиoproграмм).

При такой языковой открытости понятия к разным толкованиям «медиазация» терминологии, наблюдающаяся сейчас в научных исследованиях, связанных со сферой СМИ², требует серьезного и взвешенного подхода. Однако цель настоящей статьи – доказать возможность включения понятия «медиамистификация» в научный оборот. Здесь можно сослаться на работы отечественных исследователей. Так, Е. Н. Шустрова пишет: «Под мистификацией ... понимается намеренное введение в заблуждение, искажение действительного состояния дел ради своих корыстных интересов, шутки или иных целей. На разных этапах осуществления стратегии мистификации используется ряд тактик манипулятивного характера, или гибких тактик. Как показал анализ материала, прослеживается достаточно тесная связь между избираемыми мистификатором языковыми средствами и поэтапными гибкими тактиками. Используемые тактики можно объединить в три группы по способу подачи информации говорящим. Это тактики, предполагающие (1) сокрытие информации, (2) искажение информации и (3) подмену информации»³. Здесь просматривается сам путь соотнесения мистификации с медиа: это перевод мистификации в сферу коммуникации, где особое значение имеет такой фактор, как успешность коммуникации (достижение цели). Поэтому особое значение имеет рассуждение исследовательницы о стратегиях и тактиках этого достижения. Для Д. И. Шаронова мистификация оказывается вполне устойчивым явлением, не нуждающимся в особом определении при переносе в мир средств массовой информации: «Использование элементов мистификации в журналистской практике объясняется эффектами стратегического фрейминга»⁴. Это развитие той же мысли, что высказана была Е. Н. Шустровой. Мистификация в медиа рассматривается как журналистский *прием*.

Тем не менее (по аналогии с термином *медиаобразование*) мы должны учитывать возможность такого толкования термина, как *расположение* мистификации в медиа. Тогда любая мистификация, например, в социальных сетях, вполне может рассматриваться именно как медиамистификация и быть предметом особого исследования (в частности, «игра» пользователей со своими профилями, использование заведомо ложной «личной» информации, создание профиля-«клона» и т. п.).

Стремясь дать четкую дефиницию, мы должны учитывать такую двойственность предлагаемого к определению понятия. На наш взгляд, для освобождения термина от двойственности следует уточнить именно роль приставки «медиа» – это значит, что под медиамистификацией понимается мистификация, созданная специально с целью распространения с помощью СМИ. Ее *медиахарактер* как раз и определяет суть явления,

феномена медиамистификации. Поэтому предлагается следующее определение: «Медиамистификация – это созданная и зафиксированная в информационном поле фиктивная история (событие или явление), которая подкреплена рядом правдоподобных доказательств, выступающая ярким информационным поводом для средств массовой информации». Предлагаемое определение нуждается в комментариях.

Во-первых, определение фиксирует создание мистификации именно в информационном поле. Ее адресатом выступает одновременно потребитель СМИ (читатель, слушатель, зритель, пользователь) и собственно сами СМИ (выступающие здесь не только средством, но и частью явления мистификации). Мистификация в данном случае не имеет своей целью «обман» аудитории, но является «фабрикой информационного повода». Установка на правдоподобность, присущая любой мистификации может рассматриваться как критерий качества мистификации – лучшей будет считаться мистификация, обладающая наивысшей степенью правдоподобности.

Именно в связи с существенными свойствами мистификации вообще уже на уровне определения выявляется этический конфликт понятий «медиа» (канал доставки информации) и «мистификация» (заведомо ложная информация, которая при качественной работе медиа должна быть «отфильтрована»⁵, отсеяна). В таком случае следовало бы уточнить, что вымысел (основа любой мистификации) в медиамистификации ограничен этическими принципами и нормами и соотнесен напрямую с понятиями качества СМИ. Конфликт, о котором идет речь, не может быть преодолен однолинейным «объяснением». Следует уточнить в понятии, что «фабрика информационного повода» в виде медиамистификации «производит» только ту информацию, которая *соотносится* с этическими принципами и общими функциями СМИ (особенно желательным пакетом этих функций).

В то же время возникает опасность «растворения» в таком определении анти-этического принципа «ложь во благо» (журналист создает определенную заведомо ложную информацию с целью привлечения внимания, повышения рейтинга и т. п.). С другой стороны, если мистификация по своей сути – обман, то где грань между мистификацией и обыкновенной «уткой»? На наш взгляд, еще одна существенная черта медиамистификации – ее проектный характер. Медиамистификация – это всегда длительный процесс, наполненный определенными событиями, то есть «пища» для ряда информационных сообщений, «продолженный» информационный повод. Интересно, что длительность мистификации фиксирует, например, словарь В. И. Даля: «Мистификация – шуточный обман или содержание человека в забавной и длительной ошибке»⁶. Мы видим, что Даль подчеркивает два момента: шуточный (безобидный) характер самого этого действия (в определении автора словаря это подчеркивается прилагательным «забавный» во второй части) и длительность, процессуальность действия.

Таким образом, мы видим, что медиамистификация не должна вступать в этический конфликт с обязательными требованиями, предъявляемыми журналисту, и одновременно должна выполнять важные журналистские задачи – способствовать созданию длительного, многосоставного информационного повода, «питающего» СМИ и их потребителей.

Приведем другие примеры сомнительности соблюдения этических принципов в журналистской деятельности. Помимо провокационных вопросов во время интервью, это может быть и так называемый метод включенного наблюдения («журналист меняет профессию»). Фактически в этом случае журналист надевает маску и ведет себя соответственно той роли, которую он на себя взял. Рассказ о том, что он увидел, услышал во время исполнения роли, и становится отчетом по этому «мероприятию». Однако лица, попавшие в рассказ журналиста, в данном случае были жертвами обмана – они не знали, что под видом «одного из них» действует журналист, готовый предать гласности все действия людей. Литературный пример такой ситуации – внедрение журналиста Авдия

Каллистратова в банду сборщиков анаши в романе Ч. Айтматова «Плаха». Однако там для Авдия важнее было спасти самих участников банды, привести их к раскаянию, а не воздействовать на читателя. В журналистике примеров «журналист меняет профессию» мы найдем множество. Во всех случаях от медиамистификации такие материалы отличается принцип «раскрытых карт»: журналист сразу извещает аудиторию, что он играл роль того или иного рода. Медиамистификация предполагает, что правду аудитория узнает много времени спустя (или так и останется в неведении относительно характера мистифицирования).

Таким образом, уточненное понятие можно представить следующим образом: «Медиамистификация – это созданная и зафиксированная в информационном поле фиктивная история (событие или явление), подкрепленная рядом правдоподобных доказательств, выступающая ярким информационным поводом для средств массовой информации на протяжении длительного периода и направленная на достижение социально-значимого результата».

В предлагаемом уточнении определения мы останавливаем внимание на ряде параметров:

– принадлежность мистификации информационному полю (создается в нем и ради его же агентов);

– качественный характер мистификации (отличающий ее от обычных в бульварной прессе приемов обмана);

– длительный характер медиамистификации, ее процессуальность (а следовательно, определенный сюжет, разворачивающийся «из номера в номер», от одного выпуска новостей до другого и т. п.);

– направленность медиамистификации на решение социально-значимых задач.

Несовершенство предлагаемого определения может быть связано с неопределенностью эпитетов «правдоподобный», «яркий», «длительный», что заставляет нас признать рабочий характер определения и продолжить работу над совершенствованием предлагаемого понятия.

Примечания

¹ Хольнева, М. А. Особенности художественной мистификации в романе Джона Фаулза «Волхв»: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. С. 8. Свое мнение М. А. Хольнева обосновывает ссылками на ряд научных работ.

² Приведем ряд терминов, активно используемых последнее время: медиалогия, медиаконтент, медиополе, медиасознание, медиавлияние, медиазависимость и др.

³ Шустрова, Е. Н. Тактики искажения и подмены информации как способ осуществления стратегии мистификации // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 179.

⁴ Шаронов Д. И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология, Журналистика. 2008. № 2. С. 234.

⁵ О фильтрах в информационных потоках смотри: Загидуллина М. В. Локальная информационная картина мира: типология фильтров // Провинциальный мегаполис в современном информационном обществе: материалы Международной науч. конф. (Челябинск, 24–26 марта 2010 г.) / под общ. ред. докт. филол. наук М. В. Загидуллиной; Челябинск: Челябинск: Энциклопедия, 2010. С. 19–28.

⁶ Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: т. 2. И–О. – М.: Рус. яз., 1979. С. 330.

УДК 070

Александра Валерьевна Слепова
Челябинский государственный университет

ДЕТСКАЯ СЕТЕВАЯ ПРЕССА В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ЧТЕНИЯ

Автор размышляет о кризисе современного детского чтения, о Национальной программе поддержки и развития чтения, и о роли детской сетевой прессы в активизации читательской активности у детей и подростков.

Ключевые слова: сетевая пресса, промосайт, блог, флеш-анимация.

Что представляет собой детская сетевая пресса и способствует ли она активизации детского чтения? Может ли сетевая пресса играть ощутимую роль в реализации Национальной программы поддержки и развития чтения? На эти и другие вопросы попытаемся ответить в рамках данной статьи.

В 60–80-х гг. XX века был создан и широко распространен миф о России как о «самой читающей стране мира». Он и по настоящий день обсуждается различными средствами массовой информации, подается как данность в серьезных исследованиях¹. У мифа была прочная реальная основа. Высокий престиж чтения в обществе, и особенно чтения «серьезной» литературы, классики, произведений в «толстых журналах», создание домашних библиотек в условиях книжного дефицита, самиздат и чтение запрещенных книг как проявление гражданской позиции – все это способствовало чтению и реально подкрепляло наши представления о России как читающей стране. В перестроечные и постперестроечные годы вопрос о читательских предпочтениях населения отошел на задний план, но в начале XXI века, в эпоху относительной экономической и политической стабильности, неожиданно оказался одним из самых актуальных. В качестве подтверждения важности заявленной проблемы приведем следующий пример. В 2000 году Россия впервые приняла участие в международном исследовании качества обучения в рамках Programme for International Student Assessment (PISA). В рамках этого исследования участникам предлагались 85 письменных тестов, касающихся математики, естественных наук, грамотности, чтения, а также умения решать практические задачи. Среди учащихся из 32-х индустриально развитых стран Россия заняла 27 место². В подобном исследовании 2003 г. принимала участие уже 41 страна, и российские подростки заняли 32 место³. Безусловно, это низкий результат для «сверхдержавы». Анализируя результаты, специалисты пришли к выводу, что российские школьники хуже всего выполняли задания практической направленности, а также плохо отвечали на вопросы по тексту. Необходимо уточнить, что с проблемой детского и подросткового чтения столкнулись многие страны. Неслучайно 2003–2013 годы объявлены ООН десятилетием грамотности. Успешно действуют Национальные программы по преодолению «вторичной неграмотности» во Франции, США, Нидерландах, Германии. В России в 2007 году начала действовать «Национальная программа поддержки и развития чтения», разработанная Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям совместно с Российским книжным союзом. Программа имеет поэтапный характер, где первый этап (2007–2010 гг.) был посвящен детальному исследованию современной ситуации и выявлению направлений работы. Проведенное исследование показало, что проблема чтения реально существует: а) доля систематически читающей молодежи снизилась с 48 % в 1991 до 28 % в 2007 году; б) утрачиваются традиции семейного чтения: в 1970-е годы регулярно

читали детям в 80 % семей, сегодня – только в 7 %⁴. Но вопрос не только в том, сколько читает подрастающее поколение, но и в том, что оно читает. Меняются практически все характеристики детского чтения: статус чтения, его длительность (время чтения на досуге), характер, способ работы с печатным текстом, репертуар чтения детей и подростков, мотивы и стимулы чтения, предпочитаемые произведения и способы получения информации. Современный юный читатель предпочитает книгам различные журналы, количество которых заметно возросло за последнее десятилетие и пополняется фактически ежедневно. Активное приобщение к периодике начинается уже в младшем школьном возрасте, но особенно усиливается у подростков. Поэтому в «Национальной программе» особая роль уделена периодическим изданиям, задача которых привлекать детей к чтению. Согласно Программе, будет проведен ряд мероприятий, цель которых сделать периодические издания доступными большинству современных детей и подростков. Исследования также показали, что многие подростки, особенно в крупных городах, предпочитают печатным изданиям всевозможные электронные ресурсы, и в этом плане сетевая пресса могла бы стать хорошей альтернативой компьютерным играм и чатам и попытаться вернуть детей к чтению качественного текстового материала. Но готова ли сама детская сетевая пресса к выполнению подобной задачи? Для ответа на эти вопросы изучим содержание детских интернет-журналов. Чтобы сузить рамки исследования, мы рассмотрим лишь журналы, адресованные детям младшего и среднего школьного возраста, для которых особенно важно разнообразие форм подачи информации. Как справедливо замечает исследователь С. А. Петрова, «в зависимости от целей и задач... детской прессы в сетевом пространстве можно выделить несколько моделей её функционирования: 1) промосайты издательств; 2) сетевая пресса для детей и подростков, организованная взрослыми; 3) собственно «детская пресса»; 4) блоги»⁵. Хотя современные исследования сетевой детской прессы говорят об отсутствии блога, посвященного детским интернет-журналам⁶, нам удалось найти блог «Школьного всезнайки», который также может быть примером собственно «детской прессы», так как его создатель – школьник из Великого Новгорода Сергей Абрамов⁷. Мечтая о собственном интернет-проекте, он сначала задумал журнал, но создание блога оказалось дешевле и проще. Сейчас на блоге четыре раздела: «Лента предметов», где собрана интересная информация из разных областей знания, «Школа выживания» о проблемах подростков, «Развлечения» с головоломками и конкурсами, и уникальный проект «Вебинары», представляющий собой ON-LINE лекции с вопросами и обсуждением.

Еще одним примером блога является «Трамвай Народ», созданный любителями детского журнала «Трамвай», который издавался в 90-х годах, но до сих пор его читатели собирают старые номера, обмениваются впечатлениями⁸. Здесь содержится информация о новостях из жизни детских журналов, рассказывается об интересных авторах, сообщается о ближайших планах. Блог составлен из текстовых сообщений с иллюстрациями. Исключение составляет включенный рекламный ролик, где редактор «Трамвая» Тим Собакин рассказывает о том, что журналы будут переизданы, и предлагает их приобрести.

Подавляющее большинство журналов для детей имеет свои промосайты. При этом большая часть журналов использует интернет-пространство исключительно для рекламы печатной продукции. Например, сайт «Детская школьная академия» рассказывает о трех журналах для детей, которые выпускает один редактор Л. Г. Крохалев: «Детская школьная академия», «Первоклашка», «Отличник». Статья сайта подробно рассказывает о журналах, перечисляя рубрики, определяя стратегию журналов, доказывая их полезность и занимательность. Этот текст, безусловно, адресован родителям и своим объемом и стилем повествования: «Журнал «Детская школьная академия» предназначен для детей и подростков 8–16 лет. Принципы, по которым формируется его содержание – полез-

ность, увлекательность, доброта»⁹. Также многие сайты (например, журналов «Веселые картинки», «Веселый колобок», «Мишутка», «Коллекция идей» и другие) не предоставляют возможности ознакомиться с содержанием не только последнего, но и предыдущих номеров. Можно лишь полюбоваться обложками в разделе «галерея». На сайте журнала «Веселые картинки»¹⁰ юных читателей встретит хорошо всем знакомый Карандаш, который двигается, машет рукой, радостно улыбается, приглашает познакомиться с содержанием сайта. Также на сайте есть истории остальных веселых человечков, игры и конкурсы. Все это делает сайт более привлекательным для детей.

Журналом, который на своем сайте позволяет познакомиться с содержанием печатных номеров, является «Апельсинка», редакция которого расположена в Челябинской области, в селе Долгодеревенское Сосновского района. На сайте детей встречает сам герой Апельсинка, который предлагает почитать истории о своем появлении, об увлечениях и сказочных друзьях. Эти тексты написаны именно для детей с использованием обращений, местоимения «ты», междометий. Тексты написаны короткими предложениями, много риторических вопросов и восклицаний. Сайт производит очень приятное впечатление и сделан интереснее самого журнала¹¹.

Сайт журнала «Костер» не имеет главной страницы. Здесь можно ознакомиться с содержанием предпоследнего номера журнала, текст снабжен крупными иллюстрациями. Также у сайта есть рубрики «Детские анекдоты», «Школьные сочинения», «Творчество детей», «Копилка заблуждений» и множество других, составленные на материале «старых» номеров¹². Аналогично построен сайт журнала «Почитай-ка», где материалы разведены по рубрикам, как и в печатном варианте. Изюминкой является сериал «Приключения Чилдрика», который отправился в древний мир. Здесь видеоряд заменен красочными иллюстрациями¹³. Любопытно, что раскрученные журналы типа «Винкс» и «Шрек и его друзья» имеют весьма бедные с технической точки зрения сайты, содержание которых – отрывки из мультфильмов, анонс ближайшего номера, реклама продукции с изображением героев.

Наиболее интересными из промосайтов и с точки зрения содержания, и с точки зрения технического решения являются сайты журналов «Клепа» и «Мурзилка». Например, на сайте журнала «Клепа» можно поиграть, поучаствовать в конкурсах, послушать песни, посмотреть мультфильмы. Редакторы журнала поощряют наиболее активных «клепаманов», размещая информацию о них на сайте. Здесь также можно посмотреть видеoinформацию об акциях журнала, например, об игровом уроке, посвященном российской государственной символике. Фильм смонтирован и дополнен закадровым голосом и музыкальным сопровождением. Изюминкой сайта является использование флеш анимации: предыдущие номера превращены в электронные журналы, которые можно перелистывать как справа налево, так и в обратном порядке¹⁴. На сайте журнала «Мурзилка» нет видеоряда, но зато сам сайт сделан в форме игры, например, чтобы попасть на главную страничку, нужно войти в дупло. Мурзилка не разговаривает с посетителями сайта, но он двигается: бежит, машет рукой, указывает на очередную рубрику. Содержание сайта очень разнообразно, не ограничивается электронной версией печатного издания, предлагает игры, конкурсы, мультфильмы, приглашает в чат и многое другое¹⁵.

Качество собственно интернет журналов для детей также не является всегда высоким. Например, содержание электронного журнала «Обо всем» буквально соответствует своему названию¹⁶. Здесь юные читатели могут найти и скачать номера ранее издававшегося журнала «Горизонты техники для детей». Но на этом же сайте выложены фотографии полуобнаженных девушек и присутствует реклама шампуня от выпадения волос. Сомнительно, что подобный журнал может способствовать активизации детского чтения.

Интернет-журнал «Кораблик» предлагает материалы для подготовки детей к школе¹⁷. Задания не отличаются ни особой оригинальностью содержания, ни яркостью подачи. Единственный плюс сайта заключается в том, что задания можно скачать совершенно

бесплатно, не покупая книгу с аналогичным содержанием, цена которой может колебаться в пределах 50–300 рублей.

Литературный журнал «Электронные пампасы» предлагает читателям разнообразную художественную литературу: веселую и грустную, короткую и не очень¹⁸. Можно читать в зависимости от выбранной рубрики («Истории», «В рифму», «Лягушатник», «Редкий зверь и многие другие), от фамилии автора, от времени размещения на сайте. Есть информация о литературных гостиных и мастер-классах, можно поделиться впечатлениями от прочитанного. Сайт размещен на бесплатной площадке «Narod.ru», что ограничивает технические возможности создателей журнала. Но если умный взрослый покажет ребенку младшего и среднего школьного возраста этот сайт и «погуляет» с ним по рубрикам, то содержание журнала юному читателю должно понравиться.

Портал «БрайлЛенд» представляет международное творческое объединение детских авторов¹⁹. На портале расположено три электронных детских литературных журнала: для самых маленьких «Кваня и компания», для детей постарше «Брайлинка» и «Книговар». Использованная флеш-анимация превращает знакомство с последним номером в увлекательное путешествие по страницам журналов. На портале присутствует рекламный ролик, построенный из детских рисунков, которые демонстрируют тематическое разнообразие материалов, составляющих содержание журналов.

Интересным порталом является развлекательно-познавательный клуб для детей и взрослых «Уроки тетюшки Совы»²⁰. Здесь можно посмотреть занимательные короткие мультфильмы на самые разные темы с веселыми героями: тетюшкой Совой и домовенком Непослухой. На портале также есть игры для детей, конкурсы и фото галерея. Родителям предлагается обсудить проблемные вопросы, получить консультации специалистов. Но непосредственно текстового материала на портале мало, что является скорее особенностью подачи материала, рассчитанного на дошкольников.

В поле данного исследования попало 38 промосайтов и десять сетевых журналов. Конечно, это далеко не полный список. Но достоинства и недостатки современной сетевой детской прессы очевидны. Большинство детских изданий воспринимают интернет как способ рекламы своего печатного издания, адресуют информацию родителям, не заботятся о формах подачи и разнообразием содержания. Большинство интернет-журналов видит в качестве своего потенциального читателя школьника младших классов. Это тоже удивительно, так как согласно статистике интернет-пространство лучше освоено подростками. В интернет-пространстве преобладают сайты детских журналов, расположенные на бесплатных площадках, что снижает технические возможности подачи информации. Конечно, улучшение качества детской сетевой прессы не решит проблему детского чтения в стране, но оно может увеличить количество юных читателей, которые в будущем превратятся в читающих взрослых!

Примечания

¹ Еремин А. Объективные источники экономического процесса при социализме. URL: <http://www.pravdar.com/eremin.html>.

² Официальный сайт Центра оценки качества образования. URL: http://www.centeroko.ru/pisa/pisa_res.htm.

³ Образование в России по результатам PISA. URL: <http://www.abitura.com/man/pisa.htm>.

⁴ URL: <http://library.stu.ru/files/prch.pdf>.

⁵ Петрова С. А. Франция: сегмент детской прессы в интернете. URL: <http://www.media-scope.ru/taxonomy/term/123>.

⁶ URL: www.blogdir.ru.

⁷ URL: <http://www.e-parta.ru/polls.html>.

⁸ URL: <http://tramwaj-narod.livejournal.com/>.

⁹ URL: <http://mozg-deepblue.narod.ru/gost.html>.

¹⁰ URL: http://www.merrypictures.ru/last_filya/.

¹¹ URL: www.apelsinka74.narod.ru.

¹² URL: <http://www.kostyor.ru/>.

¹³ URL: <http://www.cofe.ru/read-ka/>.

¹⁴ URL: <http://www.klepa.ru/index.php>.

¹⁵ URL: <http://www.murzilka.org/>.

¹⁶ URL: <http://prezzentations.ru/load/4>.

¹⁷ URL: http://vscolu.ru/korablik_archive/korablik_archiv.html.

¹⁸ URL: <http://www.epampa.narod.ru/>.

¹⁹ URL: http://www.braylland.com/index.php?option=com_content&view=article&id=14658&Itemid=312.

²⁰ URL: <http://usovi.ru/portals/index.php?page=home&pid=3>.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 372.893

Изабелла Станиславовна Огоновская
Уральский федеральный университет

**ЭКСПЕРИМЕНТЫ XX ВЕКА И ИХ ЦЕНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XX–XXI ВЕКОВ)**

В статье рассматриваются социальные революции XX века, ознаменовавшие собой переход от капиталистического к социалистическому обществу и, наоборот, – от социалистического к капиталистическому. Источниковой базой исследования являются школьные учебники истории, изданные в 1960–2010-е годы. Анализируются итоги социалистических преобразований 1917–1980-х годов, а также реформы 1990-х годов, проводимые в период президентства Б. Н. Ельцина. Рассматривается цена социалистических и капиталистических преобразований.

Ключевые слова: XX век, история России, социальный эксперимент, учебник истории, цена преобразований.

Первоисточник слова «эксперимент» – латинское «experimentum» (проба, опыт, испытание, риск, опасность) [24. С. 442]. В. И. Даль определяет «опыт» как «опытку, испытание, пробу, искус, попытку, изведку» [10. С. 688]. В словаре иностранных слов понятие «эксперимент» в первом случае рассматривается как «научно поставленный опыт, наблюдение исследуемого явления в точно учитываемых условиях, позволяющих следить за ходом явления и многократно воспроизводить его при повторении этих условий»; во втором – как вообще «опыт, попытка осуществить что-либо» [39. С. 774]. В словаре С. И. Ожегова уточнено: эксперимент – «то же, что и опыт (попытка сделать, предпринять что-нибудь новое, ранее не испытанное)» [35. С. 895].

Рассмотрев различные определения понятий «эксперимент», «опыт», мы можем выделить в них ключевые слова: попытка, испытание, риск, опасность, условия, наблюдение, новое, ранее не испытанное.

Источниковой базой данной статьи стали школьные учебники отечественной истории XX века (истории СССР, истории России). В советский период авторами таковых последовательно были коллективы под руководством А. В. Шестакова, А. М. Панкратовой, М. П. Кима, Ю. А. Кораблева, Ю. С. Кукушкина, В. П. Островского [2; 3; 4; 18; 28].

Учебников 1990–2000-х годов значительно больше. По данным Е. Е. Вяземского, в 1992 году в России выпускалось примерно 140 учебников истории, а к 2000 году их количество достигло 1200 наименований [8. С. 16]. Разнообразие представленных в них точек зрения на процессы, происходившие в нашей стране в течение XX века, позволяет более взвешенно и аргументированно оценить два крупнейших эксперимента (социалистический и капиталистический), в ходе которых дважды менялся не только политический строй, но и экономическая система, а также жизнь и ценностный мир людей.

Первый социальный эксперимент XX века начался в октябре 1917 года, события которого получили в школьных учебниках советского времени (являющихся слепком официальной исторической науки) однозначно возвышенно-панегирическую оценку: Великая октябрьская революция [33. С. 263], Великая Октябрьская социалистическая революция

[2. С. 101; 4. С. 5; 9. С. 113]. В качестве главной цели этой революции (в отличие от буржуазных революций в Европе) провозглашались замена частной собственности на средства производства общественной собственностью, ликвидация всякой эксплуатации человека человеком, обеспечение материальных и духовных благ «не для каких-то привилегированных групп и классов, а для всего трудового народа» [2. С. 117–118].

Авторский коллектив под руководством академика А. М. Панкратовой отмечал, что рабочий класс «в противоположность буржуазии, не скрывает классовый характер его государства» и апеллировал к Программе КПСС 1961 года: «Диктатура пролетариата – это диктатура подавляющего большинства над меньшинством; она направлена против эксплуататоров, против угнетения народов и наций, на уничтожение всякой эксплуатации человека человеком. Диктатура пролетариата выражает не только интересы рабочего класса, но и всего трудового народа; главное ее содержание – не насилие, а созидание, строительство нового социалистического общества, защита его завоеваний от врагов социализма» [2. С. 118].

Вместе с тем первые шаги советской власти были связаны именно с насилием, ведь необходимо было сломать старую государственную машину. В разряд врагов советской власти попали саботажники – представители буржуазной интеллигенции, чиновники, служащие, организованные «контрреволюционными партиями» кадетов, меньшевиков, эсеров. Для борьбы с ними была создана ВЧК [2. С. 121]. По определению В. И. Ленина, «ВЧК стала нашим разящим оружием против бесчисленных заговоров и покушений на Советскую власть» [4. С. 181]. В разряд «заклятых врагов революции» попали правые эсеры [4. С. 183], потом «кулаки и их подпевалы» [4. С. 203], по Конституции 1918 года – эксплуататорские и враждебные элементы, лица, прибегавшие к наемному труду с целью извлечения прибыли и жившие на нетрудовые доходы, монахи, служители церкви и религиозных культов, бывшие служащие царской полиции [4. С. 204]. С началом Гражданской войны врагами советской власти стали силы внутренней контрреволюции (капиталисты, помещики, кулаки, большинство генералов и офицеров бывшей царской армии, верхи казачества, кадеты, меньшевики, эсеры). Для беспощадной расправы с «заклятыми врагами Советской власти» ВЦИК принял решение о введении красного террора против врагов революции: расстрелу подлежали все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам [4. С. 215]. В 1920-е годы в число врагов советской власти вошли троцкисты, ведущие внутри партии «активную борьбу против ленинской генеральной линии» [2. С. 205].

В борьбе с внутренним врагом и интервентами, как написано в одном из советских учебников, возник «новый тип патриотизма – социалистический патриотизм, который удесятерил силы рабочих и крестьян и сделал их непобедимыми» [4. С. 212]. Авторы книги «Наш Союз (СССР)», адресованной учащимся 4 класса, объясняли символику царского и советского гербов следующим образом: «Наша страна в течение веков стояла под знаменем, на котором значился двуглавый орел... – это царское самодержавие. Одна голова этого орла клевала и терзала русский народ, а другая была направлена на окраины – на поляков, литовцев, эстонцев, финнов – и угрожала другим народам за пределами России... Мы обе головы отсекли. Мы живем под новым знаменем, на котором значатся серп и молот – символы труда, а труд ведет людей к братству» [33. С. 204].

Характеризуя приоритеты экономической политики большевиков, советские историки – авторы школьных учебников – акцентировали внимание на необходимости замены капиталистической собственности на орудия труда и средства производства социалистической собственностью; строительства в огромных размерах новых государственных социалистических предприятий; перевода крестьян – мелких собственников – на рельсы коллективного социалистического производства; вытеснения капиталистических элементов из всех сфер производства и распределения, полного уничтожения эксплуатации человека человеком и причин, порождающих эту эксплуатацию [4. С. 191].

Подчеркивая всемирно-историческое значение Октябрьской революции, авторы учебников отмечали, что социалистическая революция в России положила начало эре торжества социализма над коммунизмом, свергла господство буржуазии и помещиков, установила прочную власть рабочих, диктатуру пролетариата, создала советский строй – новый тип государства, новый тип демократии – демократии для трудящихся, «создала необходимые предпосылки для превращения нашей Родины в могучую и процветающую страну», расколола мир на две части – капиталистическую и социалистическую [4. С. 207, 208].

Ленинский план построения социализма, предусматривавший индустриализацию страны, кооперирование крестьянства и культурную революцию, по мнению авторов школьных учебников, был выполнен в середине 1930-х годов. Как определил в январе 1933 года Пленум ЦК ВКП (б), «капиталистические элементы города и деревни разбиты, фундамент социалистической экономики построен, победа социализма в СССР обеспечена» [4. С. 331]. Конституция СССР 1936 года законодательно закрепила победу социализма. О цене этой победы в советских учебниках ничего не говорилось.

Во все советские учебники прочно вошли идеологические штампы, которые должны были воспитывать чувство гордости за свою страну, коммунистическую партию, советский народ. Основные характеристики советского периода определялись следующими категориями: организующая роль партии под руководством вождя и безупречность ее стратегии, превосходство советского строя над другими системами (режимами), враждебность внешнего окружения и «злые козни врагов», мешающих социалистическому строительству. В 1970-е годы источником силы советского государства объявлялась «новая историческая общность людей – советский народ, общность трудящихся людей разных наций и народностей СССР», а главным делом сознательного творчества советского народа объявлялось дальнейшее развитие и упрочение социалистического общества в СССР, его постепенное превращение в коммунизм» [4. С. 6].

Вплоть до начала 1990-х годов авторы учебники дискутировали с так называемыми буржуазными фальсификаторами, которые прилагали «немало усилий к тому, чтобы вызвать у советских людей недоверие к курсу партии, исказить его социальную сущность», пускали в ход старую версию «об «утопизме» экономических планов, «нереальности стратегии ускорения в условиях социализма, об «отсутствии» качественных сдвигов в развитии СССР, рекламировали «рецепты» капиталистического хозяйствования», выдвигали тезис о том, «что социалистический строй якобы является тормозом для повышения жизненного уровня народа» [18. С. 269]. Видные советские историки самоотверженно утверждали, что «жизнь показывает несостоятельность попыток буржуазных идеологов бросить тень на достижения и возможности реального социализма» [18. С. 269].

Авторский коллектив под руководством М. П. Кима оптимистично заявлял, что в 1917–1937 годы «наша страна решила историческую задачу “кто – кого” в пользу социализма, совершила переход от капитализма к социализму» [3. С. 3].

В годы перестройки, в условиях гласности, начался пересмотр существовавших ранее оценок политики коммунистической партии и советского государства. В отношении событий октября 1917 года сохранились прежние оценки (Великий Октябрь [18. С. 223], Великая октябрьская социалистическая революция [29. С. 99, 190; 28. С. 199]), однако появились и другие. К примеру, в учебных изданиях эпохи перестройки появилось мнение о том, что осенью 1917 года большевики совершили «военный переворот», опираясь на революционную часть армии и флота. Часть историков начала отстаивать популярную за рубежом оценку этих событий как заговора, захвата власти кучкой большевистских лидеров, которые навязали стране трагический путь развития. Наиболее радикальные западники представляли захват власти большевиками как анархический бунт, разрушительную революцию люмпенов, которая отбросила страну далеко назад [25. С. 148]. Однако подобные суждения были отвергнуты большинством профессиональных историков.

В 1990-е годы формулировки учебников в отношении событий октября 1917 года стали скромнее: Октябрьская революция [30. С. 43], просто революция. Историки В. П. Дмитренко, В. Д. Есаков, В. А. Шестаков ввели и такое понятие, как Великая российская революция, раздвинув ее рамки до 1917–1920 годов [16. С. 4]. Эти же авторы в отношении февральских событий 1917 года употребили формулировку «февральский переворот», а в отношении октябрьских событий - «октябрьский переворот» [16. С. 8, 53].

Обращаясь к истории октябрьской революции и первых лет советской власти, педагоги Л. Н. Жарова и И. А. Мишина употребляют понятие «русское якобинство» и расшифровывают его: понимание революции как политического переворота, произведенного революционным меньшинством, захватившим власть; революционная диктатура защищает завоевания революции и проводит «сверху» социальные преобразования; революционная диктатура осуществляет власть методом революционного террора и насилия [19. С. 217].

В целом можно видеть растерянность авторов 1990-х годов в оценке октябрьских событий 1917 года. Московский учитель И. И. Долуцкий предложил школьникам самостоятельно определиться в оценках: «Что произошло в октябре – революция, мятеж, переворот, заговор?» [17. С. 170].

В учебной литературе 2000-х гг. получили распространение такие определения октябрьских событий 1917 г. как «Октябрьское восстание» [25. С. 137]. Авторский коллектив во главе с О. В. Волобуевым представил в своем учебнике точку зрения историков, склонявшихся к тому, «чтобы не разделять «Февральскую» и «Октябрьскую революции», объединяя их в одну «Российскую революцию 1917 года», при этом оговорив, что «она закончилась в целом в январе 1918 года, когда было распущено Учредительное собрание». Далее авторы констатировали: «Наша Родина стала бескрайним полем для невиданного социального эксперимента» [6. С. 64].

В. П. Островский и А. И. Уткин предложили новую периодизацию революции в России, определив ее рубежные даты мартом 1917 – мартом 1921 годов [37. С. 131]. В. П. Данилов предложил рассматривать события октября 1917 года на фоне крестьянской революции, развернувшейся еще в начале XX века. Он считает, что крестьянская революция оставалась стихийной до тех пор, пока не слилась с рабочей революцией и оказалась направляемой, а в какой-то степени и руководимой большевиками. К весне 1918 года эти две революции стали разнонаправленными [25. С. 148–149]. В. П. Дмитренко отмечает, что до лета 1917 года революция носила общедемократический характер, а потом революционные потоки, у которых были различные цели, разошлись [25. С. 149]. Авторский коллектив во главе с А. А. Левандовским считает, что в феврале – октябре 1917 года состоялась Великая российская революция, первый этап которой начался переворотом 23 февраля, а второй – октябрьским переворотом, в результате которого власть взяли большевики [32. С. 91]. Еще одна точка зрения приведена в учебнике под редакцией Н. В. Загладина. Речь идет о мнении сторонников свергнутого Временного правительства, которые считали, что в октябре 1917 года был совершен государственный переворот, осуществленный на германские деньги и похоронивший надежды на демократическое развитие России [21. С. 107].

Говоря о цене революции и строительства социализма авторы перестроечных учебников уже пишут о необоснованных приговорах в отношении активных участников оппозиции 1920-х годов, об уничтожении инакомыслия, о репрессиях в области социального строительства, которые, по мнению Сталина, являлись «необходимым элементом наступления» [29. С. 283, 308, 309]. Как отмечали в своей книге Ю. И. Кораблев и его коллеги, репрессии коснулись значительных групп специалистов старой школы – инженеров, агрономов, экономистов, крестьян в период коллективизации, наспех обученных молодых рабочих и механизаторов, обвиняемых в поломке техники, кулаков, нэпманов, буржуазных специалистов. Эти авторы называют количество жертв репрес-

сий в 1920–1930-е годы (около 40 млн человек), делая вывод о том, что все кардинальные изменения в стране после Великого Октября «несли на себе и отпечаток деформаций» (обезличенная собственность при отсутствии хозрасчета, нарушение социалистической законности, свернутая гласность, догматический характер марксистско-ленинской идеологии и т. д.) [29. С. 330, 331, 332].

Более резкие оценки периода советской власти появились в учебниках 1990-х гг. Доминирующим словом стал «тоталитаризм». К примеру, в учебнике В. П. Островского и А. И. Уткина есть понятие «**тоталитарный режим**», формирование и апогей которого авторы относят к 1921–1939 годам. Характеризуя политику большевиков в данный период, авторы говорят о «промышленной модернизации в тоталитарном исполнении», «тоталитарном обществе» (1934 – 1939), «тоталитарных политических структурах» и т. д. [37. С. 191, 218, 228]. Характеризуя политику большевиков в области культуры в 1920-е годы, В. П. Островский и А. И. Уткин писали, что эксперименты в сфере образования («бригадный метод обучения, иные новшества, при которых знания практически не усваивались») подрывали традиционные устои российской школы, с долей сарказма они описывали «эксперименты по воспитанию нового человека из участников воровских шаек и банд», проводимые А. Макаренко, делая вывод о том, что «грядущая победа тоталитаризма в культуре была близка» [37. С. 205, 206].

В учебниках А. А. Данилова и Л. Г. Косулиной были представлены элементы «тоталитарной системы»: насильственное установление однопартийной системы; уничтожение оппозиции внутри самой правящей партии; «захват государства» партией», т. е. полное сращивание партийного и государственного аппарата, превращение государственной машины в орудие партии; ликвидация системы разделения законодательной, исполнительной и судебной власти; уничтожение гражданских свобод; построение системы всеохватывающих массовых общественных организаций, с помощью которых партия обеспечивает контроль над обществом; унификация всей общественной жизни; авторитарный способ мышления; культ национального вождя; массовые репрессии [13. С. 175–176; 14. С. 179].

Учебники 2000-х годов стали еще более эмоциональными, насыщенными фактологией, подтверждающей мысль об огромных жертвах социалистического эксперимента. Как отмечали О. В. Волобуев и С. В. Кулешов, «мечта о социальном Эльдorado – царстве равенства, справедливости и своей, рабоче-крестьянской, власти – очень скоро обернулась реальностью гражданской войны» [7. С. 93]. А. Ф. Киселев и В. П. Попов пишут о том, население России к 1920 году сократилось на 7, к 1921 году – на 11, а к концу 1922 года – на 12,7 млн человек, делая вывод: такова была цена революционных потрясений и Гражданской войны [27. С. 81]. Эти же авторы пишут о высылке кулаков и их семей, приводя такие данные: в 1930–1931 годах были выселены 1803392 человека, в 1932–1937 годах – еще 1394049 человек. Из-за голода 1932 – 1933 годов население страны сократилось приблизительно на 7,7 млн человек [27. С. 111].

Как пишет О. В. Волобев и его соавторы, крупные промышленные гиганты в годы первых пятилеток возводили специалисты, итээровцы, комсомольцы, вчерашние крестьяне, спецпереселенцы, политические и уголовные заключенные. «Строительные площадки казались гигантскими муравейниками, где люди копали землю лопатами, нагружали на деревянные повозки – знаменитые грабарки и бесконечной вереницей перемещали их с места на место. Жили в палатках, бараках... Работали в жару и лютый холод, в болотной топи и ледяной воде...» [5. С. 153, 154]. В более позднем учебнике этого автора приведены воспоминания В. А. Каверина, приехавшего в Магнитогорск, чтобы собрать материал о том, как строился «социалистический город»: «Ясно видя прямую связь между ростом кладбища и ростом комбината, я как бы старался не видеть эту связь – и, стало быть, бродил по строительству с закрытыми глазами» [7. С. 93].

Говоря о целях массовых репрессий, проводимых сталинским режимом в 1930-е годы, А. А. Левандовский и его соавторы указывают, что они «должны были нанести удар... по тем коммунистам, которые отказывались признать правоту сталинских методов строительства социализма», устранить из общественно-политической и культурной жизни страны посредством террора «лучшую, свободомыслящую часть нации», найти «козлов отпущения», на которых можно было свалить вину за «постоянные трудности на производстве» и в быту, все беды и неудачи», ослабить «сепаратистские настроения в союзных республиках» [32. С. 169].

Второй социальный эксперимент XX века начался после распада СССР. В течение достаточно короткого времени Россия должна была обрести новый путь развития, новые ценности и новые перспективы, и в этом смысле данный эксперимент был схож с предшествующим: форсированные темпы модернизации, переход к ценностям другой (рыночной) экономики, отношение к человеку как к средству достижения поставленной цели и, как следствие, – человеческие трагедии.

В 1990-е годы Россия в очередной раз была «на перепутье», «на переломе» [13. С. 336; 16. С. 593; 32. С. 322; 38. С. 382], и разные политические силы предлагали свой путь развития: команда Ельцина «видела спасение России на пути западного капитализма, компартия хотела снова национализировать крупнейшие промышленные предприятия и банки, а националистический блок заговорил о монархии» [38. С. 403].

Авторы школьных учебников выделили главные задачи новой России. По сути дела новое государство в лице его руководителей должно было определить свою роль в мире и приоритеты развития [22. С. 422]; провести глубокую реформу экономики, перейти к рыночным методам хозяйствования [6. С. 277; 7. С. 268; 26. С. 258; 31. С. 332; 38. С. 382; 42. С. 333]; оформить суверенную российскую государственность (границы, таможи, систему внешнеэкономического регулирования, четко определить понятие гражданства, сформулировать национальные интересы государства, урегулировать отношения внутри СНГ) [7. С. 268, 269; 15. С. 349; 31. С. 332]; решить задачи государственного строительства (формирование административного аппарата, подтверждение границ с соседними государствами) [26. С. 257]; либерализовать политическую модель, сохранить территориальную целостность России, построить правовое, демократическое, федеративное государство, создать условия для формирования гражданского общества [14. С. 355].

Решение указанных задач в начале 1990-х годов осложняли такие проблемы, как: истощение валютных резервов СССР и золотого запаса, дефицит бюджета, рост инфляции, сохранение долгов бывшего СССР (по разным данным, от 70 до 105 млрд долларов), отсутствие государственных заказов у предприятий тяжелой промышленности и оборонной сферы (безработица), изношенность основных фондов промышленности (около 70 %), дефицит товаров первой необходимости и продовольствия, полное расстройство внешних экономических связей после распада СЭВ и дезинтеграции СССР, межнациональные проблемы, драматический спор между Россией и Украиной по поводу судьбы Черноморского флота, духовный кризис, связанный с утратой многими россиянами привычных жизненных ориентиров, и др. [5. С. 340; 20. С. 406 – 407; 21. С. 408; 22. С. 422; 23. С. 312; 40. С. 302].

Лишь немногие «плюсы» компенсировали указанные проблемы. В их числе авторы учебников называют статус великой ядерной державы, около 60 % экономического и научно-технического потенциала, большую часть территории, богатой природными ресурсами [21. С. 408], проживание на территории России народов, «истосковавшихся по самостоятельному, честному труду» [36. С. 282].

Политика «шоковой терапии» (либерализация цен, либерализация торговли, приватизация промышленности и объектов недвижимости), начатая командой Е. Т. Гайдара, стала революционным средством «быстрой и решительной ломки социалистического планового хозяйства и перераспределения собственности в кратчайшие сроки» [7. С. 269, 282].

Л. Н. Алексашкина и ее коллеги обращают внимание на такой фактор, как «ошибочное представление о том, что в условиях перехода к рынку роль государства ослабевает», а это, в свою очередь, ведет к нарастанию общественной нестабильности и разрушению хозяйства. Эти же авторы констатировали, что отказ «от элементов планирования и централизованного управления», «копирование западных моделей экономики, отсутствие серьезного изучения специфики исторического развития собственной страны» привели к негативным результатам [1. С. 388]. Проводимые в 1990-е годы экономические реформы сопровождались падением отечественного производства, вытеснением многих российских товаров иностранными, теневой экономикой, оттоком капиталов за границу, развалом социальной сферы экономики, стремительным ростом имущественной поляризации населения, обострением конфликтов на производстве, ослаблением всех государственных институтов, криминализацией общества, угрозой сепаратизма, серьезными недостатками в налоговой системе, сочетающей высокое налоговое бремя для одних и многочисленные льготы для других, и т.д. [11. С. 342; 15. С. 356; 23. С. 311; 40. С. 304, 305].

Особенно болезненно «ударил» по населению приватизация, цель которой А. Б. Чубайс обозначил как «построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет, выполнив ту норму выработки, на которую у остального мира ушли столетия» [31. С. 334]. Он же назвал приватизацию «разворовыванием общенародной собственности» [26. С. 261].

В результате этого «разворовывания» не удалось создать массовый слой собственников, предприятиями стала владеть незначительная часть населения из числа руководящих работников, приватизация дала в бюджет слишком мало средств [15. С. 352–353]. Процесс приватизации сопровождался множеством злоупотреблений, и, в отличие от стран Восточной Европы, не сгладил социальные противоречия при переходе к рынку, а, скорее, обострил их [26. С. 261, 262]. Н. В. Загладин в одном из своих учебников констатирует, что в результате проводимых реформ сформировался «криминальный характер российской экономики» [20. С. 406].

А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт пишут о том, что «ваучерная приватизация не улучшила материального положения россиян и не стала стимулом для развития производства» [11. С. 341], а В. С. Измозик и С. Н. Рудник акцентируют внимание на том, что «государство ушло от ответственности за созданную при его попустительстве сеть мошеннических организаций, обманом присвоивших себе приватизационные чеки и трудовые сбережения граждан» [23. С. 319].

А. И. Уткин, А. В. Филиппов и другие авторы отметили, что в период президентства Б. Н. Ельцина системообразующим фактором нового социального строя стали олигархи, и определили вторую половину 1990-х годов как «олигархический капитализм». Вместе с тем, подтверждая вывод о существовании олигархического режима, основанного на коррупции власти, Л. В. Поляков и другие объясняют существование такого режима «объективными обстоятельствами экономической реформы» [34. С. 235, 249].

Проводимые в 1990-е годы реформы не были продуманными с точки зрения социальной стратегии. Как отмечает коллектив авторов под руководством А. О. Чубарьяна, инициаторы реформ «не учли социальные факторы, не создали с помощью государственных и иных субсидий так называемые социальные амортизаторы, которые позволили бы смягчить последствия реформ для малообеспеченных слоев населения» [40. С. 305]. Эта же мысль подчеркивается Б. Г. Пашковым, который пишет, что «масштаб издержек оказался неоправданно высоким» [38. С. 384].

На фоне проводимых экономических реформ в первое десятилетие новой России были уничтожены права граждан на полное среднее образование, бесплатное жилище, медицинское обслуживание, началось заметное расслоение российского общества, 80 % которого составили бедные и нищие, значительно снизились зарплаты работников

социальной сферы, пенсии по старости и инвалидности, ухудшилась демографическая ситуация [1. С. 389–390].

Результатом проводимых в 1990-е годы политических реформ стал демонтаж власти Советов, реальный переход к реализации принципа разделения властей, закрепленного в Конституции РФ 1993 года. Октябрьские события 1993 года, квинтэссенция противостояния Президента России Б. Н. Ельцина и Верховного Совета, в какой-то мере напоминают противостояние большевиков во главе с В. И. Лениным и меньшевистско-эсеровской оппозиции, требующей смягчения социальных последствий преобразований и ограничения полномочий (ликвидации) большевистского правительства (левоэсеровский мятеж 6–7 июля 1918 г.). Историки разделились в оценках событий 3–4 октября 1993 года: одни считают эти события концом либерально-демократической революции, другие – уголовным преступлением (государственным переворотом), но легитимным, поскольку президента поддержало большинство населения, третьи приводят мнение о том, что «покончено с неприкосновенностью граждан», четвертые рассматривают происшедшее как «расстрел парламентаризма», пятые – как «историческую заслугу Ельцина», ликвидировавшего советскую систему [5. С. 322; 7. С. 273; 23. С. 316; 26. С. 268].

Новая Конституция России, принятая 12 декабря 1993 года, не была идеологизированной, учитывала общепризнанные принципы и нормы международного права, юридически признавала категорию «права человека», впервые осуществляла закрепление принципа разделения властей и реального народовластия, идеологического многообразия, многопартийности и т. д. [1. С. 383; 7. С. 273; 23. С. 317; 31. С. 342]. Вместе с тем этот документ дал большие властные полномочия Президенту и усеченные полномочия двухпалатному парламенту, который в связи с этим не в состоянии представлять интересы и волю населения [38. С. 402].

Одной из главных проблем, возникших в 1990-е гг., стало расхождение интересов Центра и субъектов РФ. А. Ф. Киселев, В. Ф. Попов пишут, что последовавший за распадом СССР процесс выстраивания современной государственности сопровождался ослаблением центральной власти, усилением роли в политике мощных финансово-промышленных групп и региональных руководителей, которые нередко ставили свои личные интересы и корпоративные интересы выше государственных [27. С. 295]. Предложение Б. Н. Ельцина субъектам РФ «брать на себя суверенитета, сколько они могут унести» привело к тому, что все республики, входившие в РФ, и большинство автономных областей заявили о своем суверенитете и отказе от статуса автономий [32. С. 331]. Самым ярким примером противостояния центральной и региональной власти стала война в Чечне.

Оценки реформ 1990-х годов противоречивы. Подчеркивая новизну и сложность проводимых реформ, некоторые авторы все-таки делают акцент на положительные стороны преобразований, указывая, что к концу 1990-х годов «сказались первые результаты модернизации общества – как политической (парламентаризм, выборность губернаторов, мэров, региональных законодательных органов, многопартийность и др.), так и экономической (утверждение начал частной собственности, капиталистического производства, рыночных отношений и т. д.) [7. С. 269], что главным результатом в развитии отечественной культуры 1990-х годов стало «создание условий для возрождения духовности России, обогащения тех ценностей, которые выработали поколения россиян», что «удалось воссоздать Российскую Федерацию, сохранить ее целостность, утвердить новые принципы федеративного устройства страны» [11. С. 360], что «за минувшее десятилетие в России произошла полномасштабная социальная революция», которая «отличалась ограниченным применением насилия, обширными компромиссами с элитами предшествующего режима» [41. С. 383], что «в стране заработали деньги», была сформирована банковская система, появился слой бизнесменов, банкиров, частных торговцев, экономика России «стала открытой» и др. [12. С. 166; 23. С. 322; 38. С. 384].

Одновременно с этим, оценивая 1990-е годы в целом, А. А. Данилов и его коллеги пишут: «К началу XXI в. Россия утратила статус великой мировой державы. Занимая 12 % мировой суши, она к концу XX в. производила лишь 1 % мирового валового продукта. Налицо был кризис федеративных отношений, социальной сферы. До минимума упал жизненный уровень населения» [11. С. 384].

Б. Г. Пашков отмечает и такой фактор, как ухудшение психоэмоционального состояния населения: «стыд за нынешнее состояние страны, ощущение несправедливости всего того, что их окружает, дополняемое настроением, что дальше так жить нельзя; страх перед беспределом и разгулом преступности... чувство агрессивности» [38. С. 404]. В дополнение к этому можно привести и слова самого президента Б. Н. Ельцина из послания Федеральному Собранию 1999 года: «Мы убедили людей в том, что процесс преобразований пройдет легко и быстро. И в результате сформировали избыточные ожидания от самих реформ. В итоге – разочарование и то, что принято называть “синдромом поражения”» [1. С. 402].

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно сделать вывод: начало и конец XX века в истории России ознаменовались крупными социальными экспериментами (социалистическим и капиталистическим), имевшим общие черты и прежде всего – форсированные темпы построения «нового общества», цена которым – жизни и судьбы россиян (советских людей). Авторы одного из школьных учебников акцентировали внимание на статье В. В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» (2000), в которой отмечалось, что «... Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования», что «ответственные общественно-политические силы должны предложить народу стратегию возрождения и расцвета России, которая бы... осуществлялась исключительно эволюционными, постепенными, взвешенными методами» [26. С. 307]. Эти же ученые дали оценку преобразованиям 1990-х годов («Идеология реформирования жизнеустройства при Ельцине сводилась к формуле «реформы любой ценой»), сравнив их со стратегией нового президента («Путин в основу своей государственной деятельности заложил иной принцип – улучшение условий жизни народа») [26. С. 308]. Как реализуется эта стратегия в начале XXI в. – тема уже другого разговора.

Список литературы

1. Алексашкина, Л. Н. Россия и мир в XX – начале XXI века [Текст] : 11 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений. – 4-е изд. / Л. Н. Алексашкина, А. А. Данилов, Л. Г. Косудина. – М. : Просвещение, 2008. – 431 с.
2. Базилевич, К. В. История СССР [Текст] : учеб. для 10 кл. сред. шк. / под ред. А.М. Панкратовой. – Изд. 22-е / К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт. – М. : Учпедгиз, 1963. – 336 с.
3. Балеев, В. М. История СССР (1938–1976) [Текст] : учеб. для 10 кл. / под ред. чл.-кор. АН СССР М. П. Кима / В. М. Балеев, И. Б. Берхин, М. П. Ким, П. И. Потемкин. – М. : Просвещение, 1977. – 256 с.
4. Берхин, И. Б. История СССР [Текст] : учеб. для 9 кл. / под ред. чл.-кор. АН СССР М. П. Кима. – Изд. первое / И. Б. Берхин, И. А. Федосов. – М. : Просвещение, 1976. – 384 с.
5. Волобуев, О. В. История России. XX век [Текст] : учеб. для 9 кл. общеобразоват. учеб. заведений / О. В. Волобуев, В. В. Журавлев, А. П. Ненароков, А. Т. Степанищев и др. – М. : Дрофа, 2001. – 352 с.
6. Волобуев, О. В. Россия и мир. XX век [Текст] : учеб. для 11 кл. общеобразоват. Учреждений / В. А. Клоков, М. В. Пономарев, В. А. Рогожкин. – М. : Дрофа ; Издательско-образовательный центр «Веди-принт», 2002. – 351 с.
7. Волобуев, О. В. История России, XX – начало XXI века [Текст] : 11 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый уровень) / под ред. И. Н. Данилевского. – 3-е изд., испр. и доп. / О. В. Волобуев С. В. Кулешов. – М. : Мнемозина, 2008. – 335 с.

8. Вяземский, Е. Е. Школьные учебники истории : опыт постсоветской России и мировая практика [Текст] / Е. Е. Вяземский // Имидж. – 2005. – № 8.
9. Голубева, Т. С. Рассказы по истории СССР [Текст] : учеб. кн. для 4 класса / под ред. Н. П. Кузина. – Изд. десятое / Т. С. Голубева, Л. С. Геллерштейн. – М. : Просвещение, 1980. – 208 с.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 2002. – Т. 2 : И – О. – 779 с.
11. Данилов, А. А. История России, XX – начало XXI века. 9 класс [Текст] : учеб. для общеобразоват. учреждений. – 7-е изд. / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт. – М. : Просвещение, 2010. – 384 с.
12. Данилов, А. А. История государства и народов России. XX век. В 2 ч. Ч. 2 [Текст] : учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. – 5-е изд., перераб. / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – М. : Дрофа, 2005. – 199 с.
13. Данилов, А. А. История России, XX век [Текст] : учеб. кн. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – М. : Просвещение, 1995. – 366 с.
14. Данилов, А. А. История России, XX век [Текст] : учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений. – 4-е изд., дораб. / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – М. : Просвещение, 1998. – 368 с.
15. Денисенко, В. П. История Отечества (1939–1996) [Текст] : учеб. для 11 кл. / В. П. Денисенко, В. С. Измозик, В. П. Островский, В. И. Старцев. – СПб. : Специальная Литература, 1998. – 276 с.
16. Дмитренко, В. П. История Отечества. XX век [Текст] : 11 кл. : пособие для общеобразоват. школ. – 2-е изд. / В. П. Дмитренко, В. Д. Есаков, В. А. Шестаков. – М. : Дрофа, 1998. – 640 с.
17. Долуцкий, И. И. Отечественная история. XX век. Часть 1 [Текст] : учеб. для X кл. сред. шк. / И. И. Долуцкий. – М. : Мнемозина, 1994. – 448 с.
18. Есаков, В. Д. История СССР [Текст] : учеб. для 10 кл. сред. шк. / под ред. Ю. С. Кушкина. – 3-е изд., перераб. и доп. / В. Д. Есаков, Ю. С. Кушкин, А. П. Ненароков. – М. : Просвещение, 1988. – 271 с.
19. Жарова, Л. Н. История Отечества. 1900–1940 [Текст] : учеб. кн. для старших классов средних учебных заведений / Л. Н. Жарова, И. А. Мишина. – М. : Просвещение, 1992. – 335 с.
20. Загладин, Н. В. История России и мира в XX веке [Текст] : учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. – 2-е изд. / Н. В. Загладин. – М. : «ТИД «Русское слово – РС», 2003. – 480 с.
21. Загладин, Н. В. История Отечества. XX – начало XXI века [Текст] : учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. – 4-е изд. / Н. В. Загладин, С. И. Козленко, С. Т. Минаков, Ю. А. Петров. – М. : ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. – 480 с.
22. Загладин, Н. В. История. История России и мира в XX – начале XXI века [Текст] : 11 класс. 6-е изд., испр. / Н. В. Загладин, Н. А. Симония. – М. : ООО «ТИД – Русское слово – РС», 2007. – 480 с.
23. Измозик, В. С. История России [Текст] : 11 класс : учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / В. С. Измозик, С. Н. Рудник ; под ред. Р. Ш. Ганелина. – М. : Вентана-Граф, 2009. – 384 с.
24. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] : в 2 т. / П. Я. Черняк. – 8-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2007. – Т. 2 : Панцирь – Ящур. – 559 с.
25. История России, 1900–1945 гг. [Текст] : 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / [А. А. Данилов, А. С. Барсенков, М. М. Горинов и др.] ; под ред. А. А. Данилова, А. В. Филиппова. – М. : Просвещение, 2009. – 447 с.

26. История России, 1945–2007 гг. [Текст] : 11 кл. : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / [А. И. Уткин, А. В. Филиппов, С. В. Алексеев и др.] ; под ред. А. А. Данилова [и др.]. – М. : Просвещение, 2008. – 367 с.
27. Киселев, А. Ф. История России. XX – начало XXI века [Текст]. 11 кл. Базовый уровень : учеб. для общеобразоват. учреждений / А. Ф. Киселев, В. П. Попов. – М. : Дрофа, 2007. – 318 с.
28. Кораблев, Ю. И. История СССР [Текст] : учеб. для 9 кл. сред. шк. / Ю. И. Кораблев, Ю. С. Кукушкин, И. А. Федосов, В. П. Шерстобитов ; под ред. Ю. С. Кукушкина. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1988. – 335 с.
29. Кораблев, Ю. И. История СССР [Текст] : учеб. для 10 кл. сред. шк. / И. А. Федосов, Ю. С. Борисов ; под ред. Ю. И. Кораблева. – М. : Просвещение, 1989. – 351 с.
30. Кредер, А. А. Новейшая история. 1914–1945 [Текст] : учеб. пособие / А. А. Кредер. – М. : ЦГО, «Вентана-Граф», 1994. – 208 с.
31. Левандовский, А. А. Россия в XX веке [Текст] : учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. – 5-е изд. / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов. – М. : Просвещение, 2001. – 368 с.
32. Левандовский, А. А. История России, XX – начало XXI века. 11 класс [Текст] : учеб. для общеобразоват. учреждений : базовый уровень. – 3-е изд. / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко. – М. : Просвещение, 2009. – 384 с.
33. Наш Союз (СССР) [Текст] : книга для чтения и работы для IV года обучения / под ред. Л. Г. Тереховой. – Изд. девятое. – М. ; Л. : Работник просвещения, 1930. – 416 с.
34. Обществознание. Глобальный мир в XXI веке [Текст] : 11 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений / Л. В. Поляков, В. В. Федоров, К. В. Смирнов и др. / под ред. Л. В. Полякова. – 2-е изд., доп. – М. : Просвещение, 2008. – 288 с.
35. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / Российская АН; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1994. – 928 с.
36. Островский, В. П. История Отечества [Текст] : учеб. для 11 кл. сред. шк. / В. П. Островский, В. И. Старцев, Б. А. Старков, Г. М. Смирнов. – М. : Просвещение, 1992. – 287 с.
37. Островский, В. П. История России. XX век [Текст] : 11 кл. : учеб. для общеобразоват. учеб. заведений / В. П. Островский, А. И. Уткин. – М. : Дрофа, 1995. – 512 с.
38. Пашков, Б. Г. История России. XX век. 9 кл. [Текст] : учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. – М. : Дрофа, 2000. – 416 с.
39. Современный словарь иностранных слов : ок. 20000 слов [Текст]. – М. : Рус. яз., 1992. – 740 с.
40. Чубарьян, А. О. Отечественная история XX – начала XXI века [Текст] : учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений / А. О. Чубарьян, А. А. Данилов, Е. И. Пивовар и др. ; под ред. А. О. Чубарьяна. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2005. – 345 с.
41. Шестаков, В. А. История России, XX – начало XXI века [Текст] : 11 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений: проф. уровень / В. А. Шестаков. – М. : Просвещение, 2008. – 448 с.
42. Шестаков, В. А. История Отечества, XX век [Текст] : учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / В. А. Шестаков, М. М. Горинов, Е. Е. Вяземский ; под ред. А. Н. Сахарова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2001. – 368 с.

УДК 658.3

*Дмитрий Евгеньевич Филиппов,
Елена Валерьевна Озорнина*

Челябинский государственный педагогический университет

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
КАК ЭЛЕМЕНТА КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ЧЕЛГУ**

В статье анализируется процесс и особенности социально-педагогического проектирования информационной деятельности в социальных сетях как элемента корпоративной культуры на примере деятельности управления по связям с общественностью ЧелГУ, приводится классификация социальных сетей, дается описание наиболее популярных в России ресурсов.

Ключевые слова: социально-педагогическое проектирование, корпоративная культура, социальные сети, информационная деятельность.

Современные тенденции развития, новые технологии существенным образом обогатили и изменили возможности организации информационно-коммуникационного пространства, как в обществе в целом, так и в отдельно взятой организации. Формируются новые виды взаимодействия между ее членами и, как следствие, складываются новые модели коммуникации. Все эти изменения в первую очередь находят отражение в корпоративной культуре организации как многослойной динамической системе, основанной на коммуникационном взаимодействии ее членов.

Корпоративная культура организации – это сложное междисциплинарное явление. В силу наличия в корпоративной культуре педагогического аспекта, для ее эффективного упорядочивания и развития нами был выбран метод социально-педагогического проектирования. Данный проектный подход применим ко всем элементам корпоративной культуры. Определяя, вслед за Т. О. Соломанидиной основные элементы корпоративной культуры компании: миссия организации, ценности, поведение и коммуникация, символы, цели, культура труда¹, а также информационную деятельность.

Под данной категорией мы понимаем совокупность процессов и действий, осуществляемых сообществом с использованием информационных ресурсов и инфраструктуры с целью производства информационных продуктов и услуг², и их распространения.

В отношении реализации информационной деятельности, как и в отношении корпоративной культуры, можно действовать стихийно, а можно применить метод проектирования.

При этом проектирование информационной деятельности не следует понимать упрощенно как конструирование результата. Это процесс, разноуровневая практическая работа с ресурсами, алгоритмами действий и их последствиями.

Конечной целью проектирования информационной деятельности как элемента корпоративной культуры является включение организации в окружающую информационную среду путем коммуникации и формирование желаемого отношения со стороны участников этой среды.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить целый ряд действий. В-первых, определить целевую аудиторию, на которую будет распространяться информа-

ция. Во-вторых, осуществить выбор каналов распространения информации, формы коммуникации, тематику информационных сообщений. Провести работу по поиску, сбору, обработке, созданию и распространению информационных продуктов.

Развитие сети Интернет как коммуникационной среды привносит в процесс организации информационной деятельности свои особенности. Исследователи в области коммуникаций выделяют несколько этапов эволюции всемирной паутины.

Web 1.0 – этап, когда информация была статична, текст отстранен от пользователя-читателя и формировался одним человеком или сообществом профессионалов. Данный период характеризуется использованием технологии «информирования общественности»³.

Следующий за ним этап – Web 2.0 – характеризуется активным участием пользователей сети в создании контента, двух- и многосторонней коммуникацией. Данный период характеризует развитие горизонтальной модели коммуникации и широким распространением такого явления, как «социальные сети».

Современные российские исследователи в области коммуникации определяют социальные сети как веб-сайты или иные инструменты Интернета, предоставляющие пользователям возможность взаимодействовать друг с другом, обмениваясь различными видами информации. Построение социальных сетей включает в себя организацию интернет-сообществ, способствующих участию общественности и привлечению дополнительных пользователей. Связь осуществляется посредством веб-сервиса внутренней почты или мгновенного обмена сообщениями.

А. Чумиков, М. Бочаров и М. Тишкова классифицируют социальные сети следующим образом:

- «обычная» электронная почта, предполагающая возможность двух- и многостороннего общения;
- системы мгновенного обмена сообщениями, которые позволяют общаться с другим пользователем сети в режиме реального времени (Skype, ICQ и т. д.);
- интернет-чаты, позволяющие одновременно нескольким пользователям общаться в режиме реального времени;
- интернет-форумы, дающие возможность создавать новые темы, комментировать и обсуждать сообщения других пользователей с архивированием этих сообщений;
- веб-блоги – личные онлайн-журналы отдельных пользователей;
- интернет-хосты, предлагающие возможность размещения аудио- и видеоматериалов (подкастов) на бесплатной основе (Youtube);
- вики-справочники – интернет-справочники (энциклопедии), содержимое которых может редактироваться посетителями (Википедия);
- и наконец, собственно социальные сети, или социальные медиа, аккумулирующие совокупность приведенных выше возможностей⁴.

Рассмотрим подробнее характеристики основных ресурсов, существующих на сегодняшний день в сети Интернет.

Социальная сеть Facebook – ресурс для профессиональных сообществ, общественно-политических организаций, имеющий международное распространение. Большую часть аудитории FB составляет «продвинутая» российская молодежь в возрасте до 24 лет. Чуть меньше у «Facebook» пользователей в возрасте от 25 до 34 лет, но они тоже составляют значительную часть аудитории сети. «Facebook» стоит на последнем месте среди других социальных сетей по количеству зрелой аудитории в возрасте от 45 до 54 лет.

Социальная сеть «ВКонтакте» – ресурс нередко называют калькой с «Facebook». Основной костяк аудитории составляют представители активной молодежи. Социальная сеть хорошо представлена в регионах. Аудитория представлена по всем возрастам.

YouTube – ведущий видеохостинг в России, 550 миллионов просмотров ежемесячно. 17,6 миллионов посетителей в месяц⁵.

«Одноклассники» и «Мой мир» делят между собой аудиторию постарше. Так, 25,3 % пользователей «Одноклассников» – люди старше 35 лет, а 15,7 % старше 45. Почти такие же показатели и у «Моего мира».

Главной особенностью коммуникации в социальных сетях является взаимодействие лиц имеющие примерно один и тот же статус, что придает общению более неформальный характер и, в свою очередь, значительно ускоряет процесс распространения информации. Кроме того, горизонтальная модель коммуникации имеет ярко выраженную интегрирующую функцию. Эти условия становятся ключевыми при организации информационной деятельности в социальных сетях.

Рассмотрим пример социально-педагогического проектирования информационной деятельности в социальных сетях как элемента корпоративной культуры на примере деятельности Управления по связям с общественностью Челябинского государственного университета.

Главная цель, которую ставит перед собой Управление по связям с общественностью – это информирование различных целевых аудиторий. Для начала необходимо разделить информационную деятельность в сети Интернет – корпоративный сайт, электронная версия газеты, публикация материалов интернет-СМИ и информационную деятельность в социальных сетях. Различие определяется особенностями социальных сетей, о которых мы говорили выше. Это более оперативное распространение информации, горизонтальные связи и более неформальный характер коммуникации.

Информационная деятельность в социальных сетях, не только объединяет свою целевую аудиторию, то есть решает маркетинговые задачи, но и вовлекает эту аудиторию в сотворчество. Так как еще одной особенностью социальных сетей является возможность «перепостить», прокомментировать, что-то добавить, а что-то удалить, то есть провести определенную редактуру информации⁶.

Преследуя поставленную цель, Управлением по связям с общественностью были созданы аккаунты в самых популярных социальных сетях. Содержание информации, которая публикуется на страницах каждой из них, определяется с учетом характеристик их аудитории.

Так, ресурс «Facebook» главным образом используется, чтобы донести информацию о деятельности университета общественным организациям, журналистам, выпускникам университета, преподавателям и студентам старших курсов.

Здесь существует свой принцип размещения информации. Во-первых, это наиболее значимые новости из жизни университета, материалы газеты «Университетская набережная», рассказывающие о достижениях, известных выпускниках, преподавателях. Как правило, такие материалы вызывают отклики выпускников и студентов. Кроме материалов, созданных непосредственно в университете, на страницах «Facebook» также аккумулируются публикации о вузе в городских СМИ, блогах и других ресурсах, где есть возможность «перепоста» информации в «Facebook».

Ресурс «Вконтакте» больше ориентирован на студентов и потенциальных абитуриентов. Здесь публикуются официальные новости университета. Мало кто из этих пользователей каждый день заходит на официальный сайт университета, а ленту обновлений «Вконтакте» читают ежедневно.

Канал Челябинского государственного университета на YouTube в первую очередь предназначен для студентов, преимущественно 1–4 курсов, которые учатся в ЧелГУ, занимают активную жизненную позицию, часто входят в актив факультетов или просто интересуются событиями, которые происходят в университете и получают информацию из сети Интернет.

Кроме всего прочего, возможность оставлять комментарии повышает уровень открытости и доверия к Челябинскому государственному университету. Еще одна особен-

ность, которую приобретает информация в социальных сетях, – это возможность добавлять теги по темам, ссылки на официальный сайт ЧелГУ, дополнительные источники информации, постоянную ссылку на релиз или материал.

Кроме того, социальные сети дают возможность размещать не только текстовые материалы, но и мультимедиа.

Особенности социальных сетей заставляют нас проектировать содержание и форму построения информации. Потому как при публикации материала страница с текстом генерируется автоматически. Новость получает заголовок, ссылку на источник, подзаголовок, иллюстрацию или мультимедийный файл.

Кроме того, аккаунты в социальных сетях становятся единым «нюс-румом»⁷, в который «стекается» различная по тематике информация в различных ее видах и форматах, из различных источников.

Таким образом, социально-педагогическое проектирование информационной деятельности в социальных сетях как элемента корпоративной культуры, по сути, является комплексной программой коммуникации с целевыми аудиториями, главной целью которой является возможность через информирование оказывать влияние на пользователей социальных сетей.

Ежедневно Управлением по связям с общественностью публикуются пресс-релизы на электронных ресурсах университета. Через специальный сервис наиболее значимые из них публикуются в аккаунтах ЧелГУ в Facebook и Вконтакте. Кроме того, осуществляется мониторинг информации о студентах и преподавателях ЧелГУ в других средствах массовой информации и блогах. Найденная информация, произведенная сторонними организациями, а также неформальные сообщения блоггеров также публикуются в социальных сетях. Что это дает для проектирования информационной деятельности как элемента корпоративной культуры? Во-первых, аккумуляция всей официальной и неформальной информации в одном месте, оперативная ее «транспортировка» к целевым аудиториям. Ведь никто не посещает официальные ресурсы вуза ежедневно, а ленты обновлений и «стена» в социальных сетях просматриваются несколько раз в день. Кроме того, читатели новостей в социальных сетях чувствуют себя более раскованно и более активно отзываются на события: оставляют отзывы, ставят «лайки». Кроме того, качественным результатом информационной деятельности в социальных сетях можно считать «перепост» позитивной информации о ЧелГУ на своих страницах, количественным – увеличение общего количества публикаций в социальных сетях о ЧелГУ.

Примечания

¹ Соломанидина Т. О. Организационная культура компании : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2007. С. 72.

² Филиппов Д. Е. Организация информационной и имиджевой деятельности публичного юридического лица : программа дисциплины и планы семинарских занятий. Челябинск, 2006.

³ Чумиков А., Бочаров М., Тишкова М. PR в Интернете: web 1.0, web 2.0, web 3.0. М. : Альпина Паблицерз, 2010. С. 9.

⁴ Чумиков А., Бочаров М., Тишкова М. PR в Интернете... С. 44.

⁵ <http://www.slideshare.net/remarkableru/ss-9863799>.

⁶ Мирошниченко А. Маркетинг превращается в журналистику // Советник 2010. № 12. С. 5.

⁷ Чумиков А., Бочаров М., Тишкова М. PR в Интернете... С. 89.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 394

Евгений Григорьевич Брындин

К ВСЕОБЩЕМУ МИРУ ЧЕРЕЗ СТАНОВЛЕНИЕ ГАРМОНИЧНОГО ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА ГАРМОНИЗАЦИЕЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Чтобы иметь гармоничную социальную реальность, для этого нужно, чтобы духовное, мирное и гармоничное в повседневной жизни имело практическое воплощение во всех сферах жизнедеятельности общества. До сих пор в социальной реальности эти духовно-нравственные аспекты не имеют полноценного практического смысла и воплощения.

Ключевые слова: всеобщий мир, гармоничное поликультурное общество, духовное сознание, благоволения и благодеяния, духовно-нравственные коллективы.

Формирование социальной реальности практически направляют главы государств, политики, дипломаты, военные, духовные конфессии и общественные деятели. Главы государств заняты решением текущих проблем социально-экономического характера в рамках политического режима, практически не основываясь на духовно-нравственных аспектах. Политики борются за общественный строй на основе правовых норм и социальных законов. Военные действуют по принципу: «Хочешь мира, готовься к войне», который противоречит духовно-нравственным принципам. Духовные конфессии решают морально-этические проблемы, не касаясь практических аспектов социально-экономической жизни. Общественные деятели имеют консультативный рекомендательный статус, поэтому реально они слабо влияют на формирование социальной реальности. Дипломаты разрешают возникающие конфликты и выстраивают межгосударственные отношения на основе международного права.

Наибольшую свободу и полномочия в решении формирования гармоничного поликультурного общества на государственном уровне имеют руководители стран, на мировом уровне – Организация Объединенных Наций.

Мир становится мобильным. Это требует повышать культуру общения и отношений в поликультурном обществе формированием человеческих качеств – таких, как духовное сознание на основе духовных ценностей, благоволение, благодеяние, уважение, согласие, честность. Проявление человеческих качеств в повседневной жизни – это есть воплощение ценностей в жизнедеятельность общества. Например, духовно-нравственная ценность «возлюби ближнего» проявляется через внимание, уважение, благоволения, благодеяния, честность, справедливость, особенно к нуждающимся. Практическое воплощение духовно-нравственных ценностей снижает негативные процессы в обществе, уводя человека от пагубных страстей, делая человека и общество более гармоничным. Нужно активизировать практическое воплощение духовно-нравственных ценностей в повседневной жизнедеятельности.

Практическим воплощением в государстве духовного, мирного и гармоничного является формирование духовно-нравственных гармоничных коллективов в детских садах, образовательных учреждениях и на предприятиях. Взаимодействие духовно-нравственных коллективов образует гармоничное поликультурное общество в государстве.

Без воспитания и развития духовно-нравственных качеств человека, становление гармоничного коллектива невозможно. Гармонизация жизнедеятельности коллектива осуществляется на основе духовного, когда профессиональные отношения являются нравственными. Человеческие качества куются воспитанием духовного сознания и формированием нравственных отношений. Воспитание – это питание сознания благими смыслами. Формирование духовного сознания осуществляется на основе ценностей духовных учений или религий. Нравственные отношения формируются стяжанием мира в сердце и любви к ближним, проявлением в повседневной жизни и общении благоволений и благодеяний, во благо кого-то. Важно также, чтобы результаты достигались в нравственных условиях и нравственным путем.

Живя в многонациональной стране, осуществляя свой жизненный путь в межэтническом и межкультурном взаимодействии, мы должны осознавать свою ответственность в создании мирного гармоничного будущего и быть толерантными людьми, строить отношения с другими на основе благоволений и благодеяний, любви ближних, понимания и уважения культурных отличий, солидарного сотрудничества. Особую важность для России и всего человечества, прежде всего, имеет межнациональный и межрелигиозный мир. Самое реальное, что мы можем делать – это вести просветительскую работу по гармонизации жизнедеятельности и формировать гармоничный нравственно-психологический климат на основе благоволений и благодеяний в городе и в стране, где мы живем и работаем. Людям необходимо научиться гармоничному сосуществованию друг с другом. И человечество, народы стран и жители городов, как семья Единого Бога, как раз является тем обитанием, где мы можем выстраивать наши гармоничные отношения с братьями и сестрами нашего Единого Творца.

Становление межконфессиональной и межнациональной гармонии осуществляется на нравственной солидарности, которая проявляется в любви, благоволениях и благодеяниях представителей всех народов, конфессий и наций.

Все духовные учения и религии проповедуют проявление любви к ближним. Духовных братьев и сестер с Любовью в сердце, верующих разной веры и неверующих объединяет Единый Бог. Бог есть Любовь. Гармония и мир человечества утверждается в любви друг к другу.

Все глобальные и локальные проблемы человечества в том, что мир слабо следует духовным истинам. Человек создан праведным, а люди пустились в разные помыслы. Когда человек совершенствуется духовно, тогда он формирует соразмерное с окружением гармоничное культурно-рациональное взаимодействие. Путем гармонизации разумных духовных действий формируются истинные потребности человека и общества. Гармонизацию жизнедеятельности направляют гармоничные культурно-рациональные ценности. На основе гармоничных культурно-рациональных ценностей определяются социальные законы, согласующие жизнедеятельность человека и общества. Определяются права, согласующие возможности ценностной гармонизации жизнедеятельности в рамках законодательной согласованности. Без согласия нет смысла в жизни. Согласие, взаимное уважение, честность являются основой справедливого общества. Согласие, уважение, любовь и честность порождают гармоничные отношения между людьми и благоприятные условия.

Уровень гармонии определяется мерой взаимосогласования, взаимосопряжения и нравственной соразмерности взаимодействий в обществе. Сращивание гармоничных взаимодействий приобретает форму социального опыта гармоничных коммуникаций людей. У социальной гармонии общий принцип организации, состоящий в проявлении равного между всеми, который в активной форме проявляется духовной мыслью, духовной свободой, нравственно-профессиональной самореализацией, соразмерными, согласованными, духовно-разумными действиями и общением.

Духовную сущность человека рассматривает религия, культура, образование и наука. Религия рассматривает божественную природу духовности. Наука и культура рассматривает общественную природу духовности, как культуру человека и общества. Междисциплинарное, многоцелевое, многоаспектное, всестороннее, ценностно-ориентированное образование позволяет полноценно осознать и реально применять системное знание и ценностные ориентации во всех сферах жизнедеятельности. Междисциплинарное ценностно-ориентированное образование направляет человека проявлять духовную свободу в обществе. Проявление духовной свободы в обществе – это проявление равного между всеми. Духовная свобода ведет человека к гармоничной культурно-рациональной деятельности, к гармоничным культурно-рациональным отношениям. Гармоничная культурно-рациональная деятельность и гармоничные культурно-рациональные отношения формируют гармоничную культурно-рациональную этико-экологическую практику развития общества.

Через гармоничную культурно-рациональную деятельность и гармоничные культурно-рациональные отношения граждане проявляют свою гармоничную природоспособность. Каждый человек достигает гармоничной целостности (гармонии души, сознания и плоти), ведет гармоничный образ жизни, выходит на гармоничную самореализацию [1–18].

Гармоничные семьи образуются на основе духовного, материального и физического благополучия, любви, уважения, доверия и согласия. Важной функцией семьи является воспитание детей. Прежде чем стать родителями, супруги формируют качества воспитателя. Воспитателями становятся родители, не имеющие аморальных наклонностей, имеющие высокий уровень культуры общения на этическом лексиконе, чтобы быть примером для подражания. Они формируют устойчивую психику, чтобы в конфликтных ситуациях сохранять высокий уровень культуры общения, поведения и отношений. Воспитателями становятся, во-первых, зрелые просвещенные родители, любящие и уважающие других, доверяющие другим людям, ведущие к гармоничной жизнедеятельности окружающих. Во-вторых, имеющие желание и склонность заниматься воспитанием, имеющие способность к взаимодействию с незрелыми живыми душами по формированию духовного сознания питанием благими смыслами, духовно-праведного и разумно-истинного выбора и гармоничной целостности, гармоничной культурно-рациональной коммуникативной смысловой среды.

Гармоничные трудовые коллективы развиваются на основе нравственной профессиональной ротации [1–18]. Вознаграждение в трудовом коллективе осуществляется за результаты деятельности, полученные в нравственных условиях.

Общество живет и развивается на основе мирной, гуманной политики, традиции мирного, гуманного вечного существования, гармоничных культурно-рациональных ценностей и нравственной профессиональной ротации по знаниям, умениям и отношениям с коллективами.

Взаимодействие власти и общества осуществляется путем общенародного референдума. На общенародном референдуме формируется социальный заказ на формирование и развитие социально-экономических условий общества. На основе предложений по реализации социального заказа общество нанимает власть путем выбора более профессионального и нравственного коллектива и программы реализации. После нравственной профессиональной ротации совершенствуется социально-экономическая структура общества. Общество совместно с властью развивают социально-экономические условия граждан путем совершенствования гармоничной культурно-рациональной деятельности и культурно-рациональных отношений.

В процессе гармоничной культурно-рациональной деятельности выявляются более совершенные знания и приобретаются более совершенные умения. Совершенствование гармоничной культурно-рациональной деятельности и культурно-рациональных отношений взаимодействующих субъектов развивает коллективную организацию общества.

Общество на основе гармоничных культурно-рациональных ценностей на пути устойчивого гармоничного развития коллективной организации достигает духовного, гражданского, социального и материального благоустройства и становится культурным, профессиональным и здоровым.

В культурном, профессиональном здоровом обществе гармоничные руководители направляют ресурс на устойчивое гармоничное развитие человека и гармоничной коллективной организации общества, на социально-ориентированную экологическую экономику, хозяйственная деятельность которой находится в согласии (гармонии) с Природой [1]. Гармония обеспечивает целостность человека, общества и Природы как соразмерную согласованность частей Мироздания.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2003.
2. Брентано, Франц. О происхождении нравственного познания [Текст] / Франц Брентано. – СПб. : Алетейя, 2000. – 185 с.
3. Брындин, Е. Г. За межконфессиональное единство [Текст] / Е. Г. Брындин. – UPF сегодня, декабрь 2011. – С. 14.
4. Брындин, Е. Г. Основы становления гармоничного общества [Текст] / Е. Г. Брындин. – Новосибирск : ИЦ, Томск : ТПУ, 2011. – 258 с.
5. Брындин, Е. Г. Междисциплинарное ценностно-ориентированное образование по гармонизации жизнедеятельности человека и общества [Текст] / Е. Г. Брындин // Образ человека будущего : Кого и как воспитывать в подрастающих поколениях : коллективная монография / под ред. О. А. Базалука. – Глава 6. — Киев : Издательский дом «Скиф», 2012. — Т. 2. – С. 96–105.
6. Вернадский, В. И. Начало и вечность жизни [Текст] / В. И. Вернадский. – М. : Сов. Россия, 1989. – 703 с.
7. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-Пресс : Ромир, 2000. – 382 с.
8. Деев, А. Н. Введение в теорию гармонии [Текст] / А. Н. Деев. – Новосибирск, 2001. – 294 с.
9. Кант, И. Лекции по этике [Текст] / И. Кант. – М. : Республика, 2000. – 431 с.
10. Кессиди, Ф. К. Глобализация и культурная идентичность [Текст] / Ф. К. Кессиди // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 76–79.
11. Колесникова, Г. И. Категория «гармония» в социокультурном аспекте [Текст] / Г. И. Колесникова. – Томск : ТГУ, 2002. – 58 с.
12. Кузнецов, О. Л. Устойчивое развитие [Текст] / О. Л. Кузнецова, П. Г. Кузнецов, Б. Е. Большаков. – М. : УПО и Ч., 2003. – 720 с.
13. Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок [Текст] / Ч. Х. Кули. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 309 с.
14. Мурашов, В. И. Идея духовного как основа и способ социальной жизни. [Текст] / В. И. Мурашов // Новые образовательные технологии в стратегии духовного развития общества : материалы междунар. конф. – Новосибирск : ГЦРО, 2000. – С. 6–26.
15. Спиноза, Б. Этика [Текст] / Б. Спиноза. – СПб. : Азбука, 2001. – 349 с.
16. Творение Богом праведной вечной жизни [Текст] / составитель: Е. Г. Брындин ; науч. изд. Кн. 1–3. – Новосибирск : ПРАВСТВЕННАЯ РОССИЯ, Томск : ТПУ, 2011. – 800 с.
17. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 2000.
18. Цицерон, М. Т. О пределах блага и зла [Текст] / М. Т. Цицерон. – М. : РГГУ, 2000. – 474 с.

ИСТОРИЯ

УДК 316.723

Владимир Александрович Емельянов
Челябинский государственный университет

РОСТ КОЛИЧЕСТВА КСЕНОФОБСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х

В статье указаны причины роста ксенофобских и экстремистских настроений в молодежной среде, и, как следствие, рост радикальных молодежных организаций во второй половине 90-х. Приведены примеры первых мероприятий данных организаций, их становление и процессы, возникшие в обществе в связи с их появлением.

Ключевые слова: молодежь, молодежные объединения, организации, движения, ксенофобия, экстремизм, радикализм, национализм.

«Шоковые» реформы первой половины 90-х гг. породили в молодежной среде открытую неприязнь к органам власти, к системе, допустившей развал во всех сферах жизни, великого государства. Апатия по отношению к политике и властям, существовавшая в конце советской эпохи и первое время после распада СССР с началом «шоковой терапии» сменилась раздражением. Кризис 1998 года вызвал резкий подъем социально-политической активности молодежи. Главным виновником сложившейся ситуации молодые люди считали правительство и государственную власть.

Не нашедшая применения адекватным общественным целям энергия молодежи сублимировалась в антиобщественные и девиантные практики в форме политического экстремизма. Физиологически так устроено, что в молодежной среде, деление на «своих» и «чужих» более выражено, чем у взрослых и происходит по другим критериям и основаниям, нежели у взрослых. Большое значение при этом играют субкультурные факторы, такие как принадлежность к какой-либо группе или субкультуре¹. В целом ситуацию можно описать так, что в молодежной среде одна группа подростков может считаться «чужой» по отношению к другой группе только потому, что они другие: живут не в том дворе, не так одеваются, приехали из другого города, имеют другой цвет кожи, разговаривают на другом языке. Это и есть естественная предрасположенность к делению на «своих» и «чужих» в молодежной среде, которая может обостряться в меру каких-либо факторов.

Гражданская война в Чечне, ущемление в этой республике прав русского населения, поток беженцев с Северного Кавказа с совершенно иной ментальностью, заполнение рабочих мест мигрантами из Средней Азии, все это способствовало возрастанию напряженности в обществе². Мигранты с Северного Кавказа и Средней Азии, как и стандартные мигранты по всему миру, приезжают в большие города и держатся этническими анклавами, ради выживания в новых условиях. С каждым годом их становится все больше и уже слышатся разговоры, что они ведут себя здесь, как хозяева³.

При низком, тем более падающем, уровне влияния конструктивных общественных организаций, о чем было сказано выше, в обществе начался процесс самоорганизации молодежи. Данная самоорганизация является не только формой существования молодежи, но и представляет собой упорядоченную деятельность. Начинают создаваться объединения, организации и движения в которых молодежь выступает преимущественно в качестве объекта целенаправленного воздействия. Социальную базу таких организаций

составляют в основном подростки из неблагополучных семей. В ряде исследований было установлено, что среди обучающихся в ПТУ металлистов и рокеров оказалось 56,5 %, футбольных болельщиков – 40 %⁴. Повсеместно наблюдается рост экстремистского потенциала. В 1998 году в Санкт-Петербурге численность неформалов оценивалась в 20–30 тысяч человек, в 2002 году – в 30–40 тысяч человек⁵.

Начиная с середины 90-х в России начала складываться контркультура, наиболее яркими представителями которой можно назвать рок-группу «Гражданская оборона» Е. Летова, движение «Инициатива революционных анархистов» (ИРЕАН) и профсоюз «Студенческая защита», организовавшие студенческие волнения в середине 90-х, а также Национал-большевистскую партию Лимонова (НБП) и «Русское национальное единство» (РНЕ) Баркашова.

Первые уличные акции «Студенческой защиты» носили протестный характер: десятки людей под черными флагами пели, танцевали и взрывали петарды под такие лозунги как: «Убей в себе президента!», «Никакой власти никому!», «Ельцин – Иуда, мы с тобой!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного!». Более серьезный характер принял митинг «Студенческой защиты» 12 апреля 1995 г., в котором приняло участие 5 тысяч студентов. В ходе беспорядков и последовавших столкновений с ОМОНОм около 200 человек получили различные травмы, больше 30 человек было задержано, разбито несколько милицейских машин.

Национал-большевистская партия с первого дня своего существования сделала ставку на молодежь. Э. Лимонов: «Новизна нашей партии заключалась в том, что мы решили искать себе личный состав среди молодежной тусовки, а не среди тусовки оппозиции... Обычно это 30-50 человек в городе, все друг друга знают и бегают из партии в партию». НБП одна из немногих экстремистских организаций, которая к концу 90-х имела отделения более чем в 50 субъектах России, насчитывала в общей сложности 5–7 тысяч человек.

С 1994 года НБП издает свою газету «Лимонка», которая до 1998 года являлась центром партийного строительства. Через несколько месяцев там, куда попадала «лимонка» образовывалась ячейка нацболов. В середине 90-х в НБП перешли часть активистов левых и контркультурных организаций, партия заручилась поддержкой многих рок-групп: «Гражданская оборона», «Запрещенные барабанщики», «Коррозия металла», «Че данс», «Виселица», «Зона сумерек», «Месиво» и т. п.

Во главе РНЕ, стояли солдаты, отслужившие в горячих точках, бывшие и настоящие военные, сотрудники правоохранительных органов с основной идеей о построении национального государства путем роста самосознания русских. Занимаясь агитацией и налаживая связи со всеми муниципальными службами, они бесплатно арендовали спортзалы школ, организовывали физподготовку молодежи, обучали ее обращению с оружием, тактике выживания.

Начиная с 1999 года националистические организации меняют методы и характер своей деятельности. Вместо организации митингов и издательской работы, акцент был смещен на громкие акции, служащие информационными поводами. Акции, проводимые НБП, делились на два вида: атака моральных ценностей и самозахват общественных учреждений.

С 2001 года в России учащаются факты систематических избиений представителей других национальностей многочисленными движениями скинхедов. В течение 2002–2003 гг. только по зарегистрированным данным были избиты более 100 иностранных студентов в одном из тверских вузов. Аналогичные случаи произошли в Москве, Воронеже, Самаре и Санкт-Петербурге.

Уровень молодежного насилия в России по данным UNESCO начал зашкаливать: 40 % молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет умирали насильственной смертью⁶.

В журнале «Дружба народов» один из номеров был практически полностью посвящен молодежному радикализму. В журнале были и такие слова: «...если бы не попусти-

тельство, втихую, баркашовцам и скинхедам, футбольным фанатам, то не было бы таких погромов на рынках, нападений на азербайджанцев и т. п. В крупных городах сегодня просыпается настоящий расизм, сочетающийся с другими формами ксенофобии и антизападничества, антиамериканизмом. Аморфный, повседневный расизм и неприязнь к чужакам у молодежи принимает более острые и агрессивно-демонстративные формы»⁷

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что в отсутствие официальных и конструктивно направленных институтов социализации молодежи произошла ее самоорганизация в группы экстремистского и националистического толка. Ценностный кризис и кризис идеалов стал самой характерной чертой неудачной социализации молодежи в тот период. Согласно результатам социологического исследования 2001 года, из 2710 опрошенных молодых людей, 73,1 % на вопрос: «Кого вы считаете героем нашего времени?» ответили: «Такого нет»⁸.

Примечания

¹ См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. М., 2008.

² См.: Левинсон А. Ксенофобия бьет по своим // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 257-261.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Социология молодежи : учебник / под ред. д-ра социол. наук., проф., чл. – корр. РАН В. Н. Кузнецова. М. : Гардарики, 2005. С. 234.

⁵ См.: Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / под ред. А. А. Козлова. СПб. : ХИМИЗДАТ, 2003. С. 316.

⁶ См.: Чижов Ю. Опричные дети на ярмарке вакансий. Весенние выступления скинхедов взволновали столицу // Культура. 2002. № 18–19.

⁷ См.: Дружба народов. 2001. № 12.

⁸ См.: Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социс. 2001. № 3. С. 126.

УДК 27 (92)

Филипп Иванович Семендяев

Армавирский Православно-Социальный Институт

МИТРОПОЛИТСТВО ЕФРЕМА ПЕРЕЯСЛАВСКОГО КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена характеристике достижений отечественной дореволюционной, советской и постсоветской историографии одного из начальных этапов становления христианства в Киевской Руси. Личность митрополита Ефрема Переяславского рассмотрена в контексте процессов самоопределения Руси в рамках международных взаимоотношений, а также межконфессиональных связей. Анализируя мнения специалистов, автор показывает, насколько противоречивой оказывается оценка личности митрополита Ефрема на фоне сложностей взаимоотношений католичества и православия на Руси в древнейший период.

Ключевые слова: Ефрем Переяславский, митрополиты, православие, католичество, межконфессиональный диалог, уния, история церкви.

тельство, втихую, баркашовцам и скинхедам, футбольным фанатам, то не было бы таких погромов на рынках, нападений на азербайджанцев и т. п. В крупных городах сегодня просыпается настоящий расизм, сочетающийся с другими формами ксенофобии и антизападничества, антиамериканизмом. Аморфный, повседневный расизм и неприязнь к чужакам у молодежи принимает более острые и агрессивно-демонстративные формы»⁷

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что в отсутствие официальных и конструктивно направленных институтов социализации молодежи произошла ее самоорганизация в группы экстремистского и националистического толка. Ценностный кризис и кризис идеалов стал самой характерной чертой неудачной социализации молодежи в тот период. Согласно результатам социологического исследования 2001 года, из 2710 опрошенных молодых людей, 73,1 % на вопрос: «Кого вы считаете героем нашего времени?» ответили: «Такого нет»⁸.

Примечания

¹ См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. М., 2008.

² См.: Левинсон А. Ксенофобия бьет по своим // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 257-261.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Социология молодежи : учебник / под ред. д-ра социол. наук., проф., чл. – корр. РАН В. Н. Кузнецова. М. : Гардарики, 2005. С. 234.

⁵ См.: Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / под ред. А. А. Козлова. СПб. : ХИМИЗДАТ, 2003. С. 316.

⁶ См.: Чижов Ю. Опричные дети на ярмарке вакансий. Весенние выступления скинхедов взволновали столицу // Культура. 2002. № 18–19.

⁷ См.: Дружба народов. 2001. № 12.

⁸ См.: Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социс. 2001. № 3. С. 126.

УДК 27 (92)

Филипп Иванович Семендяев

Армавирский Православно-Социальный Институт

МИТРОПОЛИТСТВО ЕФРЕМА ПЕРЕЯСЛАВСКОГО КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена характеристике достижений отечественной дореволюционной, советской и постсоветской историографии одного из начальных этапов становления христианства в Киевской Руси. Личность митрополита Ефрема Переяславского рассмотрена в контексте процессов самоопределения Руси в рамках международных взаимоотношений, а также межконфессиональных связей. Анализируя мнения специалистов, автор показывает, насколько противоречивой оказывается оценка личности митрополита Ефрема на фоне сложностей взаимоотношений католичества и православия на Руси в древнейший период.

Ключевые слова: Ефрем Переяславский, митрополиты, православие, католичество, межконфессиональный диалог, уния, история церкви.

Начальный этап становления христианства и церковного управления в Киевской Руси традиционно считается ключевым, основополагающим периодом в сложении русского национального сознания и культуры. В это же время происходит самоопределение Руси в контексте международных взаимоотношений, а также межконфессиональных связей.

Вторая половина XI в. характеризуется нарастанием напряжения между Восточной и Западной христианскими церквями, вылившегося в разделение церквей на православную и католическую, и Русь не могла оставаться в стороне от этих событий. Однако положение Руси в рамках международных связей и специфическое положение церкви в древнерусском государстве особым образом определили отношение Древней Руси к западноевропейской и византийской церковной традиции.

В этой связи одной из ключевых фигур второй половины XI века представляется Ефрем Переяславский, который в период своего митрополитства оказывал большое влияние на государственную жизнь страны. В отличие от митрополитов-греков, он был известен (по словам П. В. Знаменского), как святой муж и чудотворец; свое управление и переяславской епископией, и митрополией он ознаменовал строением многих церквей, больниц и странноприимниц. Поставление на митрополию он, впрочем, получил не в России, а в Греции¹.

Ситуация с оценкой митрополитства Ефрема приобретает особую остроту, если принимать во внимание проблему заключения унии с Римом в конце XI века и роль в этом процессе митрополита. Вышеуказанные обстоятельства, без сомнения, привели к тому, что сама тема «Ефрем Переяславский» длительное время входила в ранг «неудобных» и «неприкасаемых».

Немногочисленная историография вопроса в своей оценке церковных связей Руси и Западной Европы (равно как и Византии) в большей своей массе была идеологически предопределена как в дореволюционную, так и в советскую эпоху, и по этой причине сильно влияет и на современную историческую мысль².

В то же время, итоги накопления сведений о межцерковных русско-европейских связях не подводились уже более полу столетия³, из-за чего многие вновь выявленные факты не были должным образом осмыслены и не поставлены в связь с другими событиями, связанными со становлением межконфессионального диалога в Древней Руси. А относительное обилие исторических источников, освещающих жизнь и деятельность свт. Ефрема, порою создает впечатление, что данная тема лишена столь характерных для современности противоречий и ее рассмотрение не составляет труда. Однако ситуация с свт. Ефремом Переяславским изначально оказывается не лишенной сложностей, а для исторической науки – очень трудной.

Так, еще в начале XVII в. униатские польские и украинские историки подняли имя митрополита Ефрема в качестве знамени единения католической и православной церквей. В соответствии с таким подходом его деятельность рассматривалась как намеренное подчинение киевской митрополии Риму (заметим: по этому поводу православные полемисты вынуждены были обороняться самым решительным образом).

В начале XIX в. вопрос об участии митрополита Ефрема в учреждении на Руси западного церковного праздника Перенесения мощей Николая Чудотворца (9 мая) бурно обсуждался в кругу Н. М. Карамзина и графа Н. П. Румянцева. Из мемуаров К. Ф. Калайдовича можно заключить, что они для уяснения своих позиций специально обрабатывали летописные и другие источники⁴.

К середине XIX в. в отечественной исторической науке обозначилась явная тенденция, заключающаяся в преуменьшении значения деятельности Ефрема Переяславского. Если уже Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского»⁵ вынужден был ограничиться прохладным комментарием, то позднейшие историки, зажатые идеологией «государственного православия», вообще были лишены исследовательской свободы.

Вообще, мнение дореволюционной церковной науки гласило, что «будучи под влиянием греческой церкви, русская церковь уже а priori составляла себе представление о латинстве. По рассказам и источникам греческим она знала, что учение латинян развращено, и что сами латиняне народ негодный. Русская церковь не только приняла это представление о латинстве в первое время, но и удержала такой взгляд надолго»⁶. Кроме того, дореволюционным историкам было свойственно искусственное теоретизирование на заданную тему, порой при полном отсутствии подтверждающих исторических фактов⁷. Считалось, что христианство пришло на Русь напрямую из Византии, что Запад изначально пытался обратить русских в «свою веру» (обязательно с отрицательной оценкой этой веры еще «со времен» Кирилла и Мефодия), причем непременно насильственным способом, хотя для подобных утверждений для домонгольского периода не было никаких очевидных оснований.

После 1917 г. ситуация не изменилась кардинальным образом. Патриарший контроль сменило официальное неприязненное отношение к разысканиям по церковной истории. Личность Ефрема Переяславского так и осталась «вынесенной за скобки».

С годами неопределенность в этом вопросе только увеличивалась. Она привела к тому, что под сомнение были поставлены практически все известия, относящиеся к деятельности митрополита Ефрема. Его участие в некоторых комплексах литературных сочинений (Сочинения о Св. Николае Чудотворце, Студийский монастырский устав) либо категорически отвергалось, либо безапелляционно утверждалось; обнаруженная в конце XIX в. печать «протопроедра и митрополита России Ефрема», претерпев сложную исследовательскую судьбу, так и не была окончательно признана принадлежавшей Ефрему Переяславскому; разыскивались и разыскиваются массы причин, по которым тот или иной исторический факт нельзя связать с активностью этого архиерея, который порою приобретал два лица и две судьбы.

В историографической традиции XIX–XX вв. можно проследить целый спектр мнений (в т. ч. и диаметрально противоположных), касающихся отдельных аспектов жизни и деятельности свт. Ефрема Переяславского. Например, одни исследователи (К. И. Невоструев⁸, М. П. Погодин⁹, П. М. Строев¹⁰) называли его «киевским митрополитом в период около 1091–1096 гг.».

В других исследованиях (например, труде Н. К. Никольского¹¹) свт. Ефрем называется лишь «епископом Переяславским»; иногда – «епископом Переяславским, ставшим затем Киевским митрополитом» (в работах Е. А. Болховитинова¹², Т. В. Барсова¹³, А. А. Спасского¹⁴).

Также свт. Ефрема называют «титularным Переяславским митрополитом» (такую характеристику дает и А. В. Поппэ в своем известном труде «Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии»¹⁵; Я. Н. Щапов – в работе «Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.»¹⁶).

Еще в ряде исследований («Истории Русской церкви» Е. Е. Голубинского¹⁷, «Летописце о Ростовских архиереях»¹⁸) повествуется о жизни «Ефрема епископа Ростовского или Суздальского». Случалось и так, что «Переяславский» считали не обозначением управляемой епархии, а прозвищем или фамилией – именно в таком ракурсе идет речь в труде В. Г. Ляскоронского «История Переяславской земли с древнейших времен до половины XII столетия»¹⁹.

При этом тень свт. Ефрема Переяславского неизбежно проскальзывала практически в каждом исследовании по Русской истории второй половины XI в. Для страны это время было переломным во многих отношениях: зарождалась отечественная литература, формировались национальные особенности архитектуры, возникло русское летописание (то есть, можно сказать, русская история как наука), проявились региональные стили в изобразительном искусстве, мелкой пластике, активизировались экономические процессы, градостроительство, важные изменения претерпела организация государства и Церкви.

Одно из центральных мест в большинстве из перечисленных процессов занимает фигура митрополита Ефрема. Его участие отмечается не только в трансляции византийской традиции, но и в создании новых стилистических и художественных веяний; он предстает не только как один из персонажей в церковных и политических событиях той эпохи, но порою как их организатор и идеолог. Особенно это заметно при рассмотрении той роли, которую играл свт. Ефрем Переяславский в переменах, произошедших в государственном и церковном устройстве страны в 90-е гг. XI в.

Так или иначе, но ключевой церковной фигурой в системе церковно-государственных отношений в экономической, юридической, внешнеполитической и иных областях традиционно выступает должность киевского митрополита. Потому изучение места русского первоиерарха в сложной структуре протекавших в древнерусском государстве процессов представляет большую научную значимость²⁰.

На современном этапе исследователями успешно изучается целый пласт отдельных аспектов интересующей нас проблематики. Так, А. В. Назаренко в статье «Митрополии Ярославичей во второй половине XI века» приводит доказательства того, что Переяславскую митрополию в достаточно долгий период святительства Ефрема следует считать «анахронизмом, так как причины для ее существования исчезли со смертью киевского князя Святослава»; задается проблемой определения даты окончания святительства Ефрема и т. д.²¹.

Отдельно хотелось бы отметить монографическое исследование Д. Г. Хрусталева²². Как указывает автор, в ряду первых русских митрополитов Ефрем Переяславский является одной из ключевых фигур; в начале 1090-х гг. он стал проводить церковную политику, которую иногда называют «прозападной». Митрополит Ефрем Переяславский сыграл важную роль в процессах перемен, происходивших на Руси в этот период: он доставил из Константинополя Студийский устав; был автором крупного комплекса литературных памятников, посвященных прославлению Св. Николая Чудотворца, а также участвовал в утверждении на Руси западного праздника Перенесения мощей св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари. Также Ефрем был заказчиком многих храмов, принимал участие в создании необычной для русского зодчества переяславской архитектурной школы.

Несомненно, взаимосвязь религиозной и политико-экономической жизни древнерусского общества многократно подвергалась изучению и осмыслению с большинства существующих в современной науке точек зрения. Однако оценка митрополитства свт. Ефрема Переяславского в историографической традиции крайне неоднозначна. Вызвано это среди прочего и тем, что данный митрополит принадлежал к сложной переходной эпохе встраивания Руси в систему «Западная христианская цивилизация» – «Восточная христианская цивилизация». К тому же в изучаемый период сам статус русских митрополитов (равно как и их общественное и политическое положение) были достаточно двойственны. Так, они не только боролись за единство Русской церкви, способствовали развитию православия, русской словесности и просвещения – но зачастую выступали в качестве посредников в разрешении дипломатических и военных конфликтов между князьями, находились в существенной зависимости от них. В результате, помещенная в контекст конкретной социокультурной ситуации межконфессионального диалога конца XI века, фигура свт. Ефрема и расценивалась столь различно исследователями.

Примечания:

¹ Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Изд-е 3-е. Казань : Университетская типография, 1880. 478 с.

² Костромин К. А. Церковные связи Древней руси с Западной Европой (до середины XII века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). СПб., 2011. С. 1.

- ³ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М. ; Л. : АН СССР, 1959. 283 с.
- ⁴ Калайдович К. Ф. Записки важные и мелочные // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1861. Т. III (отд. П). С. 88–89.
- ⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 томах / под ред. А. М. Сахарова. М. : Наука, 1989. Т. 2–3. С. 65.
- ⁶ Синайский А. Л. Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому Западу (католицизму) : (X–XV вв.) : Церковно-исторический очерк. СПб. : Тип. Акционерн. Общества «Издатель», 1899. С. 11.
- ⁷ Знаменский П. В. История русской церкви. М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 30.
- ⁸ Невоструев К. И. Исследование о Евангелии, написанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировским списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М. : Скрипторий, 1997. С. 390.
- ⁹ Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1–2. М. : Терра, 1999. Т. 2. С. 171.
- ¹⁰ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1877. С. 1.
- ¹¹ Никольский Н. К. Материалы для повременного списка Русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб. : Акад. Наук, 1906. С. 316.
- ¹² Евгений (Болховитинов Е. А.), митрополит Киевский. Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. Киев : Типография Киево-Печерской Лавры, 1825. С. 72.
- ¹³ Барсов Т. В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб. : Типография П. А. Ремезова, 1878. С. 448.
- ¹⁴ Сергей (Спаский А. А.), архиепископ Владимирский. Полный Месяцеслов Востока. Т. II. Святой Восток. СПб. : Типография современных известий, 1876. С. 27.
- ¹⁵ Поппэ А. В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский Временник. Т. 28. 1968. С. 85–108.
- ¹⁶ Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М. : Наука, 1989. С. 56–62.
- ¹⁷ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 1. Период первый, киевский, или до-монгольский. 2-е изд., испр. и доп. М., 1901. С. 203.
- ¹⁸ Летописец о Ростовских архиереях. С примечаниями члена-корреспондента А. А. Титова. СПб. : Изд. Общества любителей древней письменности, 1890. С. 13.
- ¹⁹ Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XII столетия. Киев : Типография И. И. Чоколова, 1897. С. 476.
- ²⁰ Гайденок П. И. Место Киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси: 988–1037 гг. : дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Казань, 2005. С. 5–6.
- ²¹ Назаренко А. В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 103.
- ²² Хрусталев Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб. : Евразия, 2002. С. 6.

ЮБИЛЕЙ

ВЛАДИМИРУ НИКИФОРОВИЧУ БЕЛКИНУ – 80 ЛЕТ

В. Н. Белкин – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, председатель Челябинского отделения Академии гуманитарных наук, председатель экономического совета Челябинского научного центра УрО РАН, Почетный профессор Челябинского государственного университета.

26 августа 2012 года доктору экономических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ, директору Челябинского филиала Института экономики УрО РАН Владимиру Никифоровичу Белкину исполнилось 80 лет.

Владимир Никифорович родился в 1932 г. в городе Карабаше Челябинской области. Закончил Свердловский горный институт, получил специальность горный инженер – шахтостроитель. Трудовой путь начал горным мастером на шахте «Капитальная» в г. Копейске, затем был направлен на комсомольскую и партийную работу, работал первым секретарем Копейского горкома комсомола, вторым секретарем Еманжелинского горкома партии, руководителем лекторской группы Челябинского обкома партии.

Начиная с 1966 г., В. Н. Белкин занимается научно-педагогической деятельностью, заведовал кафедрой политэкономии в Челябинском государственном университете, в 1987 г. перешел на работу в РАН в качестве директора Челябинского филиала Института экономики УрО РАН. В. Н. Белкин известен в РФ и за рубежом как крупный ученый в области теоретико-методологических проблем труда, рабочей силы человека, трудовых отношений.

Им разработана новая экономическая дисциплина «Экономическая теория труда», вошедшая в систему наук по экономике труда. Глубокое исследование теоретико-методологических проблем человеческого капитала позволило В. Н. Белкину разработать «Теорию человеческого капитала предприятия», в которой впервые в экономической науке системно исследованы человеческий, организационный, интеллектуальный, социальный капитал и введено понятие «общий человеческий капитал персонала предприятия».

Им опубликовано более 250 работ, в том числе 24 монографии.

Большое место в научной работе В. Н. Белкина занимают проблемы региональной экономики. В течение многих лет он выступал в качестве инициатора и научного руководителя разработок региональных прогнозных, сценарных и программных материалов, которые способствовали решению социально-экономических проблем Челябинской области.

В 1998 г. под научно-методическим руководством В. Н. Белкина была разработана Программа «Экономическое и социальное развитие Челябинской области в 1999–2005 годах». Программа была утверждена Губернатором и принята Законодательным собранием области. Ее практическая реализация показала высокий научно-методический уровень проработки социально-экономических проблем области. Заложенные в Программу экономические и социальные показатели были достигнуты на практике.

Замечательной особенностью В. Н. Белкина является его постоянная связь с практикой. Под его руководством была разработана и широко внедрена в производство Рыночная система оценки и оплаты труда «РОСТ». Данная система позволяет преодолеть кризис традиционных систем оплаты труда в организациях, существенно поднять уровень мотивации и ответственности работников. В настоящее время Система «РОСТ» и

Система стимулирования инновационной активности персонала «Инновация» внедрены в организациях машиностроения, металлургии, легкой, пищевой промышленности, строительства, связи, сельского хозяйства, торговли и других отраслей.

Большое место в жизни В. Н. Белкина занимает педагогическая деятельность, подготовка кадров высшей квалификации. На основе научных достижений им были разработаны и преподавались оригинальные авторские дисциплины по проблемам труда, рабочей силы человека, трудовых отношений, человеческого капитала. В настоящее время В. Н. Белкин является научным руководителем магистратуры по экономике труда в Челябинском государственном университете. С его непосредственным участием подготовлены 5 докторов и 11 кандидатов экономических наук.

В. Н. Белкин принимает активное участие в общественной работе. В течение многих лет он возглавлял экспертно-консультативный совет Законодательного собрания Челябинской области. В настоящее время является членом коллегии Министерства экономического развития Челябинской области, председателем Челябинского отделения Академии гуманитарных наук.

В. Н. Белкин имеет государственные награды. В 2001 г. за большие достижения в научно-исследовательской работе он был награжден Орденом почета, имеет также медали «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», знак «За заслуги перед Челябинской областью», «Ветеран труда», является почетным профессором Челябинского государственного университета, в 2003 и 2004 годах был лауреатом конкурса «Лучшие экономисты РАН».